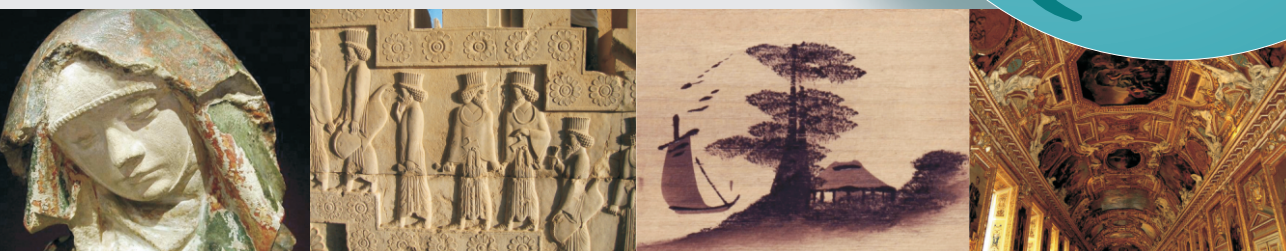

ISSN 2499-9997

№ 1
2025
Научный журнал

UNIVERSUM HUMANITARIUM

Основан в апреле 2015 года

Министерство науки и высшего образования РФ
Новосибирский государственный университет

UNIVERSUM HUMANITARUM

2025. № 1

Научный журнал

Периодичность – 2 раза в год. Выходит на русском языке

Главный редактор

Борисенко Алиса Юльевна, доктор исторических наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Давыдов Роман Вячеславович (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Члены редакционной коллегии

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Борисов Андриан Афанасьевич, доктор исторических наук (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия)

Дампилова Людмила Санжибоевна, доктор филологических наук (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия)

Долгушин Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук (Новосибирский государственный университет, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ким Игорь Ефимович, доктор филологических наук (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Кошкарева Наталья Борисовна, доктор филологических наук (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ойноткинова Надежда Романовна, доктор филологических наук (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия)

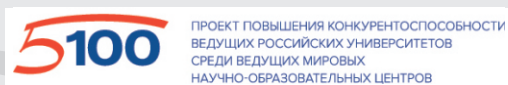
Октябрьская Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Панина Нина Леонидовна, доктор искусствоведения (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Рудая Наталья Алексеевна, доктор географических наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Уртегешев Николай Сергеевич, доктор филологических наук (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редактор И. А. Похорукова

В оформлении использованы иллюстрации, находящиеся в свободном доступе

Содержание

Археология

- Новичихин А. М.* Парадный кинжал из некрополя Горгиппии
как инсигния власти 6

Искусствоведение

- Айтач А., Серт Е.* Мифологические изображения в произведе-
ния профессора Мутлухана Таша (на англ. яз.) 18

Источники

- Соловцова Е. А.* Портреты заслуженных военачальников перио-
да правления императора Цяньлуна (1736–1795) из собра-
ния Государственного музея изобразительных искусство
им. А. С. Пушкина 34
- Клименко С. Г.* Первые переводы Нового Завета на арабский
язык: упоминания, цитаты, тексты 53
- Трухин В. И.* Пленные казаки и перебежчики в маньчжурском
Китае (1653–1708) 67

Молодые лица науки

- Сарвин Моради.* Артефакты эпохи Сасанидов в Западном Иране
(на англ. яз.) 108
- Пронин Д. И.* Сложносоставные луки развитого Средневековья
из скальных захоронений Монголии 123
- Макашев Д. В.* Мечи в комплексе длинноклинкового оружия
воинов Ямато III–VII веков 135

Content

Archaeology

- Novichikhin A. M.* Ceremonial Dagger from Gorgippia Necropolis as an Insignia of Power 6

Art History

- Aytaç A., Sert E.* Mythological Figures in the Works of Prof. Dr. Mutluhan Taş 18

Sources

- Solovtsova E. A.* Portraits of Meritorious Officials, Commissioned during the Reign of the Qianlong Emperor (1736–1795), in the Collection of Pushkin State Museum of Fine Arts 34
- Klimenko S. G.* The First Translations of the New Testament into Arabic: Mentions, Quotes, Texts 53
- Trukhiun V. I.* Captured Cossacks and defectors in Manchu China (1653–1708) 67

Young People of Science

- Sarvin Moradi.* Sassanid Artifacts in Western Iran 108
- Pronin D. I.* Composite Bows of the High Middle Ages from Rock Burials in Mongolia 123
- Makashev D. V.* Swords as Part of the Complex of Long-Bladed Weapons of Yamato Warriors 3rd – 7th Centuries 135

Археология

2025 Научный журнал

№ 1 Universum Humanitarium

Научная статья

УДК 902

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-6-16

Парадный кинжал из некрополя Горгиппии как инсигния власти

Андрей Михайлович Новичихин

Анапский археологический музей
Анапа, Россия

yazamat03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2431>

Аннотация

Предметом исследования является железный кинжал с золотой рукоятью и в золотых ножных, найденный при раскопках некрополя Горгиппии в богатом погребении второй половины II в. н. э. Ножны и рукоять кинжала декорированы в характерном для сарматского мира полихромном зверином стиле. Близкие по форме и художественному оформлению кинжалы обнаружены в захоронениях высшей сарматской знати – Дачи и Тилля-Тепе. Не исключено, что горгиппийский кинжал близок им по времени, и его следует относить к более раннему, чем содержавшее его погребение, периоду. Важным элементом декора ножен является девять раз повторенное изображение орла, терзающего зайца. Данный мотив восходит к древнеиранской мифологической традиции и символизирует воинскую удачу (Хеп. Сигор. II, 4). Находка статусного оружия сарматского типа с изображениями, отражающими характерные для иранского мира представления о воинской доблести, дают основания рассматривать горгиппийский кинжал как инсигнию власти, принадлежащую представителю сарматской знати, который осуществлял в Горгиппии функции военного предводителя. Вероятнее всего, он занимал известную по боспорским надписям должность «начальника аспургиан».

Ключевые слова

Боспорское царство, Горгиппия, некрополь, склеп, погребение, кинжал, терзающий зайца орел, инсигния власти, сарматы, аспургиане

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврики и Синдики в позднем эллинизме в свете новых археологических данных:

мультидисциплинарное исследование» по гранту Российского научного фонда № 23-18-00088

Для цитирования

Новичихин А. М. Парадный кинжал из некрополя Горгиппии как инсигния власти // *Universum Humanitarium*. 2025. № 1. С. 6–16. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-6-16

Ceremonial Dagger from Gorgippia Necropolis as an Insignia of Power

Andrey M. Novichikhin

Anapa Archaeological Museum
Anapa, Russian Federation

yazamat03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2431>

Abstract

The subject of the study is an iron dagger with a gold hilt and a gold scabbard, found during excavations of the Gorgippia necropolis in a rich burial in the second half of the second century A.D. The sheath and hilt of the dagger are decorated in a polychrome animal style characteristic of the Sarmatian world. Daggers similar in shape and decoration were found in the graves of the highest Sarmatian nobility – Dachy and Tillya-Tepe. It is possible that the Gorgippian dagger is close to them in time and should be attributed to an earlier period than the one containing its burial. An important element of the scabbard's decor is the nine-fold repeated image of an eagle torturing a hare. This motif dates back to the ancient Iranian mytho-epic tradition and symbolizes military luck (Xen. Cirop. II, 4). The discovery of Sarmatian-type status weapons with images reflecting the ideas of military prowess characteristic of the Iranian world gives reason to consider the Gorgippian find as an insignia of power belonging to a representative of the Sarmatian nobility, who performed the functions of a military leader in Gorgippia. Most likely, he held the position of «chief of the Aspurgians», known from Bosporan inscriptions.

Keywords

Bosporan kingdom, Gorgippia, necropolis, crypt, burial, dagger, eagle, torturing a hare, insignia of power, Sarmatians, Aspurgians

Acknowledgements

The reported study was funded by the framework of the project “The beginning of the confrontation between East and West. The struggle of Mithridates VI with Rome and the fate of the peoples of Taurica and Syndica in Late Hellenism in the light of new archaeological evidence: a multidisciplinary study” under the grant of the Russian Science Foundation no. 23-18-00088

For citation

Novichikhin A. M. Ceremonial Dagger from Gorgippia Necropolis as an Insignia of Power. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 6–16. (in Russ.) DOI 1025205/2499-9997-2025-1-6-16

Введение

Открытие в 1975 г. на некрополе античной Горгиппии богатого погребения второй половины II – начала III в. н. э. (склепа 2 1975 г.) предоставило в распоряжение исследователей комплекс разнообразных материалов, позволяющих с новых позиций рассматривать многие аспекты не только археологии северо-восточной периферии античного мира, но и некоторые вопросы политической и этнокультурной истории региона.

Непотревоженное захоронение было совершено в просторной квадратной (3,4 × 3,4 м при глубине 2 м) гробнице, вырубленной в материковой скале. В погребальной камере находилось два каменных (известняковых) саркофага, один из которых (саркофаг 1) содержал парный набор золотых ритуальных предметов (наглазники, нагубники, нагрудники), указывающий на то, что в нем были погребены две девочки, кости которых не сохранились. Саркофаг 2 содержал богатый инвентарь захоронения мужчины, кости которого также не сохранились: комплект золотых ритуальных предметов (венки, наглазники, нагубник, трилистники обшивки погребального одеяния), золотые гривну, браслет, фибулу, два перстня, набор из 20 полых бус, детали поясного набора (пряжка, наконечник ремня, накладка), детали конского убора, металлические детали и украшения шкатулки, серебряную и стеклянную посуду, железный меч и железный кинжал в золотых ножнах с золотой рукоятью и другие предметы. Часть инвентаря находилась вне саркофага: на момент исследования они лежали на полу погребальной камеры [Алексеева, 2021, с. 182–272].

Горгиппийский кинжал: происхождение, декор, культурная принадлежность, историческая интерпретация

Предметом настоящего исследования является одна из самых ярких находок в горгиппийском склепе 2 1975 г. – железный кинжал с золотыми художественно оформленными обкладками рукояти и ножен (см. рисунок). Общая длина изделия (кинжала, вложенного в ножны) составляет 36,8 см, из которых 23,6 см приходится на ножны, а 13,2 см –

на рукоять оружия. Ширина ножен 4,5 см, они снабжены двумя парами полукруглых выступов, максимальная ширина по верхнему из которых составляет 11,3 см. Длина железного клинка 21,3 см, ширина 4,2 см¹. Рукояти и ножны кинжала украшены выполненными в технике тиснения (басмы) изображениями птиц и зверей. На рукояти трижды изображены фигуры орлов. На ножнах у устья – фигура павлина, заключенная в прямоугольную рамку. Вдоль ножен и на выступах девять раз повторяется сцена терзания зайца орлом. По периметру рукояти и ножен с внешней стороны проходит бордюр со вставками грантов-кабошонов каплевидной и овальной формы: сохранились 58 камней, девять лунок на момент открытия были пустыми. Детали оперения птиц и уши зайцев были оформлены каплевидными бирюзовыми вставками: сохранилась 31, 13 гнезд оказались пустыми.

Несмотря на дискуссионность вопроса о времени совершения захоронения в склепе 2 1975 г. (в пределах второй половины II – начала III в. н. э.), исследователи сходятся во мнении о том, что описанный кинжал был изготовлен значительно раньше и долгое время находился в обиходе. На это указывают заметная потертость изделия, а также утрата части украшавших его вставок из цветных камней: как отмечает Е. М. Алексеева, «внутри запломбированного саркофага без наполнения грунтом выпавших камней не найдено, утрата произошла при пользовании

Парадный кинжал из Горгиппии. Фото Е. Харланова.

По: [Новичихин, Галут, 2013, с. 42, 43]

Ceremonial dagger from Gorgippia. Photo by E. Kharlanov.

According to: [Novichikhin, Galut, 2013, pp. 42, 43]

¹ Размеры даны по: [Алексеева, 2021, с. 203].

оружием» [Алексеева, 2021, с. 203, 277]. Автор раскопок отмечает также повреждение золотой обкладки (следы ремонта?) в верхней части рукояти, при котором форма навершия могла быть изменена [Там же]. Е. М. Алексеева не акцентировала внимание на датировке горгиппийского кинжала, В. И. Мордвинцева на основании особенности декора, относит его к первой половине – середине II в. н. э. [Mordvintseva, 2015, p. 198, cat. 22].

Горгиппийский кинжал неоднократно публиковался, прежде всего в каталогах археологических выставок, и становился предметом исследования. Его обычно сопоставляют с серией кинжалов с двумя парами выступов на ножнах из погребений варварской элиты, однако отметим, что привлекаемые иногда в качестве аналогий ножны кинжалов из разрушенного погребения в Косике и некрополе Армазисхеви (Грузия) выполнены в совершенно иной технике и едва ли могут служить корректным сравнительным материалом. Таким образом, парадный кинжал из некрополя Горгиппии следует рассматривать в контексте всего двух находок – кинжалов с золотыми рукоятями и ножнами, богато декорированными тисненными изображениями животных и цветными камнями, из погребений высшей аристократии сарматского круга I в. н. э.: в кургане Дачи близ Азова и в некрополе Тиля-Тепе в Афганистане.

Украшенный золотом меч / кинжал в обществах прошлого являлся инсигнией, или регалией, высшей, прежде всего царской, власти. Ярким воплощением этой традиции служат мечи и кинжалы с золотыми рукоятями в золотых ножнах, найденные в погребениях скифской и сарматской аристократии. По справедливому замечанию В. И. Мордвинцевой, это является отражением иранской традиции, так как и скифская, и сарматская культуры, «считаются иранскими по своему происхождению» [Мордвинцева, 2015, с. 78].

Декорирование рукоятей и ножен мечей золотыми элементами получило широкое распространение в сарматской среде в период с III в. до н. э. до середины III в. н. э.: В. И. Мордвинцевой учено почти три десятка подобных находок [Mordvintseva, 2015]. Из всей многочисленной серии декорированного золотом клинкового оружия, как указывалось выше, к горгиппийской находке по форме и особенностям оформления близки только два экземпляра, происходящих из богатейших погребальных комплексов сарматского времени – Дачи и Тиля-Тепе. На сходство этих кинжалов исследователи обращали внимание неоднократно; анализу художественного оформления этих трех предметов вооружения И. П. Засецкая посвятила специальное исследование [Засецкая, 2015].

М. Ю. Трейстером обосновано мнение о том, что парадные кинжалы с четырьмя выступами на ножнах в I в. до н. э. – II в. н. э. являлись инсигниями власти представителей знати – как кочевого мира, так и позднееллинистических государств Востока, свидетельством чему являются не только находки богато декорированных кинжалов в погребениях элиты, но и их изображения на рельефах [Трейстер, 2010, с. 526–531; 2018, с. 415; Алексеева, 2021, с. 206].

Ношение кинжалов в ножнах с четырьмя лопастями, прикрепленными к поясу и бедру воина-всадника, считается общепризнанным [Засецкая, 2015, с. 190, илл. 1]. Как показало исследование М. Ю. Трейстера, кинжалы с подобными ножнами и такой способ их ношения были распространены на Боспоре с конца I в. до н. э. по середину II в. н. э.: что засвидетельствовано изображениями воинов-всадников (реже – пеших воинов) на боспорских надгробных рельефах этого времени [Kreuz, 2003; Трейстер, 2010, с. 486–488, 494–496]. В материалах Горгиппии известно единственное изображение короткого меча с четырьмя лопастями на ножнах, прикрепленного к бедру, но не всадника, а пешего воина – мужское надгробие I–II вв. н. э. из Анапы, хранящееся в ГИМ [Сокольский, 1954, с. 151, рис. 6; Трейстер, 2010, с. 485, 527, рис. 7]. Отметим, что из всех известных на сегодняшний день боспорских изображений прикрепленных к бедру мечей и кинжалов меч на статуе из Анапы по форме ближе всего к кинжалу из горгиппийского склепа 2 1975 г.: отличие заключается только в заметно утолщенных верхней части рукояти и окончания ножен.

П.-А. Кройц обратил внимание на то, что всадники с прикрепленным к бедру кинжалом на боспорских рельефах не имеют никакого защитного вооружения, что, по его мнению, поддерживаемому М. Ю. Трейстером, служит свидетельством посмертной героизации персонажа, стремлением подчеркнуть его отвагу, воинскую доблесть, общественную значимость [Kreuz, 2003, S. 207; Трейстер, 2010, с. 531].

Судя по рельефу на надгробии Дафна, сына Психариона, кинжалы сарматского типа с четырьмя лопастями на ножнах и способ ношения их привязанными к бедру появляются на Боспоре в эпоху Аспурга, и, по мнению М. Ю. Трейстера, связаны с аспургианами: исследователь допускает, что такие «всаднические» кинжалы могли указывать на принадлежность изображенных на рельефах воинов к царской гвардии или на то, что они являются аспургианами либо их потомками [Трейстер, 2010, с. 530].

Ключевым сюжетом изображений на ножнах горгиппийского кинжала является сцена терзания зайца орлом, повторенная девять раз.

В иранской мифоэпической традиции мотив терзания зайца орлом символизировал жертвоприношение. Показательным примером служит описанный Ксенофонтом случай, когда заяц, растерзанный орлом на глазах у отправляющегося в поход войска, был воспринят его предводителем, персидским царевичем Киром, как предзнаменование грядущей победы (Хен. Сироп. II, 4). Девять раз повторенное изображение орла, терзающего зайца, на золотых ножнах кинжала не только наделяло его владельца воинской удачей, но и девятикратно ее увеличивало.

Для Горгииппии, «царской столицы синдов», как назвал ее Страбон (Strabo. XI, II, 10), изображение орла, терзающего зайца, на статусном оружии особенно показательно. Когтящий зайца орел трижды изображен на предметах торевтики из Семибратних курганов – некрополя синдских царей V – начала IV в. до н. э.: причем этим сюжетом украшены такие статусные предметы, как золотые обкладки ритонов (курган 4) и серебряная обкладка горита (курган 2) [Новичихин, 2015, с. 48]. В начале IV в. до н. э. – после вхождения Синдики в состав Боспора – титул «царь синдов», засвидетельствованный надписью с Семибратнего городища, официально перешел к боспорским царям, именовавшимся так, судя по надписям, перечислявшим титулы Спартокидов, до середины III в. до н. э. (от Левкона I до Перисада II: КБН 6, 8, 9, 10, 11, 25, 971, 972, 1014, 1015, 1037–1040 и др.). Автору уже приходилось обращать внимание на то, что спустя почти три столетия, в начале I в. н. э., «царь синдов» вновь появляется в официальной титулатуре Аспурга [Новичихин, 2015, с. 50]. Весьма вероятно, что засвидетельствованное надписями (КБН 39, 40) именование Аспурга «царем синдов» (и других меотских племен) не только представляет «политически важные аллюзии на титулатуру Спартокидов» [Тохтасьев, 2004, с. 172], но и отражает реальную этнополитическую ситуацию в начале I в. н. э. Именно в это время, как указывалось выше, на Боспоре распространяются степные кинжалы с выступами на ножнах и способ их ношения прикрепленными к бедру. Как уже отмечалось, по мнению М.Ю. Трейстера, это связано с появлением на Боспоре аспургиан. Не приходится сомневаться, что предводители аспургиан, ставших царской гвардией, вошли в состав боспорской военной элиты, а возможно, как считает Н. В. Завойкина [2023, с. 140, 141, 149], породнились с Аспургом. Именно в среде близкой к престолу сарматской (сиракской) по происхождению аристократии (или ее прямых потоков) мог появиться оформленный в полихромном зверином стиле парадный кинжал с сюжетом, не только восходящим к иранской мифоэпической традиции, но и маркирующим преемственность царской власти над синдами.

В разнообразном комплексе погребального инвентаря, сопровождавшем мужчину, захороненного в саркофаге 2 горгиппийского склепа 2 1975 г., содержались и другие предметы «представительского класса», указывающие на высокий ранг погребенного в боспорской правящей элите. Е. М. Алексеева особо выделяет его военные функции, предполагая для погребенного «одну из высших военных магистратур всаднического сословия». Весь же комплекс горгиппийских гробниц, открытый в 1975–1976 гг., уверенно интерпретируется ею как родовой некрополь семейства правителей Горгиппии, имеющего царское происхождение [Алексеева, 2021, с. 287–290]. Анализ эпиграфических памятников с упоминанием «наместников Горгиппии» действительно показывает, что наместнические функции в этом боспорском полисе на протяжении долгого времени исполняли представители одного знатного семейства, образуя своего рода локальную правящую «династию» [Завойкина, 2001]. В рамках такой «династии» вполне ожидаемо долговременное сохранение раритетов, служивших символами власти у представителей предшествующих поколений. В этом отношении кинжал, относящийся к первой половине II в. н. э. (по В. И. Мордвинцевой) или к гораздо более раннему, вплоть до эпохи Аспурга, времени, вполне мог стать подобной династической реликвией, подтверждающей преемственность властных (или высших военных) функций.

Заключение

В поисках первоначального владельца кинжала представляется необходимым еще раз вернуться к памятникам боспорской эпиграфики. В танаисских надписях КБН 1246, 1248 (время Рискупорида III) и пантикапейской КБН 36 (время Тейрана) упоминается «начальник аспургин»: надо полагать, этот термин появился в номенклатуре правящей элиты Боспора намного раньше. Именно выходцу из среды аспургин (или его прямому потомку), начальнику царской гвардии, родственнику монарха и принадлежал изначально богато украшенный парадный кинжал, передававшийся впоследствии из поколения в поколение и ушедший в мир мертвых с последним представителем династии.

Список литературы

Алексеева Е. М. Некрополь античного города Горгиппии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н. э. М., Вологда: Древности Севера, 2021. 351 с.

- Завойкина (Смирнова) Н. В.** Наместники Горгииппии // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 350–367.
- Завойкина Н. В.** Сарматская тамга на медных монетах Аспурга: проблема интерпретации // *Nuранis*. Тр. отдела классической археологии. М., 2023. Т. 5. С. 132–152.
- Засецкая И. П.** О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры – II века новой эры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. Вып. 40. С. 189–231.
- Мордвинцева В. И.** Парадные мечи в погребальном контексте (на материале погребений элиты Северного Причерноморья III в. до н. э. – середины III в. н. э.) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий: Материалы тематической научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 77–80.
- Новичихин А. М.** Мотив «орел, терзающий зайца» на памятниках торевтики с территории Синдики в историческом и культурном контексте // Северный Кавказ: искусство в контексте времени.: Материалы Междунар. науч. конф. Майкоп: Графика, 2015. С. 48–52.
- Новичихин А. М., Галут О. В.** Золото Горгииппии. Научно-популярный альбом-каталог. Краснодар: Платонов И., 2013. 96 с.
- Сокольский Н. И.** Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии СССР. 1954. № 33. С. 123–196.
- Тохтасьев С. Р.** Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // Вестник древней истории. 2004. № 3. С. 144–180.
- Трейстер М. Ю.** Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // Древности Боспора. 2010. Т. 14. С. 484–561.
- Трейстер М. Ю.** Парадный кинжал в ножнах из Дач // Причерноморье в античное и средневековое время. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2018. Вып. 2. С. 413–431.
- Kreuz P.-A.** Ein Waffentyp als Indikator kulturellen Wandels? Das Ringknaufschwert auf Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich // *Festschrift. 10 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd*. 1993–2003. Köln, Wolgograd, 2003. S. 194–212.
- Mordvintseva V.** Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd C. BC – mid-3rd AD) // *Anabasis*. 2015. No. 6. P. 174–215.

References

- Alekseeva E. M.** Nekropol antichnogo goroda Gorgippii: kompleks grobnits rubezha II–III vv. n. e. [Necropolis of the ancient city of Gorgippia: tomb complex of the turn of the 2nd – 3rd centuries AD]. Moscow, Volgda, Drevnosti Severa Publ., 2021, 351 p. (in Russ.)
- Kreuz P.-A.** Ein Waffentyp als Indikator kulturellen Wandels? Das Ringknaufschwert auf Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich. In: Festschrift. 10 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd. 1993–2003. Köln, Wolgograd, 2003, S. 194–212.
- Mordvintseva V.** Paradnye mechi v pogrebalnom kontekste (na materiale pogrebenii elity Severnogo Prichernomorya III v. do n. e. – serediny III v. n. e. [Ceremonial swords in a funerary context (based on the burials of the elite of the Northern Black Sea region of the 3rd century BC – the Middle of the 3rd century AD)]. In: Rannii zheleznyi vek Evrazii ot arkhaiski do rubezha er. Tsentry, periferiya i modeli kul'turnykh vzaimodeistvii [The Early Iron Age of Eurasia from the Archaic to the turn of the era. Centers, peripheries, and models of cultural interactions]. Proceedings of a thematic scientific conference. St. Petersburg, Skythia-print, 2015, pp. 77–80. (in Russ.)
- Mordvintseva V.** Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd C. BC – mid-3rd AD). *Anabasis*, 2015, no. 6, pp. 174–215.
- Novicikhin A. M.** Motiv “orel, terzayushii zaitsa” na pamyatnikakh torevtiki s territorii Sindiki v istoricheskom i kul'turnom kontekste [The motif “eagle torturing a hare” on the monuments of the Toreutics from the territory of Sindica in the historical and cultural context]. In: Severnyi Kavkaz: iskusstvo v kontekste vremeni [North Caucasus: art in the context of time]. Proceedings of the International Scientific Conference. Maikop, Grafika, 2015, pp. 48–52. (in Russ.)
- Novicikhin A. M., Galut O. V.** Zoloto Gorgippii. Nauchno-populyarnyi al'bom-katalog [Gorgippia's gold. Popular science album catalog]. Krasnodar, Platonov I. Publ., 2013, 96 p. (in Russ.)
- Sokolsky N. I.** Bosporskie mechi [Bosporan swords]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1954, no. 33, pp. 123–196. (in Russ.)
- Tokhtasyev S. R.** Sindika i Bospor v epokhu Levkona I (Obzor novykh epigraficheskikh publikatsii) [Bosporus and Syndica in the era of Leucon I (Review of new epigraphic publications)]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 2004, no. 3, pp. 144–180. (in Russ.)

- Treyster M. Yu.** Oruzhie sarmatskogo tipa na Bospore v I–II vv. n. e. [Sarmatian-type weapons on the Bosphorus in the 1st – 2nd centuries AD]. *Drevnosty Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*], 2010, vol. 14, pp. 484–561. (in Russ.)
- Treyster M. Yu.** Paradnyi kinzhals v nozhnakh iz Dach [Ceremonial dagger in a sheath from Dachas]. In: *Prichernomor'e v antichnoe i srednevekovoe vremya* [The Black Sea region in ancient and medieval times]. Rostov on Don, SFU Press, 2018, iss. 2, pp. 413–431. (in Russ.)
- Zasetskaya I. P.** O stilisticheskikh osobennostyakh trekh kinzhalov sarmatskoi epokhi I veka do novoi ery – II veka novoi ery [On the stylistic features of the three daggers of the Sarmatian epoch of the 1st century BC – 2nd century AD]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2015, iss. 40, pp. 189–231. (in Russ.)
- Zavoykina (Smirnova) N. V.** Namestniki Gorgippii [The Viceroy of Gorgippia]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*], 2001, vol. 4, pp. 350–367. (in Russ.)
- Zavoykina N. V.** Sarmatskaya tamga na mednykh monetakh Aspurga: problema interpretatsii [Sarmatian tamga on Aspurg copper coins: a problem of interpretation]. In: *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoi arkheologii* [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology]. Moscow, 2023, vol. 5, pp. 132–152. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Михайлович Новичихин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Andrey M. Novichikhin, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 07.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 12.02.2025
The article was submitted on 07.01.2025;
approved after reviewing on 12.02.2025; accepted for publication on 12.02.2025

Искусствоведение

2025 Научный журнал

№ 1 Universum Humanitarium

Научная статья

УДК 75.046

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-18-32

Mythological Figures in the Works of Prof. Dr. Mutluhan Taş

Ahmet Aytaç¹, Emre Sert²

^{1,2} Aydın Adnan Menderes University
Aydın, Türkiye

¹ cicimsumak@gmail.com

² emresertgraphic@gmail.com

Abstract

This study deals with the contemporary interpretations of mythological figures in Prof. Dr. Mutluhan Taş's works in Turkish art. The compositions created by the artist using balbals, tombstones, shaman figures and Seljuk symbols have an original approach that blends the rich heritage of Turkish culture with modern art.

The aim of the study is to examine how Turkish mythological figures find a place in contemporary art through the works of Mutluhan Taş and to evaluate the role of these figures in preserving cultural memory.

Within the scope of the research, figurative and abstract elements used in the artist's works were analyzed in detail. The color palettes, calligraphic arrangements and mythological symbols in the compositions establish an aesthetic bond that brings together the past and the present. In addition, through these symbols, the artist's method of handling historical and cultural elements from a contemporary perspective has been revealed.

The findings reveal the success of Mutluhan Taş's works in reinterpreting Turkish culture through art. The artist's works create a bridge between traditional and contemporary art and take the viewer on a cultural journey. The study supports the consideration of mythological figures in the literature in the context of contemporary art and makes an important contribution to the deficiencies in this field.

Keywords

mythology, painting, art, culture, figure

For citation

Aytaç A., Sert E. Mythological Figures in the Works of Prof. Dr. Mutluhan Taş. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 18–32. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-18-32

© Aytaç A., Sert E., 2025

Мифологические изображения в произведениях профессора Мутлухана Таша

Ахмет Айтач ¹

Эмре Серт ²

^{1,2} Aydın Adnan Menderes University

Aydın, Türkiye

¹ cicimsumak@gmail.com

² emresertgraphic@gmail.com

Аннотация

Исследование посвящено современным интерпретациям мифологических персонажей в произведениях профессора, доктора Мутлухана Таша в турецком искусстве. Композиции, созданные художником с использованием балбалов, надгробных плит, фигур шаманов и сельджукских символов, отличаются оригинальным подходом, сочетающим богатое наследие турецкой культуры с современным искусством.

Цель исследования – изучить место турецких мифологических персонажей в современном искусстве благодаря работам Мутлухана Таша и оценить роль этих персонажей в сохранении культурной памяти.

В рамках исследования были подробно проанализированы фигуративные и абстрактные элементы, использованные в работах художника. Цветовая палитра, каллиграфические композиции и мифологические символы в композициях создают эстетическую связь, которая объединяет прошлое и настоящее. Кроме того, с помощью этих символов был раскрыт метод работы художника с историческими и культурными элементами с современной точкой зрения.

Находки свидетельствуют об успехе работ Мутлухана Таша в переосмыслении турецкой культуры посредством искусства. Работы художника создают мост между традиционным и современным искусством и увлекают зрителя в культурное путешествие. Исследование поддерживает рассмотрение мифологических персонажей в литературе в контексте современного искусства и вносит важный вклад в устранение лакун в этой области.

Ключевые слова

мифология, живопись, искусство, культура, фигура

Для цитирования

Айтач А., Серт Е. Мифологические изображения в произведениях профессора Мутлухана Таша (на англ. яз.) // Universum Humanitarium. 2025. № 1. С. 18–32. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-18-32

Introduction

Art, in its most general and simple sense, is expressing one's feelings, thoughts and dreams with concrete or abstract materials by using one's creative power, and providing an aesthetic experience.

The phenomenon of art has gone through various changes. Thanks to these changes and developments, it has gone through a rapid process and appeared in different forms. The art of painting, which has survived from the paintings made by the first people to the present day, has been of great importance in terms of observing the emergence and development of new styles throughout the ages [Değerli and Türker, 2016, p. 63]. When we look at today's arts, it does not seem possible to talk about a single movement or style that drags artists along [Taş and Yıldırım, 2021, p. 183].

From the moment of its existence, in every period of history, human beings have always tried to make sense of the mountains, seas, animals, trees, plants, imaginary beings, natural events, in short, everything in the universe, thanks to the knowledge they have acquired, sometimes out of interest and curiosity, sometimes out of desire to understand and control dangerous situations. Of course, this meaning has varied depending on each society's unique values such as language, religion and culture. These differences have led to the emergence of countless myths, mythologies, legends and symbols [Büyükkol, 2020, p. 110].

Just as it is a branch of science in which very primitive thoughts were tried to be transferred from generation to generation in oral culture in the past, "Mythology is known as the science of myths that are transmitted between generations by traditional means. It is very difficult to make a definition for myths that will be accepted by all experts and accepted by ordinary people. Myth, which each culture interprets from its own perspective, is the mythos of the ancient Greeks; In other words, it is the name they give to their tales, which they call expressions of made-up words. Although the concept of mythology derives from the expression given by the Greeks, it is not the material of a single nation or culture, but is a branch of science that deals with the legends and beliefs of all nations" [Gültepe, 2015, p. 17–18].

A symbol is an abstract image used to represent a specific concept, idea or object. These images may carry cultural, religious, social or personal meanings and facilitate communication. Symbols have been used in various ways in different cultures and periods throughout human history [Bazyar Kaptan 2016, p. 114]. In fact, thanks to metaphors, a lot is explained with few words, indirect expression of things that cannot be explained directly is provided, the

language is enriched, and implicit thoughts are revealed [Değerli, 2021, p. 183].

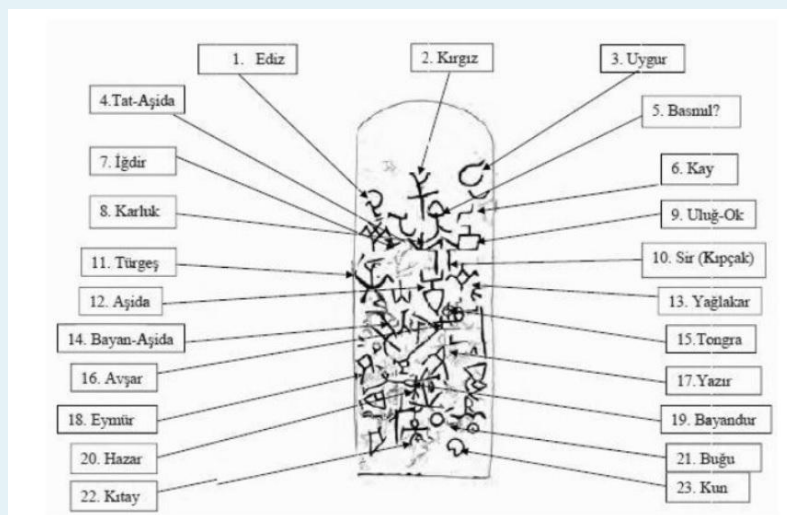

Fig. 1. Tribes to which the stamps on the Şiveet-Ulaan monument belong
[Kıdıralı and Babayar, 2015, p. 16]

The word Tamga is expressed as Damga in today's Turkey Turkish. Its original form mentioned in eternal stones is Tamga. "Tamgas are defined as signs of clan, lineage and holiness" [Duran, 2019, p. 681]. Tamgas were an expression of identity in Turkish cultural life. This identity was different social and political identities that existed at all stages of life. "The existence of different types of tamgas such as clan, tribal union, ethnic political unity, dynasty [ruling dynasty], family and ruler tamgas" [Kıdıralı and Babayar, 2015, p. 10–11] constitute examples of the different identities in question. "The word 'Tamga', which lives in similar forms in Turkish dialects, has also passed from Turkish to Russian and Mongolian" [Toprak, 2011, p. 556]. Ancient Turkish peoples expressed their belief world, culture and mythological imagination with tamgas. "Tamga" sometimes meant any creation myth, sometimes it meant neck ongunu. Tamga lived on carpets, on horses, in tattoos on bodies, on stones, on clothing, and on almost everything people used. Tamgas first appeared as visual and intellectual writing when there was no textual writing. After their number increased over time, they took the form of writing by ordering the tamgas [Aklimov, 2014, p. 223].

A figure, in the visual arts, especially painting and sculpture, is any depiction that represents an object, living thing, or human form. These depictions can be realistic, abstract or symbolic. Figures are an important tool used by the artist to tell a story, express an emotion or convey an idea. In the painting, the figure may be in the center of the composition or play a smaller role in the background. The figure's size, position, expression, and relationship with its surroundings profoundly affect the meaning of the painting. Figures can reflect not only external appearance, but also the inner world, character and psychological state. The use of the figure in art history has gained different meanings in different cultures and periods and has been shaped according to the personal interpretations of the artists. Figures are used in a wide range of art, from mythological creatures to historical figures, from abstract forms to realistic portraits.

Mythological paintings not only present a visual feast, but also carry deep meanings and cultural codes [Gögebakan, 2017, p. 1].

The colors, shapes, positions of symbols and their relationships with other visual elements give important clues about the belief systems, values and worldview of that society. When examining the symbols in mythological paintings, it is necessary to first have information about the mythology and symbolism specific to the culture to which that painting belongs. Next, visual elements such as the overall composition of the painting, the color palette, and the techniques used should be carefully analyzed.

The place and decisiveness of mythology in contemporary art is undisputed. However, when it comes to mythology, Art History has focused heavily on certain periods, before Modernism. It is rarer to see Contemporary Art evaluated in the light of mythology. However, it can be claimed that the roots of many contemporary movements are based on mythology. What is in question here is undoubtedly a different effect from the clear story transfer in classical art. Searching for traces of mythology today will both bring a new perspective to Contemporary Art and keep mythology alive [Bazıyar Kaptan, 2016, p. 114].

There are two aesthetic currents in the structure of the painting. "Going to nature and escaping from nature". Eroğlu, who said, "Turks took the second path as basis," wanted to express that they went beyond imitating the surrealist attitude and nature in Turkish painting and painted the picture of their inner world [Eroğlu, 2019, p. 33].

The origin of Turkish painting goes back to petroglyphs. However, the oldest painting examples are clearly seen in the korigans of the Göktürk period [Aytaç, 2021, p. 74]. It can be said that the main development of Turkish painting started with the Uyghur period. Manichean religion is also the main

reason for the development of painting in the Uyghurs. Uyghur miniatures and Central Asian painting also constituted the source of Turkish-Islamic miniature art [Yılmaz, 2005, p. 12].

On the other hand, it is known that there are many balbals from the Hun and Gokturk periods in the Turkestan geography and that they have an important place in Turkish cultural history. "These ancient stone statues can be found around Issyk-Kul and other places" [Borisenko and Khudyakov, 2015, p. 31].

As a reflection of the cultural traces of the civilizations that dominated Anatolia, as an extension of the spring-winter life and the root belief in Turkish culture; Many mythical figures such as Hüma, Kaknus, Zümrüdü Anka, Hoopoe, Şahmeran, Gulyabani, Dragon, Cyclops, Fiend, Giant, Genie, Fairy, Melek, Huri, Umay Ana, Burak, Griffon, Mermaid, Sphinx have been used as images in different periods of Turkish art. In contemporary Turkish art, mythological images are frequently used in the works of artists such as İbrahim Balaban, Erol Akyavaş, Süleyman Saim Tekcan, Nuri Abaç. Mutluhan Taş is one of the important artists who frequently use Turkish mythical elements in his works, both in sculpture and in the perception of contemporary painting.

**Prof. Dr. Mutluhan Taş:
stone and his understanding of art**

Prof. Dr. Mutluhan TAŞ was born in 1973 in Almelo, Netherlands. He graduated from Gazi University, Gazi Faculty of Education, Department of Art Education in 1994. Between 1994 and 1998, he worked as an art teacher in secondary schools affiliated with the Ministry of National Education. In 1998, he was appointed as a research assistant at Selçuk University, Faculty of Education, Department of Art Education. He received his master's degree from the Department of Painting Education at the Social Sciences Institute of the same University in 2001 and XIII. He completed his doctorate with the thesis titled "Reflections of the Sufi Movements Dominant in Anatolia in the 19th Century on Contemporary Turkish Painting Art after 1980" and received the title of Doctor of Science.

*Fig. 2 (photo).
Mutluhan Taş*

In 2010, he worked as an assistant at Selçuk University, Faculty of Fine Arts, Department of Sculpture. Assoc. Dr. He was appointed as a lecturer with the title. The artist, who became an Associate Professor in 2014, was appointed to the position of Professor in 2020.

At the same faculty, he served as the Head of the Sculpture Department, Deputy Dean, Head of the Ceramics Department, a member of the Faculty Board of Directors, a member of the Board of Directors of the Mevlana Research Institute and the President of the SELGÜSED [Selçuk Fine Arts Association]. In 2022, he was appointed to Gazi University Gazi Faculty of Education Fine Arts Education Department Art Teaching Department Sculpture ASD.

To date, he has held 15 personal exhibitions, four of which are sculptures. He participated in more than 100 national and international group art exhibitions. The artist, whose paintings are in many public and private collections in Turkey and around the world, stands out with his identity as a Painter-Sculptor-Academician. His sculpture works, which started with the Ceyhan Earthquake Monument in 1998, continue with more than 100 monuments in Turkey. The artist, who has over 400 hyperrealistic silicone sculptures in 21 museums in Turkey, served as a scientific committee member and practicing sculptor in the project of identifying and reconstructing the identities of the Seljuk Sultans of Turkey. Prof. Dr. Mutluhan TAŞ is one of the most important expert artists on criminal reconstruction in Turkey and the world.

Mutluhan Taş carries deep traces of Turkish culture in his works and interprets balbals and tombstones in a stylized figurative style. In the artist's works, balbals and tombstones symbolize not only the memory of people who lived in the past, but also the mystical ties extending from the own universe of the "silent people" to today's world. Balbals in pre-Islamic Turkish culture and post-Islamic tombstones are seen side by side or as a whole in Taş's works. The artist bases the depiction of Mevlevi tombstones and balbals similar to human figures on the beliefs that the dead do not actually die and their souls continue to live in their own dimensions. In his paintings, he combines traditional culture and contemporary art by blending these monumental forms with a strong color palette and calligraphy. This mystical atmosphere stands out as a language of contemporary art by addressing the interuniversal existence and ontological inquiries of life with a plastic expression.

Mythological figures in Prof. Dr. Mutluhan Taş's paintings

At first glance, the work presents an impressive reflection of a cosmic atmosphere. The color transitions in the background create a rich composition

where blue, purple, red and yellow tones come together harmoniously. These colors create a sense of depth while giving the viewer both a serenity and a dramatic effect.

Fig. 3. "Night Conversation of Stone Fathers",
100 × 100 TÜAB

The stone balbals at the center of the work symbolize the ancestor cult and spiritual devotion in the Köktengri belief. The mysterious stance of the figures and the play of light and shadow allow them to be perceived as both human and timeless beings. These stone figures offer deep meaning to the viewer as symbols of togetherness and a spiritual journey. The crescent and moon figures at the top carry the meanings of holiness, protection and divine light in Turkish mythology. In Köktengri belief, the moon is seen as a celestial guide and a part of the divine order. Sirius star [Kök Böri Star] represents an important celestial body that was considered sacred by the ancient Turks and accepted as a guide in finding direction. These symbols allow the work to be interpreted in a spiritual and cosmic context. While golden details symbolize holiness and divine power, red and black tones concentrated in the lower part of the composition create a dramatic effect and reflect an existential struggle. Broad brush strokes and fluid forms emphasize the dynamic structure of the work by strengthening the feeling of movement and momentum.

In general, the work presents a narrative that reflects the spirit of the Köktengri belief. Handling traditional Turkish symbols with a contemporary interpretation has created a powerful visual expression that combines the past and the present.

Fig. 4. "Balballar", 100 × 120 TUBA

Strong traces of Köktengri belief and Turkish mythology are seen in the work. While the figures in the middle resemble stone balbals and symbolize the cult of ancestors and the connection with the past, the forms reaching towards the sky create a mystical atmosphere. While the crescent and moon figures represent divine power, protection and spiritual enlightenment in Turkish culture, the contrast of warm and cold colors adds dynamism to the work. Orange and red tones symbolize holiness and energy, while blue and dark tones create a heavenly context. While broad brush strokes and the use of fluid paint strengthen the feeling of movement, the play of light and shadow gives the figures a timeless meaning.

Presenting traditional symbols with a contemporary artistic approach transforms the work into a deep cultural narrative rather than just an aesthetic work.

In the work related to Turkish mythology, the contrast of warm orange and blue tones on a gray background gives the work a movement and mystical atmosphere. The horse figure in the composition reminds us of the winged horse known as "Tulpar" in Turkish mythology, and stands out as a symbol of freedom, speed and spiritual journey. Tulpar is not only a mount for the ancient Turks, but also a sacred being that allows heroes to rise to the sky. While the horse figure generally means strength, courage and independ-

ence, it is accepted as an integral part of warrior identity and nomadic life in Turkish society.

The obelisk-like figures next to Tulpar symbolize the spiritual bond with the past, with reference to balbal motifs. Balbals are stone statues erected to keep alive the memory of the heroes and ancestors who died in the ancient Turks, and they make the audience feel the fine line between death and life and the continuity of cultural memory. While the crescent and star motifs strengthen the spiritual dimension of the work, the crescent represents protection, rebirth and divine order in Turkish mythology. Star, especially when considered in the context of the star Sirius, means blessing and guidance in the Turks. The golden, blue and orange tones in the color palette create a feeling of depth and elegance, emphasizing the harmony of heavenly and earthly elements.

It offers a powerful narrative reflecting Turkish mythology. The spread of bright orange, blue and yellow tones on the dark background gives the work both movement and a cosmic atmosphere. The female figure in the composition evokes the creative and protective power of Turkish women. The geometric motifs and crescent form on the woman's head refer to the concepts of holiness and universal balance. In Turkish mythology, the crescent is considered a symbol of rebirth, transformation and celestial order. In the Gök Tengri belief, the crescent is a reflection of divine power and cosmic balance. At the same time, in ancient Turkish societies, the crescent was also used as a dynastic symbol and represented leadership and protection.

Fig. 5. "Tulpar and Balballar", 100 × 120 TÜAB

Fig. 6. "Seljuk Tales 2"
100 × 120

Fig. 7. "Al Karasi"
100 × 120 TÜAB

The calligraphic traces and abstract textures used in the background of the work appear as a visualization of a cultural memory. The woman's clothing and stance are a reflection of both a mythological figure and a narrative that connects with today. The dynamic harmony of warm and cold color tones in the work gives the viewer the feeling of telling a story beyond time and space.

This work titled "Al Karası" offers an artistic interpretation of Al Karası, a mystical being believed to haunt women giving birth in Turkish mythology. In the work, the woman's profile silhouette and the active, wavy structure of her hair create an atmosphere that is both threatening and fascinating about this figure. The bursts of energy in intense orange, green and pink tones used in the background emphasize the both frightening and attractive nature of Al Karası. The transparent structure of the figure represents its permeability between the physical and spiritual worlds, while strengthening its mystical and supernatural presence feature. The blue eye details establish a direct connection with the viewer, making one feel the undeniable power of this figure.

The work deals with the impressive role of Al Karası in ancient Turkish folk narratives with a modern composition. It is based on both the power of women and mythological fears.

Fig. 8. "Shaman",
100 × 120 TÜAB

The Shaman figure at the center of the work, rendered with acrylic paints on a large, vertical format canvas, displays a serene and meditative stance, while the expression on his face shows that he is on a deep inner journey. The vibrant colors and intricate patterns around the figure emphasize Kam's close connection with nature and the spiritual realms. In particular, the kam drum stands out as an important tool used by Kam in their rituals. This drum is a bridge that allows one to travel to the heavenly and underground worlds. Kams are sacred figures in ancient Turkish communities that communicate with spirits, heal the sick and protect society. The hand figure in the work symbolizes the transfer of power, wisdom and spiritual energy in Turkish mythology. The hands of the kams are considered a tool that directs sacred energy during rituals, and in this respect, they reinforce the spiritual power of the figure in the work.

The large and open area at the top of the work can be perceived as a door opening to Kam's subconscious and the universe. In addition, the elements around the figure remind us of balbals, referring to the cult of ancestors and the belief in immortal souls. Balbals are stone sculptures that keep the memory of heroes and ancestors alive among the ancient Turks and symbolize the existence of spirits. While the texture of the canvas adds both depth and mobility to the work, the light-shadow games used add volume to the figures and draw the viewer into the painting.

Conclusion

Mutluhan Taş's works make a significant contribution to the continuity of cultural history by reinterpreting Turkish mythological figures in the context of contemporary art. Balbal, tombstone motifs, shaman figures, crescent, Sirius star, calligraphic symbols and Seljuk reflections used in his works not only remind the past but also give the viewer a spiritual journey experience. The artist's approach, which brings together figurative and abstract elements, shows how traditional motifs can gain new meaning in contemporary art.

The findings reveal that the rich heritage of Turkish art can be blended with today's aesthetic and technical art opportunities to create a universal artistic language. The strong color palettes, calligraphic details and mythological elements seen in Mutluhan Taş's works clearly reflect the artist's effort to build a bridge between the traditional and the modern and make the artist's works unique. The importance of the study aims to contribute to the literature in this field by examining in depth the role of mythological figures in contemporary Turkish art. In addition, through the artist's works, it is understood how the reinterpretation of mythological elements in art contributes

to the preservation and enrichment of the cultural memory of societies. Finally, this research will inspire future studies both academically and artistically.

References

- Alimov R.** Tanrı Dağı Yazıtları – Eski Runik Türk Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. In: Dil Araştırmaları. Sayı 14. Konya, Bahar, 2014, pp. 244–249. (in Turk.)
- Aytaç A.** Turkish Textiles Which Have Been Described in Paintings of Artist Şevket Dağ. *Universum Humanitarium*, 2021, no. 1, pp. 73–89.
- Bazyar K.** Cemile. Mitoloji ve Çağdaş Sanat. *Sanat ve Tasarım Dergisi*, 2016, sayı 18, pp. 113–130. (in Turk.)
- Borisenko A., Khudyakov Yu.** The Research of the Images of Weapon on the Ancient Turkic Stone Sculptures in the Issyk-Kul Depression in the Tian Shan Mountains. In: Uluslararası Kültür, Sanat, Folklor Kongresi. Rostov on Don, 2015, pp. 31–36.
- Büyükkol S.** Türk Mitolojisindeki Nar Sembolünün Çağdaş Türk Resim Sanatına Yansımaları. *Ulakbilge Sosyal Bilimler Dergisi*, 2020, vol. 8, no. 442020/1, pp.109–121. (in Turk.)
- Değerli Ahu S., Türker Halil İ.** Öğretmen Adaylarının Sanat Eğitimi Sürecindeki Teknoloji Algıları. *Uluslararası Türk Eğitim Bilimleri Dergisi*, 2016, Yıl. 4, Nisan, pp. 62–74. (in Turk.)
- Değerli Ahu S.** Göstergebilimsel Çözümleme Yöntemi ile Sosyal Ağ Konulu Afişlerin İncelenmesi. *Asya Studies Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi*, 2021, Yıl. 5, no.18, pp. 179–188. (in Turk.)
- Duran R.** Motiflere Dönüşmüş Türk Damgaları-Geometrik Motiflere Farklı Bir Bakış. *Akdeniz Sanat Dergisi*, 2019, Cilt, 13. Sayı, 23, pp. 679–697. (in Turk.)
- Eroğlu Ö.** Türkiye’de Resim Sanatı. İstanbul, 2019. (in Turk.)
- Gögebakan Y.** Ortak Mitolojik Unsurların Çok Kültürlü Yapının Oluşmasına Etkisi ve Bunun Sanatsal Yansımaları. In: Uluslararası Sosyal ve Beşeri Bilimler Berlin Konferansı. Berlin, 2017, pp. 74–75. (in Turk.)
- Gültepe N.** Türk Mitolojisi. İstanbul, 2015. (in Turk.)
- Kidirali D., Babayar G.** Türk Bengü Taşı: Şiveet-Ulaan Damgalı Anıtı. Astana, 2015. (in Turk.)
- Taş M., Yıldırım S.** Hiperrealist Silikon Heykel Yapımı ve Gerçeklik Algısının Arttırılmasında Uygulanan Resim Teknikleri. *Kalemişi*, 2021 [Güz], S. 19, pp. 182–191. (in Turk.)

Toprak F. Defter-İ Cengiz-Nâme'e Boy Nişanları ve Damgalar. *Turkic Studies – International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkic*, 2011, Winter, vol. 6/1, pp. 555–574. (in Turk.)

Yılmaz D. Cumhuriyet'ten Günümüze Toplumsal Olayların Türk Resmine Yansıması ve Sanat Eğitiminde ki Yeri. In: Selçuk Üniversitesi, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Konya, 2005. (in Turk.)

Information about the Author

Ahmet Aytaç, Assist. Prof. Dr.

Emre Sert, Master's Student

Информация об авторе

Ахмет Айтач, ассистент профессора, доктор

Эмре Серт, магистрант

The article was submitted on 03.03.2025;

approved after reviewing on 12.04.2025; accepted for publication on 12.04.2025

Статья поступила в редакцию 03.03.2025;

одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 12.04.2025

Источники

Научная статья

УДК 7.041.5

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-34-52

**Портреты заслуженных военачальников
периода правления императора Цяньлуна (1736–1795)
из собрания Государственного музея
изобразительных искусств им. А. С. Пушкина**

Екатерина Александровна Соловцова

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

ekaterna.solovtsova@arts-museum.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу двенадцати портретов цинских военачальников из коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина. Портреты, созданные художниками-иезуитами по заказу императора Цяньлуна, были призваны служить подготовительным материалом для серии портретов в виде вертикальных свитков большого формата. В статье рассматриваются художественные особенности портретов в контексте китайской и европейской живописных традиций, а также определяется ряд проблем, связанных с атрибуцией этих памятников. Творческий метод художников-европейцев, работавших при дворе цинского императора, проявляется в портретах, написанных маслом на бумаге, в большей степени, чем в официальных парадных изображениях императора и высокопоставленных чиновников кисти тех же мастеров. Заметны различия между погрудными портретами и портретами в полный рост, подтверждающие участие китайских художников в работе над свитками. Детали одеяний дают возможность не только сопоставить знаки отличий на портретах со статусом героев, но и уточнить ранг малоизвестных офицеров, чьи заслуги в кампаниях по завоеванию Джунгарии и Восточного Туркестана были отмечены императором. Поскольку двенадцать портретов впервые становятся объектами научного исследования, дальнейшее их изучение с привлечением различных письменных и изобразительных источников позволит существенно расширить знания о придворном искусстве эпохи правления императора Цяньлуна.

© Соловцова Е. А., 2025

Ключевые слова

портрет, династия Цин, иезуиты, Цяньлун

Для цитирования

Соловцова Е. А. Портреты заслуженных военачальников периода правления императора Цяньлуна (1736–1795) из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина // *Universum Humanitarium*. 2025. № 1. С. 34–52. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-34-52

Portraits of Meritorious Officials, Commissioned during the Reign of the Qianlong Emperor (1736–1795), in the Collection of Pushkin State Museum of Fine Arts

Ekaterina A. Solovtsova

Pushkin State Museum of Fine Arts
Moscow, Russian Federation
ekaterna.solovtsova@arts-museum.ru

Abstract

This article provides an analysis of the twelve portraits of Qing military officials from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. The portraits, executed by Jesuit artists during the reign of the Qianlong Emperor, were intended to serve as studies for a series of portraits in the form of large-scale hanging scrolls. The article examines the artistic features of portraits in the context of Chinese and European painting traditions, and also identifies a number of problems associated with the attribution of these images. The creative method of European artists who worked at the court of the Qing emperor is manifested in portraits painted in oil on paper to a greater extent than in the official ceremonial images of the emperor and high-ranking officials painted by the same masters. There are noticeable differences between the bust portraits and large portraits, confirming the participation of Chinese artists in the work on the hanging scrolls. The details of each hero's attire allow scholars not only to compare the insignia in the portraits with the status of the military officials, but also to clarify the rank of little-known officers whose merits in the military campaigns against Dzungaria and East Turkestan were rewarded by the emperor. As the twelve portraits become objects of scientific research for the first time, their further study with the involvement of various written and visual sources will significantly expand the knowledge about the court art of the reign of the Qianlong Emperor.

Keywords

portrait, Qing dynasty, Jesuits, Qianlong

For citation

Solovtsova E. A. Portraits of Meritorious Officials, Commissioned during the Reign of the Qianlong Emperor (1736–1795), in the Collection of Pushkin State Museum of Fine Arts. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 34–52. (in Russ.) DOI 1025205/2499-9997-2025-1-34-52

В 1760 г. цинский император Цяньлун, желая наградить отличившихся участников кампаний по покорению Джунгарии (1755; 1756–1757) и Восточного Туркестана (1758–1759), приказал создать для зала воинской славы в Павильоне пурпурного блеска (Цзыгуангэ 紫光閣) в Пекине серию из 100 портретов военных и гражданских чиновников. Подготовительным материалом для вертикальных свитков большого формата с изображением героев в полный рост служили погрудные и поясные портреты, написанные маслом на бумаге художниками-иезуитами, которые работали при императорском дворе. Двенадцать подобных портретов хранятся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Их публикация представляется важным этапом в исследовании всего корпуса памятников, призванных прославить военные победы императора Цяньлуна, так как портреты эти могут быть источником сведений не только для искусствоведов, занимающихся проблемами новаторского для цинского искусства направления – сино-европейского стиля живописи, но и для специалистов самых разных областей гуманитарного знания. Настоящая статья должна стать первым шагом на пути к изучению этих памятников и преследует цель обозначить основные вопросы, связанные с их атрибуцией.

В ГМИИ им. А. С. Пушкина портреты поступили в 1924 г. из Румянцевского музея, куда они, в свою очередь, были переданы в 1921 г. при распределении ценностей Государственного музейного фонда [Отчет..., 1922, с. 259]. Портреты происходят из собрания князя Николая Викторовича Гагарина (1873–1925), художника-любителя и коллекционера, проживавшего в доме князей Гагариных на Новинском бульваре и эмигрировавшего во Францию около 1919 г. Из Пекина портреты были вывезены в 1900 г. после подавления восстания ихэтуаней – в это время там находились войска Альянса восьми держав, в который вошла Российская империя. Павильон пурпурного блеска был разграблен, и многие произведения искусства оттуда впоследствии попали в различные музеи и частные коллекции, преимущественно немецкие, поскольку именно офицеры армии кайзеровской Германии долгое время занимали территорию, на которой был расположен павильон [Leverenz, 2020, p. 5].

Участники кампаний, чьи изображения стали частью портретной галереи, были разделены на две группы [Walravens, 1993, p. 313]. К первой относились обладавшие выдающимися заслугами военачальники, посвящения для которых на портретах в полный рост были сочинены самим императором [Tsang, 1992, p. 71], вторую же составляли остальные избранные герои. Погрудных портретов, как и портретов в полный рост,

было сто [Wang, 2016a, p. 39]. Из двенадцати военачальников, изображенных на портретах из коллекции музея, девять относятся к первой группе, три – ко второй. Помимо больших свитков и портретов маслом существовала еще третья, промежуточная версия, в виде двух горизонтальных бумажных свитков, вмещавших по 50 фигур.

Все двенадцать портретов оформлены одинаково – модели изображены либо анфас, либо в три четверти на однотонном фоне. С двух сторон сверху присутствуют дублирующие друг друга надписи на маньчжурском и китайском языках с указанием званий и имен портретируемых (см. таблицу).

Ни один из портретов не подписан и не датирован. Известно, что в период проведения кампаний, с 1755 по 1759 г., при дворе работали три художника-иезуита – Джузеппе Кастильоне (1688–1766), Жан-Дени Аттире (1702–1768) и Игнатий Зихельбарт (1708–1780). Ошибки в пропорциях на некоторых портретах и довольно явное различие в качестве живописи позволяют заключить, что эти произведения не принадлежат кисти одного художника. При сравнении схожих по композиции портретов Чиринчаба (рис. 1) и Чжаршаня (рис. 2) это становится особенно заметно. Несмотря на то что оба воина изображены натягивающими тетиву лука, фигуры их кажутся статичными даже в момент движения. Художники передают индивидуальные особенности черт каждого из героев, используя один прямой источник света, но на портрете Чжаршаня, в отличие от портрета Чиринчаба, правильные пропорциональные соотношения в лице не соблюдены.

Из-за отсутствия детальных записей в архивах придворных мастерских полностью восстановить хронологию процесса создания каждой из версий портретов этой серии достаточно сложно. Условия, в которых художникам-европейцам приходилось работать над портретами, были для них крайне непривычны. Из биографии Жан-Дени Аттире, составленной отцом Амио [Bemard, 1943, p. 438–439], известно, что в течение всей кампании император вызывал того или иного отличившегося военачальника в столицу для доклада, поручал художнику сделать набросок прямо во время аудиенции, а затем отправлял военачальника обратно на западные рубежи. Таким образом, на работу с моделью у художника было не больше двух-трех часов. С определенной долей уверенности можно сказать лишь, что к 1760 г. основная масса портретов маслом должна была быть готова, так как в это время художники уже приступили к созданию портретов в полный рост.

Переводы китайских надписей на портретах героев,
участвовавших в завоевании Джунгарии (1755; 1756–1757)
и Восточного Туркестана (1758–1759)

Translations of Chinese inscriptions on portraits of heroes,
participated in the conquest of Dzungaria (1755; 1756–1757)
and East Turkestan (1758-1759)

Имя героя	Перевод надписи
Первая серия: 50 портретов	
6. Фудэ	Юйцянь дачэнь (генерал-адъютант в корпусе императорских телохранителей), ичжэн дачэнь (член Совета князей и министров), линшивэй нэйдачэнь (командир корпуса императорских телохранителей), шаншу (министр) Лифаньюань (Палаты по делам зависимых земель), дутун (командующий) войсками монгольского корпуса желтого знамени, «герой, способный успокоить дальние [края]», хоу (маркиз) 1-й степени Фудэ
10. Джалафунга (Чжалафэнга)	Юйцянь синцзоу (офицер, приписанный к свите императора), линшивэй нэйдачэнь (командир корпуса императорских телохранителей), дутун (командующий) войсками монгольского корпуса окаймленного белого знамени, доло эфу (зять императорского дома второго ранга), гушань бэйцзы (князь 4-й степени) Чжалафэнга
12. Эмин Ходжа (Эминь Хэчжо)	Цаньцзань дачэнь (помощник / советник генерал-губернатора), турфанский доло цзюньван (князь 2-й степени) Эминь Хэчжо
13. Шухэдэ	Цзингянь цзянгуань (лектор императора), тайцзы тайбао (наставник наследника престола), ичжэн дачэнь (член совещательного Совета князей и министров), синбу шаншу (министр Ведомства наказаний), дутун (командующий) войсками маньчжурского корпуса окаймленного красного знамени Шухэдэ
22. Гао Тяньси	Линдуй дачэнь (командир гарнизона), тиду (командующий войсками провинции) Ганьсу Гао Тяньси
25. Мачан	Линдуй дачэнь (командир гарнизона), цяньфэн тунлин (фланговый командир авангарда), мерген батуну («меткий герой-стрелок») Мачан

Имя героя	Перевод надписи
27. Чиринчжаб (Цилинчжабу).	<i>Саньчжи дачэнь</i> (младший помощник командира корпуса императорских телохранителей) <i>мурдэмту (?) батуру</i> Цилинчжабу
30. Ходжис (Хоцзисы)	<i>Цзюньван</i> (князь 2-й степени) Хоцзисы
35. Обоси (Эбоши)	<i>Фудутун</i> (заместитель / помощник командующего войсками знаменного корпуса) Эбоши
Вторая серия: 50 портретов	
22. Аргалчинь (Аэрхаэрсинь)	<i>Цзунгуань</i> (главный управляющий гарнизона) солонов, <i>чидагчи батуру</i> («могучий герой») Аэрхаэрсинь
24. Чжаршань (Чжаэршань)	<i>Цзунгуань</i> (главный управляющий гарнизона) солонов, <i>сайшалтай батуру</i> («прославленный герой») Чжаэршань
25. Номаньча (Номэньча)	<i>Цзолин</i> (младший офицер, командир роты) солонов, <i>кэтуркэй батуру</i> («превосходный герой») Номэньча

Рис. 1. Портрет Чиринчжаба (Цилинчжабу).
Династия Цин, период Цяньлун (1736–1795), ок. 1760 г. Бумага, масло

Fig. 1. Portrait of Ciringjab (Qilingzhabu).
Qing dynasty, Qianlong period (1736–1795), ca 1760. Oil on paper

Рис. 2. Портрет Чжаршаня (Чжаэршаня).
Династия Цин, период Цяньлун (1736–1795), ок. 1760 г. Бумага, масло.

Fig. 2. Portrait of Jaršan (Zhaershan).
Qing dynasty, Qianlong period (1736–1795), ca 1760. Oil on paper

Не всегда удастся понять, как именно менялась композиция портретов, потому что все три версии сохранились в очень немногих случаях. На портретах маслом основное внимание уделялось прежде всего лицам портретируемых, в то время как на парадных портретах в виде вертикальных свитков поза играла не меньшую роль, чем лицо. Именно поэтому изображения фигуры одного и того же человека на разных портретах далеко не всегда идентичны. Лучше всего проследить изменения в композиции можно при изучении трех портретов Гао Тяньси. В отличие от портрета маслом (рис. 3), где Гао Тяньси изображен в три четверти, на портрете в полный рост голова и тело повернуты в разные стороны, что придает большую динамику позе, а сама фигура кажется гораздо менее телесной. В китайской живописи фактура тканей и складки одежды обычно передаются довольно условно, из-за чего фигуры зачастую кажутся плоскими. Основная задача, стоявшая перед художником, – отобразить статус модели через его костюм. При выполнении подобных заказов проработка одежды и оружия обычно поручалась китайским мастерам, в то время как лицо и руки по-прежнему оставались за художниками из Европы, что объясняет различие в стилях письма. Кроме

того, мушкет в руках Гао Тяньси на вертикальном свитке заменен на лук со стрелами и саблю. При работе художники должны были учитывать требования императора, который, как и его предшественники, уделял первостепенное внимание сохранению традиции стрельбы из лука. Стрельба из лука при езде верхом считалась значимой составляющей национальной культуры маньчжуров, и император Цяньлун неоднократно выражал досаду по поводу того, что многие воины в бою используют огнестрельное оружие, а не лук и стрелы¹.

Рис. 3. Портрет Гао Тяньси (?-1758).
Династия Цин, период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1757–1758. Бумага, масло

Fig. 3. Portrait of Gao Tianxi (?-1758).
Qing dynasty, Qianlong period (1736–1795),
ca 1757–1758. Oil on paper

¹ В качестве примера можно привести указ императора Цяньлуна от 6 ноября 1750 г., обращенный к солонам, в котором он высказывает недовольство по поводу использования огнестрельного оружия вместо традиционного лука со стрелами. См.: Дацин Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника правления императора Гаоцзуна великой династии Цин), цзюань 374. (на кит. яз.) URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/lishizhuanji/daqinggaozongchunhuangdishilu/97355.html> (дата обращения 19.12.2024).

Портреты эти, как и другие произведения, созданные художниками-иезуитами, сочетают в себе черты китайской и европейской художественных традиций. Прежде всего это выражается в выборе европейской техники письма масляными красками на традиционной китайской основе – бумаге. Чрезвычайно аккуратно используя светотеневые моделировки, европейские художники стремились к точной передаче особенностей лиц моделей. В глазах у героев заметны блики света – прием западноевропейской живописи, придающий моделям большее жизнеподобие и считающийся нехарактерным для китайской портретной живописи.

Примечательно, что социальный статус военачальников и сановников, изображенных на этих портретах, различен. Среди них есть как представители маньчжурской аристократии и чиновники первого ранга, так и простые офицеры. Статус героев можно определить по знакам отличия на одеяниях, в которых они изображены, и по намерсиям шапок – чиновники девяти рангов носили в намерсиях бусины из разных камней [Неглинская, 2012, с. 110]. Описание головных уборов и одежд с перечислением знаков отличия можно найти в кодексе *Хуанчао лици туши* 皇朝禮器圖式 («Образцы ритуальной утвари царствующей династии») ².

Так, например, *гушань бэйцзы* 固山貝子 (князь 4-й степени) Джалафунга (рис. 4) одет в парадный придворный костюм *чаофу* 朝服. На верхнем темно-синем одеянии *буфу* 補服, надевавшимся поверх халата *чаопао* 朝袍, присутствует круглая нашивка с профильным изображением дракона с четырьмя когтями ³, которая свидетельствует о принадлежности портретируемого к высшей аристократии. К халату пристегнут пелеринообразный воротник *пилин* 披領, который покрывает плечи. Завершает парадное одеяние длинное ожерелье *чаочжу* 朝珠 из ста восьми одинаковых по размеру бусин и крупных бусин, разделявших ожерелье на четыре равные части. Спереди свисают три асимметрично расположенные нити *цзинянь* 紀念 из десяти бусин каждая, две на левом плече, одна – на правом. На голове у Джалафунги зимний вариант парадного головного убора *чаогуань* 朝冠 с павлиньим пером с двумя глазками. Такие перья с несколькими глазками склеивались из разных перьев и даровались лично императором. Тулья шапки укра-

² Кодекс был составлен в 1759 г. и дополнен в 1766 г.

³ Дракон с четырьмя когтями, изображенный в профиль, назывался *синлун* 行龍. Князя четвертой степени (*бэйцзы*) носили круглые медальоны с изображением *синлуна* на груди и на спине [Сычев Л., Сычев В., 1975, с. 64].

Рис. 4. Портрет Джалафунги (Чжалафэнъя).
Династия Цин, период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло

Fig. 4. Portrait of Jalafunga (Zhafafenga).
Qing dynasty, Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper

шена красной шелковой нитяной кистью *чжувэй* 朱纬. Шапка завершается золотым инкрустированным жемчугом наверху *дин* 顶, увенчанным рубиновым шариком. Рубин в наверху шапок могли носить только определенные титулованные лица и чиновники первого ранга.

В такое же одеяние *чаофу* с накладным воротником *пилин* одет и Шухэдэ (рис. 5), маньчжур из рода Шумулу, участвовавший в нескольких военных кампаниях императора и занимавший на протяжении своей жизни множество важных постов. Изображение белого журавля *сяньхэ* 仙鹤 на квадратной нашивке *буфан* 补方 (*буцзы* 补子) служит эмблемой гражданского чиновника первого ранга. Шухэдэ изображен анфас, что является данью минской живописной традиции, поскольку портреты анфас стали преобладать в китайской портретной живописи с середины XV в., в правление династии Мин. Изображение анфас позволяло художникам почти совсем отказаться от светотеневых моделировок, которые император Цяньлун чрезвычайно не любил, предпочитая видеть на портретах равномерно освещенные лица с детально переданными чертами. Эффект трехмерности на портрете Шухэдэ, од-

нако, по-прежнему сохраняется, лицо его не кажется чрезмерно плоским.

Существует также вторая версия портрета Шухэдэ в трех вариантах, относящаяся к серии портретов героев кампании по завоеванию Цзиньчуани (1771–1776). Портрет, написанный маслом, хранится в музее Райс-Энгельхорн в Мангейме. Он был выполнен другим мастером – после смерти Джузеппе Кастильоне и Жан-Дени Аттире ведущим иностранным художником при дворе императора стал Игнатий Зихельбарт, позже к нему присоединился Джузеппе Панци (1734–?). Именно им вместе с их китайскими учениками поручали работу над остальными сериями.

Облачение другого героя, Фудэ (рис. 6), в отличие от церемониальных костюмов Джалафунги и Шухэдэ, представляет собой доспех бригаantinного типа⁴ с золотыми головками заклепок и выпуклым стальным диском с золотым бортиком на груди. До распространения огнестрельного оружия под слоем ткани в таком доспехе скрывались металлические пластины, защищавшие тело и крепившиеся заклепками, но доспехи XVIII–XIX вв. этой дополнительной защитной функции уже, как правило, не имели, и заклепки на них носили декоративный характер [Бобров, Худяков, 2003, с. 133]. На голове Фудэ шлем с золотым налобником, украшенным драгоценными камнями. Тулья шлема склепана из двух металлических пластин трапециевидной формы, скрепленных накладками из золота. Кромка тульи украшена золотыми надписями на санскрите – буддийскими мантрами. Навершие шлема состоит из опоры в виде золотой полусферы и трубки-втулки, в которую вставлен шпиль с султаном из узких полос меха на красной подкладке. На бармице имеются выполненные ажурной резьбой золотые розетки, которые помогают улучшить слышимость. На портрете в полный рост на горизонтальном свитке к снаряжению Фудэ добавлены также обязательные для маньчжурского воина лук в налуче, колчан со стрелами и сабля.

Помимо маньчжуров, монголов и ханьцев список героев включал в себя тех представителей уйгурской и ойратской аристократии, которые во время завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана встали на сторону цинской армии, получив в награду всевозможные почести и наследственные титулы. Среди уйгурских политических деятелей важную роль играли *хаким-бек* города Уч-Турфана Ходжис (рис. 7) и правитель Турфана Эмин Ходжа (рис. 8). На портретах маслом они

⁴ Для обозначения подобного пластинчато-нашивного доспеха часто используется термин «куяк».

Рис. 5. Портрет Шухэдэ
(1710–1777).
Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло.
Fig. 5. Portrait of Šuhede (Shuhede)
(1710–1777).
Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper

Рис. 6. Портрет Фудэ (?–1776).
Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло
Fig. 6. Portrait of Fude (?–1776).
Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper

изображены в нецинских головных уборах: на голове у Ходжиса – тюрбан, у Эмина Ходжи – шапка с загнутыми полями и высокой тульей, украшенная пером с тремя глазками. Перо с тремя глазками символизировало высшую милость императора. Оба героя за свои заслуги перед Цинской империей получили звание *доло цзюньвана* 多罗郡王 (князя

2-й степени). Портрет Ходжиса в полный рост, проданный на аукционе Poly Auction в 2019 г., явно был написан с использованием погрудного портрета в качестве образца – вероятнее всего, лица на обоих изображениях принадлежат авторству одного и того же художника.

Рис. 7. Портрет Ходжиса (Хоцзисы) (1710 (?)–1781).

Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло

Fig. 7. Portrait of Hojisi (Huojis) (1710 (?)–1781).

Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper

Рис. 8. Портрет Эмина Ходжи (Эминя Хэчжо) (1694–1777).

Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло

Fig. 8. Portrait of Emin Hojo (Emin Hezhuo) (1694–1777).

Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper

Рис. 9. Портрет Мачана.
Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло

Fig. 9. Portrait of Macang (Machang).
Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper

К героям, привлечшим особое внимание императора, следует отнести Мачана (рис. 9), офицера, отличившегося в сражении при Хуэрмане в феврале 1759 г. В ходе битвы отряд под началом командующего Фудэ, спешивший на помощь окруженной под Яркендом цинской армии, нанес поражение превосходящим по численности силам восставших уйгуров и джунгар под предводительством ходжи Бурхан ад-Дина. Преследуя врага и поражая его стрелами, Мачан прорвал линию войск противника и оказался окружен вражескими солдатами. Проявив исключительную храбрость, Мачан сражался до тех пор, пока не подоспела помощь. Лошадь его была убита, поэтому ему пришлось биться пешим. Эпизод этот изображен на свитке авторства Джузеппе Кастильоне «Мачан прорывает вражеский строй», датированном 1759 г., из коллекции Музея императорского дворца в Тайбэе⁵. В посвящении на свитке описан подвиг Мачана: первой стрелой Мачан ранил врага, второй раз промахнулся, третьим выстрелом врага поверг. На свитке изображен момент второго выстрела. Некоторые исследователи предполагают [Wang, 2016b, p. 28], что, прежде чем приступить к работе над свитком, Кастильоне написал портрет маслом в качестве образца для демонстрации императору. За доблесть Мачана в бою император,

⁵ В Берлинском этнологическом музее хранится вторая версия этого свитка, авторство его не подтверждено.

*Рис. 10. Портрет Номаньча
(Номэньча).
Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло*

*Fig. 10. Portrait of Nomanca
(Nomencha).
Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper*

*Рис. 11. Портрет Аргалчиня
(Аэрхаэрсиня).
Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло*

*Fig. 11. Portrait of Argaljin
(Aerhaerqin).
Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper*

помимо портрета в парадной галерее, пожаловал ему чин *цяньфэн тун-линя* 前锋统领 (флангового командира авангарда) и почетное звание *мерген батуру* (меткого героя-стрелка).

Рис. 12. Портрет Обоси (Эбоши).
Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1795),
ок. 1760 г. Бумага, масло
Fig. 12. Portrait of Obosi (Eboshi).
Qing dynasty,
Qianlong period (1736–1795),
ca 1760. Oil on paper

Персонажи трех последних портретов, Номаньча (рис. 10), Аргалчинь (рис. 11) и Обоси (рис. 12), облачены в простые халаты с косым запахом. На головах Номаньча и Аргалчиня шапки, отороченные мехом, с наверхушiem в виде лазуритового шарика в металлической оправе, свидетельствующем о принадлежности к четвертому рангу [Сычев Л., Сычев В., 1975, с. 108]. Детали биографий этих двух героев неизвестны, поэтому надписи на портретах служат важным источником информации о них. Стремясь превзойти своих предшественников, Цяньлун заказывал портреты не только высокопоставленных военачальников, но и офицеров более низких рангов, чья отвага в бою выделяла их среди прочих воинов.

В конце правления императора Цяньлуна портретная галерея Павильона пурпурного блеска включала уже 280 портретов. Местонахождение многих из них до сих пор неизвестно, большая часть подготовительных погрудных портретов утеряна. Двенадцать портретов из собрания ГМИИ представляют большую ценность, поскольку среди дошедших до нашего времени образцов цинской живописи крайне мало произведений, написанных маслом. Именно в этих портретах в полной мере проявляется синтетический цинский стиль, выработанный художниками-иезуитами.

Список литературы

- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.** Развитие защитного вооружения у чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и раннего Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья: Сб. ст. Новосибирск, 2003. С. 66–212.
- Неглинская М. А.** Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). М.: Спутник, 2012. 478 с.
- Отчет Государственного Румянцевского музея за 1916–1922 годы. М.: Гос. изд-во, 1922. 414 с.
- Сычев Л. П., Сычев В. Л.** Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975. 134 с.
- Bernard H.** Le Frère Attiret au service de K'ien-long (1739–1768). Sa première Biographie écrite par le P. Amiot, réédité avec notes explicatives et commentaires historiques // Bulletin de l'Université l'Aurore. Série III. 1943. T. 4, № 2. P. 435–474
- Leverenz N.** The Looting of the Winter Palace in Peking in 1900–1901 // Journal for Art Market Studies. 2020. Vol. 4, no. 2. URL: <https://fokum-jams.org/index.php/jams/article/view/122> (дата обращения 20.12.2024).
- Tsang K. B.** Portraits of Meritorious Officials: Eight Examples from the First Set Commissioned by the Qi-anlong Emperor // Arts Asiatiques. 1992. Vol. 47. P. 69–88.
- Walravens H.** Portraits of meritorious officers, accompanied by Manchu eulogies // Altaica Berolinensia. The concept of sovereignty in the Altaic world. Permanent International Altaistic Conference. 34th Meeting. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. P. 307–330.
- Wang C.-L.** New discoveries regarding portraits of meritorious officials during the Qianlong reign (1736–1795) // Aziatische Kunst. 2016a. Vol. 46, no. 3. P. 39–47.
- Wang C.-L.** “Machang durchbricht die feindlichen Linien”. Eine Neubewertung der Querrolle in der Sammlung der Museums für Asiatische Kunst // Ostasiatische Zeitschrift. 2016b. No. 31. P. 24–32.

Список источников

- Дацин Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника правления императора Гаоцзуна великой династии Цин), цзюань 374. (на кит. яз.) URL:

<https://www.zhonghuadiancang.com/lishizhuanji/daqinggaozongchunhuangdishilu/97355.html> (дата обращения 19.12.2024).

References

- Bernard H.** Le Frère Attiret au service de K'ien-long (1739–1768). Sa première Biographie écrite par le P. Amiot, réédité avec notes explicatives et commentaires historiques. *Bulletin de l'Université l'Aurore. Série III*, 1943, vol. 4, no. 2, pp. 435–474
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.** Razvitie zashchitnogo vooruzheniya u chzhurchzhenei i man'chzhurov v periody razvitoi i pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni [The development of defensive weapons among the Jurchens and Manchus in the periods of the developed and late Middle Ages and early Modern Times]. In: *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii pozdnego Srednevekov'ya* [Archeology of Southern Siberia and Central Asia of the Late Middle Ages]. Collection of articles. Novosibirsk, 2003, pp. 66–212. (in Russ.)
- Leverenz N.** The Looting of the Winter Palace in Peking in 1900–1901. *Journal for Art Market Studies*, 2020, vol. 4, no. 2. URL: <https://fokum-jams.org/index.php/jams/article/view/122> (accessed: 20.12.2024).
- Neglinskaya M. A.** Shinuazri v Kitae: tsinskii stil' v kitaiskom iskusstve perioda trekh velikikh pravlenii (1662–1795) [Chinoiserie in China: the Qing style in Chinese Art during the Three Great Reigns (1662–1795)]. Moscow, Sputnik, 2012, 478 p. (in Russ.)
- Отчет Государственного Румянцевского музея за 1916–1922 годы [Report of the State Rumyantsev Museum for the years 1916–1922]. Moscow: State Publishing House, 1922, 414 p. (in Russ.)
- Sychev L. P., Sychev V. L.** Kitaiskii kostyum. Simvolika, istoriya, traktovka v literature i iskusstve [Chinese costume. Symbolism, history, interpretation in literature and art]. Moscow, Nauka, 1975., 134 p. (in Russ.)
- Tsang K. B.** Portraits of Meritorious Officials: Eight Examples from the First Set Commissioned by the Qi-anlong Emperor. *Arts Asiatiques*, 1992, vol. 47, pp. 69–88.
- Walravens H.** Portraits of meritorious officers, accompanied by Manchulogues. In: *Altaica Berolinensia. The concept of sovereignty in the Altaic world. Permanent International Altaistic Conference. 34th Meeting*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1993, pp. 307–330.
- Wang C.-L.** “Machang durchbricht die feindlichen Linien”. Eine Neubewertung der Querrolle in der Sammlung der Museums für Asiatische Kunst. *Ostasiatische Zeitschrift*, 2016b, no. 31, pp. 24–32.

Wang C.-L. New discoveries regarding portraits of meritorious officials during the Qianlong reign (1736–1795). *Aziatische Kunst*, 2016a, vol. 46, no. 3, pp. 39–47.

List of Sources

Daqing Gaozong Chun Huangdi Shilu (The Veritable Record of the Gaozong Emperor of the Great Qing dynasty), juan 374. (in Chin.) URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/lishizhuanji/daqinggaozongchunhuangdi-shilu/97355.html> (accessed: 19.12.2024).

Информация об авторе

Екатерина Александровна Соловцова, младший научный сотрудник

Information about the Author

Ekaterina A. Solovtsova, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 30.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 12.02.2025
The article was submitted on 30.01.2025;
approved after reviewing on 12.02.2025; accepted for publication on 12.02.2025*

Научная статья

УДК 993

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-53-66

Первые переводы Нового Завета на арабский язык: упоминания, цитаты, тексты

Светлана Геннадьевна Клименко

Государственный музей истории религии
Санкт-Петербург, Россия
svegenta@mail.ru

Аннотация

Существует несколько версий о времени перевода Нового Завета на арабский язык. Они основываются на свидетельствах, зафиксированных средневековыми историками, на цитировании текстов в богословских трудах, на наличии фрагментов рукописей, дошедших до наших дней. Известно, что первые переводы появились не позднее IX в., однако ряд ученых считает, что они осуществлялись и раньше. Об этом свидетельствуют арабские историки, но свидетельства эти не подтверждаются наличием сохранившихся рукописей. Особый интерес вызывают цитирования новозаветных текстов мусульманскими богословами, по-своему переводящими эти фрагменты с сирийского или греческого языка. Черту самой поздней из возможных датировок перевода Нового Завета подводят сохранившиеся рукописи. В статье рассматриваются гипотезы о существовании более ранних переводов и исторические условия, при которых эти переводы могли создаваться.

Ключевые слова

арабский кодекс, Новый Завет, рукопись, манускрипт, Синайский монастырь, арабский язык

Для цитирования

Клименко С. Г. Первые переводы Нового Завета на арабский язык: упоминания, цитаты, тексты // Universum Humanitarium. 2025. № 1. С. 53–66. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-53-66

The First Translations of the New Testament into Arabic: Mentions, Quotes, Texts

Svetlana G. Klimenko

Federal State Budgetary Institution of Culture
St. Petersburg, Russian Federation
svegenta@mail.ru

Abstract

There are several versions about the time of the translation the New Testament into Arabic. They are based on evidence recorded by medieval historians, on citations of texts in theological works, on the presence of fragments of manuscripts that have survived to our days. It is known that the first translations appeared no later than the 9th century, but a number of scholars believe that they were carried out earlier. This is evidenced by Arab historians, but this evidence is not confirmed by the presence of surviving manuscripts. Of particular interest are citations of New Testament texts by Muslim theologians, who translate these fragments from Syriac or Greek in their own way. The latest possible dating of the translation of the New Testament is determined by the surviving manuscripts. The article examines hypotheses about the existence of earlier translations and the historical conditions under which these translations could have been created.

Keywords

Arabic codex, New Testament, manuscript, manuscript, Sinai Monastery, Arabic language

For citation

Klimenko S. G. The First Translations of the New Testament into Arabic: Mentions, Quotes, Texts. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 53–66. (in Russ.) DOI 1025205/2499-9997-2025-1-53-66

При изучении истории появления первых переводов Нового Завета на арабский язык мы опираемся на свидетельства средневековых историков, мусульманских богословов, а также на вещественные доказательства – сохранившиеся манускрипты.

Ряд ученых придерживается версии о доисламском переводе Нового Завета на арабский язык, отсылая его к началу шестого века, когда уже появилось много арабговорящих христиан. Такие племена бывали двуязычными, их церковным языком был греческий либо сирийский, либо коптский. Священное Писание они, скорее всего, читали на этих церковных языках. Если в то время и были созданы арабские версии Евангелия, упоминаний об этом не сохранилось. Однако немецкий католический богослов и востоковед Антон Баумстарк настаивал на существовании доисламского арабского перевода Нового Завета. Главным

фактором в его аргументации была убежденность в том, что, когда христианская церковь оказалась в арабской среде, тексты Божественной Литургии и Священного Писания должны были сразу перевести на арабский язык. К тому же он ссылаясь на датировку одной из рукописей, создание которой относил к периоду не позднее первой четверти VI в. Аргументировал он это тем, что в ее заголовках к недельным чтениям Евангелия отсутствует упоминание о Сырной неделе Великого поста, которая была введена императором Ираклием после 629 г. [Baumstark, 1931, p. 570–571]. Однако позже было выяснено, что заголовок присутствовал, но автор ошибочно отнес его к следующему воскресенью, к неделе Торжества Православия. При дальнейшем изучении рукопись была датирована IX в.

Противоположных взглядов придерживался английский профессор Джон Спенсер Тримингем (1904–1987). Он отмечал, что не обнаружено никаких документальных свидетельств существования доисламских версий арабских Евангелий. Арамейский же язык был понятен верующим, создавал ощущение единства и обособленности христиан этого региона. Из этого ученый заключает, что в арабском переводе не было необходимости [Trimingham, 1979, p. 49–53].

Считается, что первым импульсом к арабизации христианского населения региона послужили реформы халифа Абд аль-Малика (685–705). В период его правления для государственных дел повсеместно вводился арабский язык вместо греческого и персидского. В 696–697 гг. была проведена денежная реформа, и византийские и сасанидские деньги были заменены арабскими монетами новой чеканки. На монетах писались арабские тексты шахады и Коранические цитаты [Большаков, 2000, с. 256–260]. После этих реформ христиане стали адаптироваться к новой лингвистической среде и активно создавать свою литературу на арабском языке, включая переводы Евангелий. Можно сказать, что мусульманское завоевание послужило стимулом к распространению арабского языка среди христианского населения, к осуществлению переводов на него священных текстов. Первые переводы начали создаваться в Палестинских монастырях. Здесь церковным языком был греческий, а также сирийский диалект арамейского языка. Вхождению арабского языка в жизнь христиан – мелькитов (греко-православных) в Сирии и Палестине ускорял тот факт, что греческий был языком Византии, при утрате прямой связи с которой терялось и влияние этого языка. Копты, яковиты и несториане сохранили свои богослужебные языки и после арабских завоеваний. Мелькиты в Сирии и Палестине стали первой

христианской общиной, создавшей арабский перевод Библии. Этот перевод они использовали и в богослужении.

Святой Иоанн Дамаскин, живший на территории халифата, а после удалившийся в монастырь Святого Саввы Освященного (между 718 и 720 гг.), писал свои труды на греческом языке. Однако уже его ученик Феодор Абу Курра использовал для богословских рассуждений и диспутов арабский. Его апологетические труды были направлены в сторону набирающего все большую силу ислама. К концу VIII в. повседневным языком христиан Палестины стал арабский, на нем создавалось все больше христианских текстов, в том числе был произведен перевод Литургии. Особое значение придавалось написанию апологетических трудов, и в мусульманском окружении было необходимо, чтобы они звучали на языке, понятном оппонентам [Griffith, 2016, p. 162].

Существует версия о переводе Евангелия на арабский язык в Сирии при эмире Амре, который приказал яковитскому патриарху Иоанну I (631–648) перевести Евангелие, опустив упоминание о Христе, крещении и кресте. Когда патриарх отказался изменить что-либо в Священном тексте, эмир, пораженный его твердостью, сказал: «Иди и пиши, как знаешь». Источником этого рассказа служат тексты сирийского церковного писателя Бар Габрея (ум. 1286), а его сведения были взяты у церковного писателя и главы сирийской яковитской церкви Михаила Сирийца (ум. 1199), говорящего и об исполнении перевода после этого разговора. Оба автора, Михаил и Бар Габрей, – яковиты. Факт беседы патриарха с эмиром нашел подтверждение в сирийской рукописи 874 г., изданной и анализированной аббатом Ф. Нау в 1915 г. На основании нее Нау устанавливает точную дату диспута – 9 мая 639 г., а в том эмире видит известного завоевателя Египта, Амра-ибн-ал-Аса. Михаил и Бар Габрей приводят имя Амра-ибн-Сада, но оно не находит подтверждения в мусульманских источниках. Предположительно, патриарх использовал этот текст в дискуссиях с мусульманами. Других упоминаний об арабской версии Евангелия Патриарха Иоанна не сохранилось [Крачковский, 1918].

С первого века правления династии Аббасидов имеются свидетельства существования арабских версий Евангелий, с которыми были знакомы мусульмане. В «Фихристе» (сочинение составлено примерно в 987 г.) Ибн ан-Надима (ум. 995/8) есть упоминание о переводе Библии Ахмадом ибн Абд Аллахом ибн Сайамом, ученым времен Харуна ар-Рашида (786–809). «Фихрист» передает слова Салама, сообщавшего, что перевел книгу ханифов, которые веровали в Авраама и сохранили «свитки», ниспосланные ему Аллахом. Что он перевел Тору, Евангелие,

книги пророков и учеников с еврейского, греческого и сабейского языков на арабский. При этом автор отмечал, что не стремился к улучшению выражений из боязни исказить. При переводе он ничего не прибавлял и не убавлял, только в некоторых местах менял порядок слов, чтобы при переводе предложение правильно звучало по-арабски. Но далее отметил, что книга эта очень длинна, и он «извлек из нее самое необходимое», чтобы понять причину различий и разделений, присоединил к этому необходимые доводы из Корана и преданий, передаваемых со слов посланника, его сподвижников и принявших ислам людей Писания. Иначе говоря, все же в процессе перевода автор воспринимал текст через призму своего мировоззрения. Имеется также свидетельство епископа Порфирия Успенского о переводе кодекса библейских книг. В вывезенном им из Синайского монастыря списке рукописей есть упоминание об арабском кодексе: «Переведена эта Тора с языка еврейского на язык арабский для Абдаллаха ал-Мамуна (халифа ал-Мамуна в 820–821 гг.) в Багдаде в 205 году по годам арабов». Таким образом, при халифе ал-Мамуне Библия (или ее часть) была переведена с еврейского языка на арабский. Велика вероятность того, что переводчиком был Ахмед-ибн-Абдаллах. Его предок, Абдаллах-ибн-Селам, был родом из мединских евреев, одним из сподвижников пророка Мухаммада, иудеем, принявшим ислам. Переводчик Ахмед мог быть его потомком, о чем свидетельствует его знакомство с еврейским языком, что редко встречалось в среде арабов-мусульман [Крачковский, 1918].

Мусульманские авторы VII–VIII вв. писали о Евангелии прежде всего с точки зрения мусульманских представлений о его содержании и формулировали свои цитаты соответствующим образом. Только с IX в. появляются цитаты, которые указывают на то, что некоторые мусульманские писатели имели перед глазами тексты арабского перевода Евангелий. Однако и тогда немногие из них этими текстами пользовались. Более ранние ученые данного периода обращались за помощью к христианам-переводчикам либо сами изучали необходимые языки, чтобы выбрать и процитировать те фрагменты христианских Писаний, которые их интересовали. Их работы еще не могут свидетельствовать о существовании полного арабского перевода Нового Завета. Однако по содержанию этих текстов видно, что они принадлежат мусульманскому автору, который переводил отдельные отрывки в соответствии с кораническими взглядами на содержание текста.

Самой ранней известной развернутой цитатой Евангелия из мусульманских источников является отрывок из Евангелия от Иоанна 15:23–16:1, который Абу Абд Аллах Мухаммад ибн Исхак (ум. 767 или 768)

включил в свою биографию пророка Мухаммада. Он пишет: «Вот что дошло до меня об описании Божьего посланника, в том, что Иисус, сын Марии, установил в Евангелии, для людей Писания, которое пришло к нему от Бога, как установил для них апостол Иоанн, когда он переписывал для них Евангелие по поручению Иисуса, сына Марии; он сказал: “Тот, кто ненавидел меня, возненавидел Господа. Если бы я не совершил в их присутствии таких дел, которых никто не совершал до меня, они не имели бы греха. Но теперь они возгордились и думают, что будут обвинять меня и даже Господа. Однако неизбежно сказанное в законе будет исполнено: ‘Они возненавидели меня напрасно’. Если бы al-Munahhemana, которого пошлет Бог, уже пришел к вам от Господа, и дух истины, который исходит от Бога, он был бы свидетелем для меня, и для вас тоже, потому что вы были со мной с самого начала. Я сказал это вам, чтобы вы не сомневались”» [Guillaume, 2004, p. 103–104].

Ибн Исхак считал, следуя мусульманской традиции, что текст Евангелия был изменен христианами. В его цитате есть ряд различий с каноническим текстом. Трижды повторяющиеся в Евангелии слова «мой Отец» меняются на слово «Господь» в соответствии с Кораническим учением. Также присутствует ряд других несовпадений, некоторые из них могли быть следствием ошибки, как, например, «Но теперь они возгордились и думают, что будут придирааться ко мне и даже к Господу» вместо канонического: «а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего». Существует версия, что в этом стихе был неправильно переписан текст самого Ибн Исхака. Согласно этому мнению, намерением автора было точное воспроизведение арабской версии отрывка палестинско-сирийского текста. Однако, заменяя слово «Отца» на слово «Господа» на протяжении всего отрывка, Ибн Исхак намеревался процитировать Евангелие в том виде, в котором оно, по версии ислама, было изначально. Точность текста, по мнению автора, должна была измеряться учением Корана, а не христианскими рукописями на греческом, сирийском или арабском языках.

Рассмотрим самый цитируемый у мусульманских писателей стих этого отрывка, 26-й. В нем говорится о ниспослании духа Утешителя. Ибн Исхак, в соответствии с представлениями ислама, в этом стихе пишет о ниспослании «al-Munahhemana», поясняя, что это сирийское слово означает *Мухаммад*. Здесь он продолжает традицию, положенную другими мусульманскими полемистами VIII в., которые полагали, что греческий *Paracetos* (Утешитель) – это искаженное от *periklytos* (славный, хвальный, что на арабском означает *Ахмад*, или *Мухаммад*) [Baumstark, 1932, p. 202]. Каких-либо археологических доказательств,

рукописей или доисламских цитат, подтверждающих это мнение, не существует. Комментарий автора подтверждает, что источник его цитаты – сирийский текст. Ибн Исхак, скорее всего, с помощью арабоговорящего христианина, перешедшего в ислам, переложил отрывок на арабский язык, исправив некоторые места так, чтобы они доктринально соответствовали мусульманскому вероучению.

Ряд мусульманских писателей конца VIII и IX в. цитируют Евангелие с верностью, указывающей на то, что у них были арабские тексты Писания. Самый ранний мусульманский ученый, чьи цитаты Библейских текстов могут указывать на то, что он пользовался арабской версией, – Абу ар-Раби Мухаммад ибн аль-Лейх. Он написал письмо от имени Харун ар-Рашида (786–809), адресованное византийскому императору Константину VI (780–797), в котором отстаивал истинность утверждений ислама. В нем он цитировал Ветхий и Новый Завет. Примечательно, что эти несколько ссылок не показывают следов исламизации, которую можно найти в более ранних мусульманских ссылках на Евангелие.

Авторы, обратившиеся в ислам в преклонном возрасте и поэтому знакомые с текстом Евангелия по своему христианскому прошлому, много цитировали его в своих апологиях ислама. Однако эта тема интересовала и многих других мусульманских апологетов. Ибн ан-Надим, автор «Фихриста», составленного примерно в 987 г., передает, что священник по имени Юнус сообщил ему о христианских писаниях, доступных на арабском языке, перечислив книги Ветхого и Нового Завета. Известно, что к концу XI в. такие видные мусульманские ученые, как шиитский историк Ибн Кутайба (ум. 889) и писатель аль-Якуби (ум. 897), были хорошо знакомы с Евангелием и цитировали его в своих работах. Они использовали арабские христианские версии текстов и цитировали их без искажений, не полагаясь на исламские доктрины о содержании Нового Завета.

Однако ученость, проявленная в IX в. Ибн Кутайбой или аль-Якуби, не положила конец исламскому догматическому подходу к тексту Евангелия, жизни и учению Христа. Текстологический подход этих двух авторов был исключением. Уже такие писатели, как Абу Джафар аль-Табари (839–923) и аль-Мас'уди (ок.896–956), говорили о христианстве, не ссылаясь на текст Евангелия, в их трудах не было признаков того, что они к нему обращались [Griffith, 2016, p. 152].

Теперь перейдем к теме сохранившихся рукописей – датированных и тех, время создания которых определяется специалистами. Все эти рукописи являются вещественным доказательством существования переводов в рамках их датировок. Самые старые известные датированные

рукописи, содержащие арабские переводы Нового Завета, находятся в коллекциях Синайского монастыря Святой Екатерины. Также следует отметить Ватиканский арабский кодекс 13, который изначально содержал текст Псалмов, четырех Евангелий, Деяний Апостолов и всех Апостольских Посланий. Из них сохранились только Послания апостола Павла и часть текста Евангелий. Рукопись была обнаружена в монастыре Святого Саввы Освященного в Иудее, она считается одной из старейших сохранившихся арабских рукописей Нового Завета.

Синайский арабский кодекс MS 151 содержит Послания апостола Павла, Деяния Апостолов и Соборные Послания. В нем говорится, что некий Бишр ибн ас-Сирри сделал перевод этих текстов с сирийского языка в Дамаске во время Рамадана 253 г. по Хиджре, т. е. в 867 г. н. э. Аль Сирри делает перевод с миссионерской целью, использует язык и термины, которые были бы понятны мусульманам. Текст послания апостола Павла к Евреям предваряет «бисмала» (во имя Аллаха, милостивого, милосердного). Следующая строчка: «послание апостола Павла к Евреям» (рис. 1). Это означало, что христианская община еще не обособилась и в своих текстах могла использовать выражения, присущие исламу. Обособление христиан, живущих в мусульманской среде, произошло чуть позже. Считается, что со времен крестовых походов 1095–1291 гг., арабоязычные христиане стали использовать термины и выражения, которые присущи только христианству (Arabic Bible. Outreach ministry / Mt Sinai Arabic Codex 151).

Еще один датированный манускрипт, содержащий Евангелие на арабском языке, – Синайская арабская рукопись 72. В ней текст четырех канонических Евангелий расположен в соответствии с циклом греческого литургического календаря Иерусалимской церкви. Колофон¹ сообщает, что рукопись была написана Стефаном Рамлейским в 284 г. арабского правления, т. е. в 897 г. н. э. Ее текст принадлежит к семье примерно полудюжины арабских рукописей, которые содержат Евангелия, переведенные с греческого языка. Рукопись включает в себя библейский текст, комментарии на полях, заметки. Обнаружена она была в монастыре Святой Екатерины в 1800-х гг. Исследование текста Евангелия от Марка в этих манускриптах показывает, что Синайская арабская рукопись 72 является самой поздней из всех, принадлежащих к этой семье, в ней прослеживаются исправления более ранних рукописей. Перед началом первой главы Евангелия от Матфея приводится христианская молитва, с которой положено начинать всякое дело: «Во имя

¹ Колофон – текст в конце рукописи, где указаны сведения о ее содержании, авторе, переписчике, переводчике, заказчике, месте и времени изготовления.

Отца, и Сына, и Святого Духа, Бога Единого» (рис. 2). Начало ее совпадает с началом «бисмалы» – «бисми» или «во имя». Бисмала в мусульманской традиции предваряет практически любой религиозный текст.

Стефан Рамлейский, записавший Синайский арабский манускрипт 72, включил два коротких богословских текста после Евангелия. Один из них – апологетический трактат, составленный Феодором Абу Куррой. Это диалог между христианином и мусульманином о предполагаемой ответственности евреев за распятие Христа.

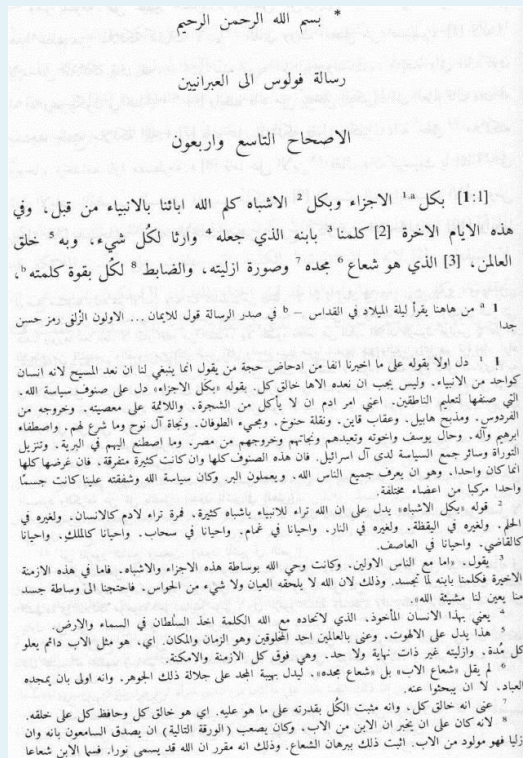

Рис. 1. Синайский арабский манускрипт 151. 867 г. н.э.

Отсканированное изображение первой главы Послания к Евреям с комментариями. Монастырь Святой Екатерины, Синай, Египет (<https://www.arabicbible.com/arabic-bible/codex/15-mt-sinai-arabic-codex-151.html>)

Fig. 1. Sinai Arabic Manuscript 151. 867 CE

Scanned image of the first chapter of the Epistle to the Hebrews with commentary. Monastery of Saint Catherine, Sinai, Egypt (<https://www.arabicbible.com/arabic-bible/codex/15-mt-sinai-arabic-codex-151.html>)

Рис. 2. Синайский арабский манускрипт 72, лист 3. 897 г. н. э.
Фотография предоставлена монастырем Святой Екатерины (Синай, Египет)
для сайта «Biblia-arabica.com»: <https://biblia-arabica.com/the-linguistic-nature-of-the-arabic-gospel-manuscripts/>

Fig. 2. Sinai Arabic MS. 72, f. 3r (897 CE)
Photograph courtesy of Saint Catherine's Monastery (Sinai, Egypt)
for the website "Biblia-arabica.com": <https://biblia-arabica.com/the-linguistic-nature-of-the-arabic-gospel-manuscripts/>

Синайский арабский кодекс MS 154 – еще одна рукопись Нового Завета, датируемая IX в., которая также содержит текст апологетического трактата. Кроме арабских версий Деяний Апостолов и Соборных Посланий в нее включен анонимный трактат в защиту догмата о Троице. Интересно, что его автор приводит большое количество цитат из Корана, помимо ссылок на библейские тексты. Таким образом, прослеживается четкая связь между арабскими версиями Нового Завета и самими

ранними христианскими апологетическими трактатами, направленными в адрес ислама.

Можно сделать вывод о том, что в IX в. или даже в конце VIII в. появилось полное издание Евангелия на арабском языке. Многие рукописи IX в. являются копиями работ, написанных ранее. К этому времени арабский стал языком государственных дел, повседневным среди немусульманского населения, родными языками которого были сирийский, греческий или коптский [Griffith, 2016, p. 131–134]. Также в IX в. появилось большое количество небиблейских христианских писаний на арабском языке, особенно в Палестине.

Согласно определению израильского лингвиста и специалиста в области арабистики Джошуа Блау, палестинский арабский текст Евангелия написан на среднем арабском языке. Он был распространен среди христиан южной Палестины с начала VIII в. Самая ранняя датировка, которую Блау дает любому тексту, написанному на этом диалекте, – 772 г. Он делает вывод, что ранние палестинские переводы Евангелия на арабский язык стали «продуктом адаптации» палестинских христиан к утверждению арабского языка в качестве государственного [Blau, 1965, p. 5–6].

В самых ранних текстах, переведенных с греческого языка, наблюдается стремление переводчиков придерживаться лингвистических традиций греческого оригинала, что зачастую делало арабский перевод не достаточно понятным. Постепенно, от одного переводчика или переписчика к другому, наблюдается улучшение арабского текста, что позволяет проследить хронологию этих рукописей. Тексты Ватиканского кодекса 95, Синайского 74 и Берлинского 1108 во многом согласуются друг с другом. В то время как по Синайскому манускрипту 72, датированному, как было сказано выше, 897 г. н. э., видно, что это улучшенный вариант арабского текста, с исправлением неточностей, имеющих в предыдущих рукописях. Также в тексте этой рукописи есть примечания, которые встречаются и в Синайском манускрипте 74. Из этого следует, что датированная рукопись 72 является более поздней в этой семье. Данный ряд манускриптов внес значительный вклад в дело перевода Евангелия на арабский язык, через усовершенствование каждой последующей рукописи текст стал хорошо понятен его носителям, живущим на мусульманских территориях. В этих рукописях также прослеживается значительное сходство с текстом Сиро-Палестинского лекционария. В лекционарии тексты Священного Писания расположены по порядку их чтения во время богослужений в церковном году. В перечисленных же рукописях четыре Евангелия представлены в обычной последова-

тельности. Тем не менее в тексте отмечены зачала, соответствующие Евангельским дневным чтениям [Griffith, 2016, p. 155].

Как было отмечено, ранние арабские рукописи с текстами Евангелия часто содержали апологетические трактаты. Эта связь не случайна. Перевод Евангелия на арабский язык был необходим не только для литургических целей, но и для защиты христианских доктрин от нападок со стороны мусульман. Поскольку в Коране сказано, что «люди Евангелия должны судить согласно тому, что ниспослал им Бог» (Коран 5:47), первые христианские апологеты, писавшие на арабском языке, излагали в своих трактатах объяснение основных христианских доктрин, изложенных в Евангелии. Необходимо было показать оппонентам, что такое Евангелие для христиан. В Коране говорится, что Бог дал Иисусу Евангелие, «подтверждая то, что было в Торе до этого» (Коран 5:46). Апологеты должны были объяснить христианские принципы экзегезы, особенно о взаимоотношении Торы и Евангелия. И они подчеркивали, что именно в Евангельских текстах можно найти основные религиозные догматы, исповедуемые христианами.

Абу Курра и другие христианские апологеты, писавшие на арабском языке, подчеркивали, что христианство является единственной из мировых религий, изначально нацеленной на то, чтобы проповедь его была провозглашена каждому народу на его родном языке [Ibid., p. 164–165]. Об этом говорит и сюжет из книги Деяний, где апостолы, после сошествия на них Святого Духа, стали говорить на иных языках (Деян. 2:4–11). Затем, согласно Преданию, они пошли проповедовать Евангелие в другие страны, в том числе иноязычные.

Не исключая полностью возможности создания переводов Нового Завета или его отдельных книг на арабский язык в доисламскую эпоху, отметим, что документальных доказательств или фрагментов сохранившихся рукописей того времени не обнаружено. Не было и миссионерской или апологетической необходимости в этих переводах до возникновения ислама. Однако после появления Коранических текстов, указывающих на несуществующие в данных общинах или текстах Евангелия взглядов², возникла необходимость показать мусульманам, во что христиане верят на самом деле. Также появилась необходимость перевода и для самих христиан Сирии и Палестины, поскольку здесь, в общине мелькитов, к IX в. арабский стал основным разговорным языком христиан. Апологетические произведения на арабском языке появились

² Например, Коран 5:116:

Вот сказал Аллах: «О Иса, сын Марьям! Говорил ли ты людям: «Примите меня и мою мать двумя богами наряду с Аллахом»?»

раньше, чем было переведено богослужение, оно еще могло оставаться на сирийском и греческом языках. Сирийский как богослужебный сохранился в современной яковитской церкви, коптский – в одноименной церкви Египта, однако богослужебным языком Антиохийской Православной Церкви стал арабский. Со временем появилось множество вариантов переводов Священного Писания на арабский язык, и каждый новый переводчик старался опираться на многовековой опыт предыдущих поколений.

Список литературы

- Большаков О. Г.** История Халифата. М., 2000. Т. 3. 382 с.
- Крачковский И. Ю.** О переводе Библии на арабский язык при халифе ал-Ма'муне // Христианский Восток. 1918. Т. 6. С. 189–196.
- Baumstark A.** Das Problem eines vor-islamischen christlich-kirchlichen Schrifttums in arabischer Sprache // *Encyclopaedia Islamica*. 1931. Vol. 4. P. 562–575.
- Baumstark A.** Eine altarabische Evangelienübersetzung aus dem Christlich-Palästinensischen // *Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete*. 1932. Bd. 8. S. 201–209.
- Blau J.** The emergence and linguistic background of judaeo-arabic. Oxford, 1965. 259 p.
- Griffith S. H.** Arabic Christianity in the Monasteries of Ninth-Century Palestine. New York, 2016. 352 p.
- Guillaume A.** The Life of Muhammad a translation of Ishaq's Sirat Rasul Allah. Oxford, 2004. 432 p.
- Trimingham J. S.** Christianity among the Arabs in pre-Islamic times. London: Longman Group Ltd, 1979. 364 p.

Список источников

- Коран / Пер. Э. Кулиева. М., 2007. 688 с.
- Arabic Bible. Outreach ministry / Mt Sinai Arabic Codex 151. URL: <https://www.arabicbible.com/arabic-bible/codex/15-mt-sinai-arabic-codex-151.html> (дата обращения 20.11.2024).

References

- Baumstark A.** Das Problem eines vor-islamischen christlich-kirchlichen Schrifttums in arabischer Sprache. *Encyclopaedia Islamica*, 1931, vol. 4, pp. 562–575.
- Baumstark A.** Eine altarabische Evangelienübersetzung aus dem Christlich-Palästinensischen. *Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete*, 1932, Bd. 8, S. 201–209.

- Blau J.** The emergence and linguistic background of judaeo-arabic. Oxford, 1965, 259 p.
- Bolshakov O. G.** Istoria Khalifata [The history of the Caliphate]. Moscow, 2000, vol. 3, 382 p. (in Russ.)
- Griffith S. H.** Arabic Christianity in the Monasteries of Ninth-Century Palestine. New York, 2016, 352 p.
- Guillaume A.** The Life of Muhammad a translation of Ishaq's Sirat Rasul Allah. Oxford, 2004, 432 p.
- Krchkovsky I. Yu.** O perevode Biblii na arabskii yazyk pri khalife al-Ma'mune [On the translation of the Bible into Arabic under Caliph al-Ma'mun]. *Khristsianskiy Vostok* [Christian East], 1918, vol. 6, pp. 189–196. (in Russ.)
- Trimingham J. S.** Christianity among the Arabs in pre-Islamic times. London, Longman Group Ltd, 1979, 364 p.

List of Sources

- Arabic Bible. Outreach ministry / Mt Sinai Arabic Codex 151. URL: <https://www.arabichbible.com/arabic-bible/codex/15-mt-sinai-arabic-codex-151.html> (accessed: 20.11.2024).
- Koran. Trans. by E. Kuliev. Moscow, 2007, 688 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Михайлович Новичихин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Andrey M. Novichikhin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 07.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 12.02.2025
The article was submitted on 07.01.2025;
approved after reviewing on 12.02.2025; accepted for publication on 12.02.2025*

Научная статья

УДК 94(57)

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-67-106

Пленные казаки и перебежчики в маньчжурском Китае (1653–1708)

Владимир Ильич Трухин

Независимый исследователь

Благовещенск, Россия

tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Аннотация

На основании опубликованных и впервые вводимых в научный оборот документов представлен обзор сведений о количестве и персональном составе казаков, попавших в плен и добровольно перешедших на службу в войска маньчжурской империи Цин из русских отрядов, действовавших на территории Приамурья в 1653–1689 гг. В статье анализируется изменение в течение всего рассматриваемого периода соотношения пленных казаков и перебежчиков, а также причины способствовавшие принятию решения о добровольном переходе на противоборствующую сторону. В исследовании приведены имена и известные биографические данные казаков, активно сотрудничавших с командованием воинских подразделений маньчжурских восьмизнаменных войск. Представлены списки казаков Албазинского и Якутского острогов, попавших в плен в ходе кампании по вытеснению маньчжурами русских из Приамурья и фактически составивших основу «русской роты» в маньчжурской гвардии. В статье также приведены отдельные примеры действий плененных казаков, даже под страхом смерти отказавшихся от сотрудничества с маньчжурами. Представленный материал позволяет отметить изменение функционального использования пленных казаков до и после заключения Нерчинского мирного договора. Изучение документов, составленных казаками в плену и адресованных властным структурам Русского государства, позволяет показать, что у части пленных казаков выпадение из привычной социально-культурной обстановки приводит к формированию внутреннего конфликта и стремлению любыми способами вернуться в привычную для них окружающую среду.

Ключевые слова

казак, плен, перебежчик, острог, русская рота, грамотка, исторический документ, изменник, империя Цин, Пекин, император

Для цитирования

Трухин В. И. Пленные казаки и перебежчики в маньчжурском Китае (1653–1708) // *Universum Humanitarium*. 2025. № 1. С. 67–106. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-67-106

Captured Cossacks and Defectors in Manchu China (1653–1708)

Vladimir I. Trukhin

Independent Researcher

Blagoveshchensk, Russian Federation

tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Abstract

A review of information on the number and personnel of Cossacks who were captured and voluntarily transferred to serve in the troops of the Manchu Qing Empire from Russian detachments operating in the territory of the Amur region in 1653–1689 is presented on the basis of published documents and those introduced into scientific circulation for the first time. The change in the ratio of captured Cossacks and defectors throughout the period under consideration and the reasons that contributed to the decision to voluntarily transfer to serve the opposing side are analyzed in the article. The names and known biographical data of the Cossacks who actively collaborated with the command of the military units of the Manchu Eight-Banner Troops are given in the study. Lists of Cossacks from the Albazin and Yakut forts who were captured during the campaign to drive the Russians out of the Amur region by the Manchus and who actually formed the basis of the “Russian company” in the Manchu guard are presented. Individual examples of the actions of captured Cossacks who refused to cooperate with the Manchus even under threat of death are also given in the article. Changes in the functional use of captured Cossacks before and after the conclusion of the Nerchinsk Peace Treaty are noted in the presented material. The study of documents compiled by Cossacks in captivity and addressed to the authorities of the Russian state allows us to show that for some captured Cossacks, falling out of the usual socio-cultural environment leads to the formation of internal conflict and the desire to return to their familiar environment by any means.

Keywords

Cossack, captive, defector, stockade, Russian company, literacy, historical document, traitor, Qing Empire, Beijing, emperor

For citation

Trukhin V. I. Captured Cossacks and defectors in Manchu China (1653–1708). *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 67–106. (in Russ.) DOI 1025205/2499-9997-2025-1-67-106

Как совершенно справедливо отметил А. Л. Кузьминых, «...война является не только противоборством отдельных государств и их коалиций, но и столкновением разных цивилизаций (культур, мировоззрений, идеологий, ментальностей), в которое вовлекается огромное количество социальных (этнических, религиозных и иных) групп и индивидов. Плен приводит к перемещению значительных масс людей через цивилизационные, государственные и национальные границы, их выпадению из привычной социально-культурной среды и зачастую к насильственной интеграции в иные этносы и культуры...» [Кузьминых, 2012, с. 422]. В этом плане показательным является привлечение на службу в маньчжурские государственные учреждения российских казаков, добровольно перешедших к маньчжурам и пленных в ходе межгосударственного конфликта на Амуре во второй половине XVII в.

В это время сферы влияния двух средневековых государств – Русского царства и Цинской империи – вошли в соприкосновение на великой реке Амур. Каждое из них стремилось закрепить этот регион за собой, поэтому вполне закономерным стало то, что встреча двух цивилизаций вылилась в вооруженное противостояние.

В результате этих столкновений с обеих сторон появились пленные и перебежчики. Привлечение маньчжурами на свою сторону казаков, находящихся на службе Русского государства, вызвало особый интерес в русскоязычном историческом сообществе, прежде всего потому, что из их числа была сформирована особая «русская рота» в составе восьми-знаменного маньчжурского войска. Эти события нашли отражение в научных работах, освещавших историю русско-маньчжурского конфликта, В. А. Александрова [1984], А. Р. Артемьева [1999; 2005], Е. Л. Беспрозванных [1983], А. А. Бродникова [1999], А. П. Забияко и А. Н. Черкасова [Албазинский острог..., 2019], Г. Б. Красноштанова [2008], П. А. Лапина [2009; 2013а; 2013б], Г. В. Мелихова [1974], В. С. Мясникова [1987], В. И. Трухина [2023]. Вместе с тем количественные оценки находившихся в плену казаков, содержащиеся в этих исследованиях, имели значительный разброс, а сведения о персональном составе сводились к нескольким наиболее известным именам. Введение в научный оборот новых документов позволило, существенно дополнить эту информацию.

Наибольшее количество русских пленных и перебежчиков появилось в Китае в годы подготовки маньчжурами военных мероприятий по вытеснению русских из Приамурья в 1683–1685 гг. Именно в эти годы была сформирована база для создания «русской роты» в Пекине. Однако появление в маньчжурском Китае первых казаков, безусловно, относится

ся ко времени пребывания на Амуре отряда Ерофея Хабарова и его премника Онуфрия Степанова.

Здесь важно отметить, что соотношение пленных казаков и перебежчиков, оказавшихся в маньчжурском государстве, значительно менялось по времени. Наиболее ранние сведения о наличии перебежчиков в Китае относятся к 1670 г., когда в Пекине побывал нерчинский сын боярский Игнатий Милованов. Тогда там было два перебежчика.

В 1676 г. побывавший в Пекине с посольством Н. Г. Спафарий сообщил: «А в Китайском государстве ныне русских людей есть человек с 13, и только 2 человека, что пойманы на Амуре, а те все беглецы из украинских острожков побежали, наипаче из Албазинского острога, и в третьем году побежали 3 человека для того, что водою бегают Амуром до Усть Шингала, и на Шингале китайские люди принимают и в царство без задержания отвозят и учинит им бугдыхан жалованье и велят их женить и в службу написать»¹. Имена большинства этих перебежчиков остаются неизвестны, но самым первым был Ананий (Онашко) Урусланов (Русланов)². Н. Спафарий встретил его в ходе своего посольства в Пекин в 1676 г. Архимандрит Петр (П. И. Каменский) со ссылкой на перевод китайской книги «Бацци тунчжи»³ называл 1648-й год годом перехода А. Урусланова к маньчжурам [Архимандрит Петр, 1906, с. 17]. Такая дата перехода на службу к маньчжурам Урусланова неверна. В 1648 г. никакие отряды русских казаков на Амуре не находились, и поэтому, как справедливо заметил Г. Б. Красноштанов [2008, с. 265], Архимандрит Петр ошибался. Урусланов был послан на Амур в отряд Онуфрия Степанова по распоряжению Якутского воеводы Д. А. Францбекова в составе посольства Третьяка Чечигина 27 июля 1651 г.⁴ В Москву о дате побега в Китай Онашки Урусланова сообщал якутский воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов: «...и тот Онашка тебе, великому государю, изменил: во 161 (1652/1653) году с усть Шингалу ушел к богдойским людем. А по сказке даурских иноземцов, что де тот Онашка у богдойского царя учинен честным человеком. И от того, великий

¹ РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Кн. 4. Л. 201; РКО. Т. 1. С. 416–417.

² Упоминается в документах: ДАИ. Т. 3. С. 345; Т. 4. С. 279; Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 123; РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Кн. 3. Л. 188; Кн. 4. Л. 201; РКО Т. 1. С. 287, 417.

³ Перевод книги был сделан И. К. Россохиным и А. Л. Леонтьевым (Обстоятельное описание происхождения и состояния Манчжурского народа и войска, осьми знаменах состоящего (в шестнадцати томах). СПб., 1784).

⁴ ДАИ. Т. 3. С. 345.

государь, от изменника от Онашки Русланова чайть всякого дурна»⁵. Здесь важно отметить, что и Н. Спафарий, и И. Голенищев-Кутузов отмечают, что А. Урусланов не был пленен, а добровольно перешел на службу к маньчжурам.

Вторым перебежчиком, которого встретил 28 июня 1670 г. в Пекине бывший там И. Милованов, был бежавший из отряда Никифора Черниговского Пахомко Степанов Корноух⁶. В прошлом П. Корноух был человеком ленского сына боярского Федора Пущина. Как и А. Урусланов, П. Корноух к 1670 г. в Китае женился. Оба они жили своими двоюрами⁷.

Еще одним перебежчиком был Гришка Павлов сын Белкиных (Тобольской, Верхотурец, Япанчинец, Епанчин)⁸. Он был родом из Верхотурья, к маньчжурам попал из отряда Мишки Сорокина, бежавшего с Лены на Амур 1655 г.

Можно также предположить, что среди перебежчиков были восемь казаков, бежавших в 1670 г. из Албазина в Китай. Среди них были непосредственные убийцы илимского воеводы Л. А. Обухова, ссыльные черкасы Осипко Васильев Подкаменный и Ивашко Еремеев Микулка (Пан) [Красноштанов, 2008, с. 155, 266].

О службе перебежчиков в статейном списке посольства Н. Спафария рассказывалось: «И ныне они у бугдыхана учат китайских людей стрелять ис пищали с коня и пеших, как о том писал из них один тобольской к своему брату, и тот ныне и в талмачи взят в Посольской приказ, потому что рускую грамоту умеет, да и китайской учился ж, и всякое руское письмо он переводит»⁹.

Несмотря на то, что Н. Спафарий отмечал, что среди перебежчиков в первые годы существования «русской» диаспоры в Пекине число пленных казаков было незначительным, маньчжурские источники сохранили сведения о пленении казаков, не всегда подтвержденные русскими документами. В Пекин неоднократно доставляли россиян в качестве пленных. Так, в 1653 г. цинский караульный отряд в Нингуте пленил и отправил в Пекин 11 россиян [Лапин, 2013б, с. 7]. В «Стратегических планах умирения русских» («Пиндин лоча фанлюэ») отмеча-

⁵ ДАИ. Т. 4. С. 279.

⁶ Упоминается в документах: ДАИ. Т. 11, № 24. С. 81; РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Кн. 3. Л. 189 – 189 об.; РКО. Т. 1. С. 287.

⁷ РКО. Т. 1. С. 287.

⁸ Упоминается в документах: ДАИ. Т. 10. С. 234, 235, 236; РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 43. Л. 33; Ф. 1171. Оп. 3. Ед. хр. 2341. Л. 2.

⁹ РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Кн. 4. Л. 201; РКО. Т. 1. С. 417.

лось, что какое-то количество казаков было пленено при осаде Кумарского острога: «В 12 году (1655 г.) шаншу дутун Минъандали был отправлен во главе войск из столицы, чтобы покарать их. Он достиг Хумара напал на крепость, многих порубил и взял в плен»¹⁰. В труде «Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.)» Г. В. Мелихов приводит выдержку из донесения Шархуды из труда «Шицзу Шилу» («Правдивые записи о правлении величественного императора Шицзу великой Цинь») о русских, попавших в плен в августе 1658 г.: «Разбили войска русских, захватили их людей, латы и другие предметы» [Мелихов, 1974, с. 100]. В ходе этого столкновения было пленено 47 казаков [Лапин, 2013б, с. 7]. Также обращают на себя внимание сведения, приведенные Юй Чжэнсе из Гуйсы лэйгао (Различные записи, (собранные) в год гуйсы). В них есть указание на то, что в 1668 г. «в Пекин был доставлен русский Ифань (Иван) и другие» [Там же]. Возможно, здесь идет речь о пленении Ивашки Артемьева (Ортемьева)¹¹, перешедшего на службу к маньчжурам и активно с ними сотрудничавшего. Артемьев использовался маньчжурами в качестве переводчика, мог «с маньчжурского переводить на русский язык и писать». За усердие в службе он получил чин сяоцисяо (младший офицер), что соответствовало званию офицера шестого ранга первой степени. Артемьев длительное время находился в распоряжении у мейрени чжангиня Сабсу. Вполне вероятно, именно с ним в Пекине встречались казаки Ларка Куликов и Ивашко Киселев. Выйдя в Енисейск с грамотами маньчжурского императора в октябре 1685 г., они сообщили енисейскому воеводе, что с Амура в Китай от китайских воинских людей приезжал прежний изменник Ивашко Роспутин¹². Во время обороны Албазина 1686/1687 гг. он был в стане маньчжуров. Возможно, в последствии именно он стал заместителем командира русской роты в Пекине [Лапин, 2013а, с. 58]

Вместе с ним часто упоминаются еще два перебежчика: Агафонко Зырян (Верхотурец)¹³ и Стенка Верхотур (Верхотурец, Верхотуров)¹⁴.

¹⁰ РКО. Т. 2. С. 660.

¹¹ Упоминается в документах: ДАИ. Т. 10. С. 238; Т. 11. С. 81; Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1912. Т. 21, вып. 2–3. С. 84; РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 19; РКО. С. 149, 163.

¹² РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 133.

¹³ Упоминается в документах: ДАИ. Т. 10. С. 236, 238; Т. 11. С. 81; Некоторые маньчжурские документы... С. 84; РГАДА. Ф. 1171. Оп. 3. Ед. хр. 2341. Л. 2; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 17; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 43. Л. 31–33.

Оба они были русскими. О них известно, что к маньчжурам они бежали из даурских острогов. На маньчжурской службе использовались в качестве переводчиков. Могли переводить на русский язык и писать. За усердие в службе 25 декабря 1683 г. им были пожалованы офицерские чины седьмого класса.

В 1683 г., когда маньчжуры приступили к активному вытеснению русских из Приамурья, была пленена значительная часть отряда Григория Стефанова Самойлова (Мыльника). Казаки, шедшие на реки Быстрая¹⁵ и Хамун¹⁶ летом 1683 г. на перемену отряду Ганки Фролова, недалеко от устья Зеи были перехвачены маньчжурами. Официально численность отряда составляла 67 или 68 человек, но реально она могла быть больше. Так, например, албазинский казак Фирско Яковлев называл цифру 73 человека¹⁷. Всего в плен к маньчжурам из этого отряда попало 33 казака и промышленных человека. Всех плененных казаков удалось установить поименно [Трухин, 2023]. Большую часть имен промышленных людей установить не удалось. Именной список всех попавших в плен из отряда Г. Мыльника приведен в прилож. 1.

Часть пленных практически сразу пошла на сотрудничество с маньчжурами. Среди них были: командир отряда Григорий Самойлов (Мыльник), Афанасий Байташников и поп Максим Леонтьев (Ворожейкин). 25 декабря 1683 г. указом императора Григорию Самойлову, Афанасию Байташникову и Максиму Леонтьеву были присвоены офицерские звания: «...присвоить недавно перешедшим на нашу сторону русским Григорию, Афанасию, Максиму и другим соответствующие офицерские звания... всем дать чин седьмого класса»¹⁸. Позднее Григорий Самойлов в составе маньчжурских войск принимал участие в первой осаде Албазинского острога 1685 г. Афонька Байташников во время второй обороны Албазина был в стане маньчжуров и участвовал в переговорах с защитниками осажденной крепости.

Когда маньчжуры не смогли взять Албазинскую крепость во время ее второй осады, кого-то и русских изменников, утверждавших, что это сделать будет легко, маньчжурский император велел казнить: «А как де китайские полковые воеводы под Албазин пришли, и с теми ж полко-

¹⁴ Упоминается в документах: ДАИ. Т. 10. С. 235, 236, 238; Т. 11. С. 81; Т. 12, С. 111; *Паршин В. П.* Поездка в Забайкальский край. СПб., 1844. Ч. 2: История города Албазина. С. 163; РГАДА Ф. 1171. Оп. 3. Ед. хр. 2341. Л. 2; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 17; Д. 35. Л. 4, 5, 10, 18; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 43. Л. 31–33.

¹⁵ Современная река Буря.

¹⁶ Современная река Амгунь.

¹⁷ ДАИ. Т. 11. С. 218.

¹⁸ РКО. Т. 2. С. 668.

выми воеводы был изменник русской человек, и им де, полковым воеводам, говорил, также и в Китаях похвалился, что Албазин возьмет безо всякие трудности. И по тем де ево изменниковым речам китайские полковые воеводы к Албазину с приходу своего приступали и ис пушек били. И тем де приступным боем Албазина не взяли... И того де изменника отослали остальные воеводы в царство, и бугдыхан де того изменника велел казнить смертью»¹⁹. Вполне вероятно, что это мог быть Григорий Самойлов или Афонька Байташников.

Интересны сведения о переходе на службу к маньчжурам Любимка Иванова сына Выезжего²⁰. Л. Выезжий был сыном крещеного инородца, вероятно даура, женатого на дочери даурского сотника Логчодоя, жившего на Науне. Л. Выезжий, как и его отец, был толмачом в Албазинском остроге. В 1683 г. Л. Выезжий принял участие в походе Албазинских казаков в Селенбинский острожек. После того как маньчжурская угроза взятия острожка стала реальной, казаки осенью 1683 г. решили уйти в Удский острог. На пути они встретили селенбинских ясачных тунгусов, которых Л. Иванов «научил Албазинских казаков побить»²¹. В результате 15 человек казаков было убито, а толмач Л. Выезжий перешел на службу к маньчжурам и принимал участие в осаде Албазинского острога 1685 г.²²

Но были и обратные примеры. Часть казаков и промышленных людей, попавших в маньчжурский плен, от сотрудничества с маньчжурами даже под страхом смерти отказывались. Так, например, промышленные люди из отряда Г. Самойлова Мишка Яшкиных и Ивашко Енисеец, несмотря на угрозу смертной казни, перейти на службу к маньчжурам отказались²³.

Все пленные, как правило, доставлялись в Пекин. Те из них, кто добровольно дал согласие на переход к маньчжурам, зачислялись в службу. При вербовке казаков на маньчжурскую службу «богдойские воеводы» подчеркивали: «У нашег(о) де царя в царстве русских невольных людей не держат. Веры нет естли де хто волею не похочет жить и нашему царю служить»²⁴. Те, кто служить маньчжурам отказался, содержались под стражей. Албазинский казак Яким Иванов, участвовавший в походе

¹⁹ РКО. Т. 2. С. 189.

²⁰ Упоминается в документах: ДАИ. Т. 11, № 79. С. 218; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 819. Л. 29 об.; Оп. 3. Стб. 544. Л. 286.

²¹ ДАИ. Т. 11. С. 218.

²² РГАДА. Ф. 214. Стб. 544. Л. 286.

²³ ДАИ. Т. 11. С. 81.

²⁴ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.

Г. Самойлова и вышедший из плена в 1685 г. с грамотой маньчжурского императора, рассказывал, что «их Якимка с товарищи тритцати одного ч(е)л(о)в(е)ка те китайцы взяли в полон и свезли в китайское г(о)с(у)д(а)рство и жили в китайском г(о)с(у)д(а)рстве два годы неполна за караулом и давали им поденной корм а никакова им мучения от них китайцов не было»²⁵. Именно из таких «отказников», вероятно, формировались группы людей, которым поручалось доставлять письма маньчжурского императора в русские остроги и Москву. Вместе с такими письмами тайно пересылались и письма маньчжурских пленников, в которых они пытались сообщить о своем пленении родственникам. К настоящему времени сохранились две такие грамотки. Их авторами были Григорий Самойлов²⁶ и Стенька Козмин²⁷ (полный текст грамотки С. Козмина см. в прилож. 2). В документации Посольского приказа сохранилось упоминание о грамотке, написанной и пересланной через Якутский острог попом Максимом Леонтьевым²⁸, но само письмо обнаружить, пока не удалось.

В «Стратегических планах по усмирению русских» (Пиндин лоча фанлюэ) отмечено, что 15 февраля 1684 г. маньчжурами было совершено нападение на одно из селений Албазинского уезда, где были захвачены 21 человек и 20 ружей²⁹. В данном отрывке идет речь о взятии Верхозейского острога. В 1683 г. в Верхозейский острог для сбора ясака был отправлен отряд под командованием десятника Ивашки Тарасова. 27 октября 1683 г. острог был осажден тунгусами, и два казака были убиты. В феврале 1684 г. к острогу подошли маньчжуры, и все защитники этого острога были взяты в плен³⁰. По «Имянным пречневым выпискам Албазинских служилых людей которым налицо доведетца дать великих г(о)с(у)д(а)рей денежное хлебное и соляное жалованье в полные их годовые оклады и в додацию на прошлые на 187 й и на 188 й и на 189 й и на 190 й и на 191 й и на 192 й годы», составленным албазинским воеводой Алексеем Толбузиным 20 и 21 ноября 1684 г., удалось установить имена 15 казаков, находившихся в этом острожке³¹ и попавшим в маньчжурский плен в полном составе. Именной список казаков, находившихся в Верхозейском остроге, приведен в прилож. 3.

²⁵ РГАДА. Ф. 62-1 (Реестр 2). Д. 1. С. 29.

²⁶ ДАИ. Т. 10. С. 239–240.

²⁷ РГАДА. Ф. 62, 1685. Д. 1. Л. 82–86.

²⁸ Там же. Д. 2. Ч. 1 Л. 39, 97.

²⁹ РКО. Т. 2. С. 668.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 973. Л. 24–27.

³¹ Там же. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 819. Л. 26–28, 82 – 86 об.

Среди защитников Верхозейского острога следует особо отметить Ларку Куликова, который совершил беспримерный подвиг. После того как Верхозейский острог был маньчжурами взят, он сумел спрятать среди своих личных вещей «знамя великих г(о)с(у)д(а)рей в середине кр(е)ст на лазеровой китайке а по краям обложено кутнею черной». Это знамя было «дано им ис казны великих г(о)с(у)д(а)рей в Олбазинском остроге как они посланы были на службу великих г(о)с(у)д(а)рей службу» в Верхозейский острог. Оказавшись в Пекине, он девять месяцев продолжал тайно хранить это знамя. И только в октябре 1685 г., когда ему удалось выйти в Енисейск с письмами маньчжурского императора, он предъявил его енисейскому воеводе Степану Офонасьевичу Сабакину³².

Осенью 1684 г. (не позднее октября) маньчжурами был захвачен Тугурский острог, входивший в состав острогов Якутского воеводства. В окладной книге Якутского острога за 193 г. указано, что там находилось 33 казака. После того как в Якутском остроге узнали о том, что Тугурский острог маньчжурами уничтожен, все казаки, находившиеся там, были помечены как погибшие. Однако грамотка Сенки Козмина, тайно доставленная казаками, плененными на Амуре, в Москву с письмами маньжурского императора, говорит о том, что все находившиеся в Тугурском остроге казаки и промышленные люди были маньчжурами пленены. Всего было пленено 47 человек. Такая разница в численности оборонявших Тугурский острог объясняется тем, что кроме якутских казаков там находились промышленные люди, пришедшие туда вместе с отрядом Ганки Фролова [Бродников, 1999]. Эти же сведения подтвердил отпущенный из маньжурского плена с письмом маньжурского императора албазинский служилый человек Омелька Дмитриев. В 1685 г., после того как маньжурские войска взяли Албазинский острог, Омелька Дмитриев был послан в Москву с отписками. По дороге он с албазинскими крестьянами передал в Якутский острог письмо, в котором сообщал, что плененные в Тугурском остроге якутские казаки живы и «радеют в свою землю и плачут горько»³³.

Список считавшихся убитыми якутских казаков в Тугурском острожке, восстановлен по окладной книге Якутского острога за 193 г.³⁴ А. А. Бродниковым и приведен в прилож. 4.

Имена плененных из Тугурского острожка промышленных людей восстановить пока невозможно. Всего в 1685 г. к моменту написания

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 973. Л. 124.

³³ Там же. Л. 174.

³⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 65.

грамотки Сенки Козмина в Пекине русских людей было около девяноста человек.

5 июля 1684 г. маньчжурами было совершено нападение на деревню Ондрюшки Чюлкова. Из нее было пленено два русских человека – промышленные люди Федька Тельной «с товарищем»³⁵. Находясь в плену, Федька Тельной дал обстоятельные сведения о состоянии дел в Албазинском уезде³⁶ и, вероятно, согласился сотрудничать с маньчжурами.

15 марта 1685 г. отряд дауров из 30 человек по приказу маньчжуров напал на казаков в районе мельницы торгового человека Федота Бурдуковского с целью захвата языков. 29 марта 1685 г. они привели маньчжурам 7 русских пленных³⁷. Из захваченных русских пленных одному удалось бежать. Оставшиеся шесть человек были отправлены под конвоем в Пекин. Среди пленных были казак Емельян (Омелька) Дмитриев³⁸, пашенный крестьянин Оношка Васильев, а также четверо промышленных людей: Гаврила Ситников³⁹, Михеика Желна, Мишка Харламов и Овдокимко Титов⁴⁰. После допроса захваченным даурами пленным император указал выдать по комплекту одежды в соответствии с сезоном и препроводить их к цзянцзюню Сабсу, чтобы, когда маньчжуры начнут наступление, отпустить их с целью демонстрации императорского великодушия⁴¹. Однако пленники были отпущены не просто так, им было поручено доставить в Албазинский острог маньчжурское письмо. В число отпущенных русских людей были включены и ранее плененные Федька Петров Тельной и Васка Родионов Бес. Как позднее показал допрос, Федька Петров Тельной был отправлен в Албазин со специальным заданием: «как де богдойские люди учнут приступать к острогу и ему де в то время острог зажигать»⁴². Несмотря на то что акция была раскрыта, Федьке Тельному удалось избежать положенной за измену казни. Когда Албазинский острог был взят, маньчжуры своего лазутчика из-под ареста освободили и «учинили ево Федку по своей вере боярином» (вероятно, он был произведен в офицеры)⁴³.

³⁵ РГАДА. Ф. 1142. Д. 34. Л. 55.

³⁶ РКО. Т. 2. С. 670.

³⁷ Там же. С. 675–676.

³⁸ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 33. Л. 60.

³⁹ В одном из документов Гаврила Ситников был назван казаком (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 33. Л. 60).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 33. Л. 44–50.

⁴¹ РКО. Т. 2. С. 676.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 166–167.

⁴³ Там же. Л. 167.

Кроме Федьки Тельного во время штурма Албазинского острога маньчжурским войском, как было указано выше, в составе осаждавших были Г. Самойлов (Мыльник), Л. Выезжий «и иные русские люди, изменники, были ж»⁴⁴.

Очередное существенное пополнение перешедших на маньчжурскую сторону казаков произошло после взятия маньчжурами Албазинского острога летом 1685 г. Наиболее полный список имен казаков, перешедших к маньчжурам, был составлен албазинским воеводой Алексеем Толбузиным в Нерчинском остроге после выхода туда защитников острога и жителей албазинских уездов⁴⁵. Аналогичные сведения содержатся в «Расспросных речах Албазинских пашенных крестьян Василия Никифорова с товарищи перед Якутским воеводой Матвеем Кровковым»⁴⁶. Сопоставление этих списков приведено в прилож. 5. Сличение этих списков показало, что полного совпадения нет. А. Толбузин к числу перешедших на службу к маньчжурам называет имена 22 казаков, 14 промышленных людей и 8 пашенных крестьян. Кроме того, им были поименованы 7 человек новокрещеных даурских и тунгусских выходцев, которым маньчжуры не позволили уйти в Нерчинск. Их имена указаны в прилож. 6. Всего, по данным А. Толбузина, у маньчжуров добровольно и по принуждению остался 51 албазинец. Пашенные албазинские крестьяне, вышедшие в Якутский острог, указали, что на предложение перейти на службу к маньчжурам откликнулось более 50 албазинцев, что в целом совпадает со сведениями А. Толбузина, однако они всех оставшихся в «маньчжурских таборах» причислили к служилым людям, что на самом деле было не так. Как в русских документах того времени, так и в маньчжурских число казаков, перешедших на маньчжурскую службу после взятия Албазинского острога, разнится. В отписке в Москву воеводы Ивана Остафьевича Власова говорится: «...изменили де вам великим г(о)с(у)д(а)рем отошли к богдоиским людям албазинские казаки Ивашка Войлошников Васка Захаров подъячей Петрушка Хмелев с товарищи дватцать пять ч(е)л(о)в(е)к...»⁴⁷. Вероятно, здесь идет речь только о казаках, покинувших свою службу. В «Стратегических планах по усмирению русских» (Пиндин лоча фанлюэ) названа иная цифра: «Помощник начальника [гарнизона] Василий [Захаров] и с ним еще 40 человек отказались возвратиться [в русские города], и поэтому мы их

⁴⁴ РГАДА Ф. 214. Стб. 973. Л. 166.

⁴⁵ Там же. Л. 238–239.

⁴⁶ Там же. Л. 166–173.

⁴⁷ Там же. Ф. 1142. Д. 35. Л. 17.

оставили»⁴⁸. В биографии Лантаня, непосредственно руководившего боевыми действиями при штурме Албазинского острога, указано: «Остальных же русских – 45 человек, которые отказались возвратиться [в свои земли] и пожелали быть под милостивым правлением императора, Лантань приказал отвести в маньчжурские земли»⁴⁹. Если предположить, что маньчжурские цифры включают в себя только этнических русских, то в целом они будут совпадать с данными А. Толбузина.

Интересно, что среди русских людей, перешедших на службу к маньчжурам, женатых было примерно треть. В маньчжурском лагере они остались вместе с женами. Вероятно, их жены были этническими даурками или тунгусками. Вышедшие в Якутский острог албазинские пашенные крестьяне с отписками от албазинского воеводы А. Толбузина в своих расспросных речах сообщили: «Да те ж богдойские люди взяли в полон в неволю албазинских служилых людей и пашенных кр(е)стьян жен их иноземские породы ч(е)л(о)в(е)ков с сорок да детей мужеска и женска полу лет по пяти и по шти и по десяти ч(е)л(о)в(е)ков с шездесят»⁵⁰. Вероятно, именно нежелание оставить в маньчжурском плену жен и детей, скорее всего, и стало основным фактором, повлиявшим на их решение остаться у маньчжуров.

Наиболее значимой фигурой среди перешедших на маньчжурскую службу был неформальный лидер албазинских казаков Ивашко Семенов Войлошников. Он возглавлял Албазинский острог с мая 1682 по май 1684 г. Под его руководством албазинцами было многое сделано для перестройки острога и его укрепления. Кроме И. Семенова после взятия Албазинского острога на службу к маньчжурам перешли еще несколько человек, имевших отчество Семенов. Это были Ортюшка Семенов с братьями Филькою и Макаром, Карпунька Семенов по прозвищу Шингал⁵¹. Среди перешедших на службу к маньчжурам в составе отряда Григория Мыльника были также три албазинских казака, имевших отчество Семенов. Это Андрюшка Семенов, Терешка Семенов, Стенька Семенов. Конечно, нельзя однозначно утверждать, что все эти люди были братьями, но семьи были большими, а родственное влияние вполне могло иметь место.

Также перешел на службу к маньчжурам бывший нерчинский служилый человек, казачий пятидесятник Васка Захаров. По одному историческому документу, известному в двух вариациях, удалось установить

⁴⁸ РКО. Т. 2. С. 676.

⁴⁹ Там же. С. 692.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 973. Л. 172–173.

⁵¹ Там же. Л. 171.

его прозвище – Кулебякин⁵². Нерчинский воевода Федор Воейков в своих отписках называл В. Захарова беглым нерчинским казаком, хотя 10 июня 1681 г. он сам удовлетворил его челобитье о переводе на службу в Албазинский острог [Трухин, 2021, с. 11]. В. Захаров мотивировал свою просьбу о переводе в Албазин тем, что у него там имеется дом и живут жена и дети⁵³. В 1670 г. Захаров принимал участие в посольстве И. Милованова в Китай и побывал в Пекине⁵⁴. Вероятно, именно поэтому он был включен А. Толбузиным в число переговорщиков об условиях сдачи Албазинского острога.

Сообщения о пленении русских женщин и детей как в русских, так и в маньчжурских документах крайне редки. Тем не менее такие случаи фиксировались. Так, в октябре 194 (1685) г. недалеко от Лавкаева луга в деревне Вяткиной, расположенной на правом берегу Амура, китайские воинские люди убили четырех человек промышленных людей, а «вдову кр(е)стьянскую жену Василиску з детьми пятерых в полон взяли»⁵⁵.

Еще один такой случай подтверждается и русскими, и маньчжурскими документами. Подробное описание этого эпизода есть в биографии организатора и руководителя военной операции маньчжуров Лантаня: «...24 числа (15 июня 1685г.) утром (на Амуре) появились идущие вниз, к Албазину, плоты, на которых было более 40 человек русских. Лантань послал к ним цзяла-чжангиня Ялантая, который предложил русским сдаться в плен. Те не согласились и, схватив оружие, вступили с ними в бой. (Маньчжуры) вскочили на плоты русских. Более 30 человек русских зарубили, а на (захваченных) плотках привезли к Лантаню 15 человек их жен и детей...»⁵⁶. Этот эпизод также был отражен на картографическом рисунке «Luosha» из атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu (艾渾, 羅利, 台灣, 蒙古圖)»⁵⁷ (см. рисунок). В русских источниках удалось найти два очень кратких описания этого случая. Первый: «И неприятельские богдойские люди в Албазинском в осаде и на плотках и в лотках под Албазинским острогом которые плыли с верхних заимок

⁵² РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 182.

⁵³ Там же. Ф. 1142. Д. 19. Л. 21 – 21 об.

⁵⁴ ЦГА КНР. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений, подлинные документы периода Канси Цяньлун. 1670. № 1. Л. 1.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 14, 70.

⁵⁶ РКО. Т. 2. С. 692.

⁵⁷ Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggututu (艾渾, 羅利, 台灣, 蒙古圖) // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/item/gm71005078/> (дата обращения 12.01.2025).

Приплывающие к Албазинскому острогу на плотках и лодках пашенные крестьяне. Фрагмент картографического рисунка «Luosha» из атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖)» (<http://www.loc.gov/item/gm71005078/>)

Peasants approaching to the Albazin fortress on rafts and boats. Fragment of a cartographic drawing “Luosha” from atlas “Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖)” (<http://www.loc.gov/item/gm71005078/>)

в Албазинской острог побили всяких чинов людей...»⁵⁸. Второй: «А которых пашенных кр(е)стьян заимки были повыше Албазинского острогу и в осаду плыли по Амуру на плотках душою и телом покиня домишки и всякие крестьянские заводишка хотя вам великим г(о)с(у)д(а)рем впредь служить и пашня пахать чтоб проплыть в Албазин в осаду. И китайские люди многих ис пушек на плотках побили и переранили и потопили. И которые остались живы раненые и те прибежали в осаду ж в Албазинской. И в Албазинском с воеводою с Олексеем Ларионовичем Толбузиным сидели в осаде и против неприятельских людей бились не щедя голов своих»⁵⁹. Вероятно, к этому эпизоду относится и документ, описанный П. И. Воробьевым «...отношение Сабсу... о распределении между начальствующим составом войска с точным поименованием захваченных в качестве военной добычи 3 русских мальчиков и 13 русских девочек с матерями» [Воробьев, 1936, с. 182–183].

После завершения первой обороны Албазинского острога 1685 г. албазинцы продолжали попадать в плен. В 1686 г. в Великий пост в лесу у Покровской (Большой) заимки был пленен сын пашенного крестьянина Оксенко Федоров. Спустя восемь недель О. Федорова с письмом отпустили в Албазин.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1142. Д. 35. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 974. Л. 333.

В июле 1686 г. недалеко от р. Урки был пленен албазинский казак Мишка Ахряинов «с товарищем». После пленения его и его товарища маньчжуры привезли в «таборы под Албазин», где его товарища и еще десять пленных казаков «казнили смертью». О своем пребывании в плену М. Ахряинов рассказывал, что «в китайских полках в полону терпел голод и всякое мучение, потому что по многие времена на ночи роздевали его доного и руки и ноги розвязывали к кольем»⁶⁰. Позднее он был обменен на «языка никанской породы»⁶¹.

Еще два казака – албазинец Гришка Фомин и новоприборный Ивашка Тарханов – бежали со службы в декабре 1686 г.⁶², после чего попали в маньчжурский плен и были отданы в Албазинскую крепость только 30 августа 1687 г.⁶³

Безусловно, все пленные, давшие согласие на сотрудничество с маньчжурами, активно использовались для реализации задач, поставленных военно-политическим командованием маньчжурской армии. В первую очередь они участвовали в переговорах в качестве переводчиков, в случае пленения других казаков проводили с ними работу, склоняя их к сотрудничеству с маньчжурами.

Заключение мирного договора Империи Цин с Россией повлекло изменение функций «русской роты». Она стала частью гарнизона маньчжурской столицы.

«Русская рота» была причислена к «желтому знамени с каймой». Казаки были поселены на северо-востоке Пекина в районе Дунчжимэнь. Но не всегда вся рота находилась в Пекине. Например, члены посольства Г. Лоншакова в Пекин в мае 1690 г. отмечали: «А тех де русских людей видели они в той слободе сорок восемь ч(е)л(о)в(е)к и в том числе полоняников сорок четыре ч(е)л(о)в(е)ка да изменников три ч(е)л(о)в(е)ка. А иные де изменники живут в ыных далных городех»⁶⁴. Все зачисленные в «русскую роту» ежемесячно получали жалование зерном и деньгами. Пленникам были предоставлены казенные квартиры, деньги на первоначальное обустройство, денежное жалованье, а также наделы пахотной земли и территорию для кладбища, которая находилась вне города за северо-восточной башней. Кроме того, холостым дали китайских жен. Чтобы православные люди могли отправлять свои религиозные обряды, цинское правительство передало в их распоряжение ла-

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 116. Л. 91–92.

⁶¹ РКО. Т. 2. С. 127.

⁶² Там же. С. 146, 147.

⁶³ Там же. С. 175, 193.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 544. Л. 281.

маистскую кумирню. Поп Максим Леонтьев, привезший с собой в Китай чудотворную икону Николая Мирликийского, обратил монгольскую кумирню в часовню во имя святителя Николая Чудотворца. Китайцы ее называли «Лочамяо» («русской кумирней») либо «Бэйгуань» («Северным подворьем»). Наиболее грамотные казаки по-прежнему использовались в качестве переводчиков.

Однако не все попавшие в плен казаки смогли принять сложившуюся ситуацию. Многие рассчитывали, что по результатам мирных переговоров будет произведен обмен пленными, и они вернутся на Родину. Об этом в своей грамотке писал плененный казак Сенька Козмин: «А н(ы)не богдойской ц(а)рь послал лист к нашим великим г(о)с(у)-д(а)рем... А в листу пишет о миру а просит у н(а)ших великих г(о)-с(у)д(а)рей своих беглых людей которые ево люди збежали в Албазин. А против тех своих людей отдает нас всех назад. И н(ы)не мы живем ожидаем Б(о)жие м(и)л(о)сти да и великих г(о)с(у)д(а)рей жалованье...»⁶⁵. Однако этим планам не суждено было сбыться. Но даже годы спустя некоторые казаки продолжали надеяться на возможное возвращение. Так, бывший албазинский подъячий Петр Хмелев во время пребывания посольства Г. Лоншакова в Пекине подал царям челобитную, в которой писал: «И в том я холоп ваш перед вами великими г(о)с(у)-д(а)ри виноват что грех ради моих такое замедление стало и попал в бусорманскую такую богдойскую неисповедимую адаву треклятую челюсть. И н(ы)не я холоп в(а)ш будучи в такой треклятой челюсти молю всещедрого Б(о)га и вашего г(о)с(у)д(а)рского жалованья я холоп в(а)ш к себе чтоб свободену быти ис такие мне холопу в(а)шему погибели»⁶⁶. Чтобы заинтересованность в его возвращении в Россию была большей, он подготовил и передал посланному в Пекин Г. Лоншакову «Записку про Китайское царство», рассказывающую о состоянии крепости Айгун, ее слабых местах, истории прихода к власти маньчжуров и общеполитической обстановке в маньчжурском Китае⁶⁷.

Оказавшись в чуждой среде, казаки постепенно ассимилировались. Служба в маньчжурской армии повлекла за собой изменение стиля жизни. Бывшие с посольством Г. Лоншакова в Пекине казаки отмечали: «А те де русские люди поп и служилые люди ходят и платье носят по китайски»⁶⁸. В китайской среде у них стали появляться необходимые в службе связи и знакомства. В значительной степени на их уклад жизни

⁶⁵ РГАДА. Ф. 62, 1685. Д. 1. Л. 83–85.

⁶⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 544. Л. 286.

⁶⁷ Там же. Л. 287–289.

⁶⁸ Там же. Л. 281.

вливали китайские жены. Вместе с ними в их жизнь вошли китайские традиции, суеверия, пища. Далеко не все казаки смогли легко принять пищевые пристрастия коренных жителей Китая. Так, тот же П. Хмелев об этом писал: «...А ни в чем поганы не имеют. Всяково зверя бабра и медведя и коней и волков едят. Ничему спуску нет. Да еще тово всево поганее собак и змей и лягуш и мышей и всяко поползущага в лягуши что есть на сем свете все жрут...»⁶⁹.

Судьбы плененных маньчжурами казаков и промышленных людей и крестьян проследить довольно сложно. Лишь о некоторых из них известны отрывочные сведения.

Первым командиром «русской роты», как уже говорилось, стал Ананий Урусланов (Улангэли). Первоначально ему был присвоено звание офицера шестого ранга, которое позже постепенно было повышено до четвертого ранга первой степени «желтого знамени с каймой». В маньчжурской армии звание командира роты наследовалось, поэтому после смерти Улангэли командование «русской ротой» было передано его сыну по имени Лодохунь (Лодохон) [Лапин, 2013б, с. 7].

Его заместитель Иван (вероятно, это был Ивашка Артемьев) имел звание шестого ранга первой степени. Как было отмечено выше, часть казаков, наиболее активно сотрудничавших с маньчжурами, получили звания офицеров седьмого ранга.

Больше всего сведений сохранилось о жизни и деятельности попа Максима Леонтьева. Судя по отчеству, он мог быть братом священника Илимской Спасской церкви Амвросия Леонтьева сына Толстоухова. Как отмечали бывшие с посольством Г. Лоншакова в Пекине казаки, в часовне, переделанной из кумирни поп Максим проводил церковные службы: «...в часовне русский поп Максим Ворожейкин Николаю Чюдотворцу пел им молебен»⁷⁰. «Ворожейкин», вероятно, было его прозвищем.

6 июня 1695 г. митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий отправил из Тобольска в Китай с торговыми людьми дьякона соборной церкви Лаврентия Иванова. Тем же числом датирована грамота митрополита Игнатия в Пекин, отправленная с дьяконом, в которой архиерей послал «проповеднику святого Евангелия в китайском царствии, благоговейному иерею Максиму Леонтьеву и всем православным христианам,

⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 544. Л. 289.

⁷⁰ Там же. Л. 280–281.

обитающим в китайском царствии, архипастырское благословение»⁷¹. В 1696 г. Л. Иванов добрался до Пекина, куда доставил помимо грамоты антими́с, миро и масло «со всякими церковными потребами» для освящения церкви «во имя с. Софии премудрости Божией». В 1696 г. отец Максим совместно с прибывшими из России священнослужителями освятил церковь во имя Святой Софии, однако ее так и называли Никольской в честь иконы Николая Чудотворца. Там вплоть до 1699 г. он совершал богослужения, обслуживая духовные нужды своей паствы: «А у той де церкви литоргисает священник Максим; и сказывает, что ему литоргисать невозможно, для того что де он при древней старости и очами скорбен, а дьячков де у церкви с ним попом нет, толко де сын его грамоте учен и у церкви де ему помогает»⁷². Поскольку второй раз жениться православным священникам нельзя, то его сын, вероятно, был пленен вместе с ним⁷³ [Трухин, 2023, с. 18]. Сына Максима Леонтьева звали Федор, и он также имел сына – Захара⁷⁴. Скончался Максим Леонтьев в Пекине в 1711 или 1712 г.

Заметный след в истории «русской роты» оставил албазинский казак Дмитрий Григорьев сын Нестеров. Он выполнял обязанности старосты русской церкви в Пекине. Дмитрий Нестеров среди казаков «русской роты» был «усерднее к христианской вере». Женился на китаянке. От нее у него был сын Терентий⁷⁵. Обращался к Савве Лукичу Владиславичу-Рагузинскому с просьбой прислать с русским караваном в цинскую столицу жалованье «как бог сердцу положит». 19 января 1731 г. писал о себе следующее: «Донеси обо мне Ея имп. Вел-ву: уже бо обретаюся в плене, царстве китайском сорок осмой год, а жалованья с Руси никогда не имел и ныне не имею... а работать не могу за болезнью мно-

⁷¹ Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань: Унив. тип., 1875. С. 66–71.

⁷² ДАИ. Т. 10. 1867. С. 293.

⁷³ Поскольку православный священник может жениться только до принятия сана, то Максим Леонтьев был женат до 10.02.1674, потому что уже тогда он подписывался «поп Максим Леонтиев». Но даже овдовев, православный священник не может жениться второй раз, поэтому его сын, помогавший ему вести церковные службы в Пекине, не мог появиться у него после его пленения, а значит, и он принимал участие в походе Григория Самойлова (Мыльника). Также, по мнению пекинского архимандрита Софрония Грибовского, служившего в Пекине с 1794 по 1808 г., Максим Леонтьев прибыл в Пекин не только с сыном, но и с женой [Грибовский, 1905, с. 8].

⁷⁴ РКО. Т. 3. С. 10.

⁷⁵ ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 343. Св. 9.

голетней старости моей»⁷⁶. Непонятно, на какое жалование от русских властей он мог рассчитывать, однако небольшую помощь от русского посла он все же получал. Так, в «Счете прихода и расхода посольства с 1725 по 1729 год» есть запись: «Дмитрею Нестерову за то, что убогой и служит в Пекинской церкви непрестанно, 12 корсаков»⁷⁷.

В 1708 г. в Пекине при Дворцовой канцелярии и Лифаньюане была открыта «Школа русского языка», возможно, одним из первых преподавателей которой стал Степан Козьмин [Лапин, 2009, с. 110], плененный из Тугурского зимовья.

Подводя итог вышесказанному, можно однозначно утверждать, что в ходе русско-маньчжурского конфликта за период с 1653 по 1689 г. к маньчжурам попало в качестве пленных и перебежчиков более 230 русских казаков и промышленных людей и крестьян. Не менее 25 из них были возвращены в русские остроги и города. Как правило, они доставляли письма маньчжурского императора. Наибольшее число пленных (около 150 человек) было доставлено в Пекин 1683–1685 гг. Именно они составили основу «русской роты» в маньчжурских восьмизнаменных войсках. Среди находившихся в Пекине русских можно выделить несколько неравных по количеству групп.

- Активно сотрудничавшие. Их зачисляли в службу. Им были присвоены офицерские звания, в результате чего они занимали привилегированное положение.

- Не согласившиеся на сотрудничество. Их держали под надзором. Надзор был не очень жестким. Некоторых из них отпускали в Русское государство с письмами маньчжурского императора. После окончания боевых действий оставшиеся были вынуждены поступить на службу.

- Особо непримиримые. Их казнили на месте или ссылали в пашню.

Сами перемещенные в Китай русские люди, вероятно, до конца своей жизни между собой делились на перебежчиков и пленных. Некоторые пленные, такие как Дмитрий Нестеров, считали, что по отношению к ним Русское государство, отказавшись их обменять, поступило несправедливо.

Но не для всех захваченных маньчжурами казаков их жизнь закончилась в маньчжурском плену. Большинство казаков, отпущенных из маньчжурского плена с письмами императора, продолжили службу в рядах защитников Албазина. Документально подтверждено, что среди участников первой обороны Албазинского острога, побывавших в пле-

⁷⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731. Д. 8. Л. 25.

⁷⁷ Там же. 1729. Д. 4. Л. 224 об.

ну, были Емельян Дмитриев⁷⁸, промышленные Михеика Желна, Мишка Харламов и Овдокимко Титов⁷⁹. Вышедший из маньчжурского плена уже после завершения первой обороны Албазина Екимко Иванов Лебедев принял участие во второй⁸⁰. Сын пашенного крестьянина Оксенко Федоров «за полное терпенье» был зачислен в албазинские казаки и принял участие в завершающей части второй обороны Албазина⁸¹.

Список литературы

- Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / Отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.
- Александров В. А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток, 1999. 335 с.
- Артемьев А. Р.** К истории формирования русской православной диаспоры в Китае // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие: Материалы Всерос. науч. конф. Иркутск: Оттиск, 2005. С. 152–156.
- Архимандрит Петр (П. И. Каменский).** Записка архимандрита Петра об албазинцах // Изв. Братства Православной церкви в Китае. 1906. № 23–24. С. 17–26.
- Беспрозванных Е. Л.** Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.
- Бродников А. А.** О событиях на Тугуре в 1684 году (из истории русско-тунгусских отношений в Нижнем Приамурье) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века). Новосибирск, 1999. С. 3–17.
- Воробьев П. И.** К истории русско-китайских отношений в XVII в. // Тр. ИВ АН СССР. Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. М.; Л., 1936. Т. 17. С. 167–183.
- Грибовский С.** Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры (Составлены пекинским архимандритом Софронием Грибовским. Служил в Пекине с 1794 по 1808 год) // Материалы для истории Российской Ду-

⁷⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 166, 173, 232.

⁷⁹ Там же. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 33. Л. 50.

⁸⁰ РКО. Т. 2. С. 353, 354.

⁸¹ Там же. С. 768.

- ховной Миссии в Пекине / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1905. Вып. 1. С. 1–45.
- Красноштанов Г. Б.** Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 378 с.
- Кузьминых А. Л.** Изучение истории военного плена: институциональный подход // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Нижевартовск, 7–8 февраля 2012 г.). Нижневартовск: Изд-во Нижнеарт. гуманитар. ун-та, 2012. Ч. 1: История идей и история общества. Отечественная история. С. 421–424.
- Лапин П. А.** Школа русского языка при дворцовой канцелярии в цинском Китае (начало XVIII – вторая половина XIX в.) // Вестник Моск. ун-та. Серия 13: Востоковедение. 2009. № 3. С. 103–126.
- Лапин П. А.** Албазинцы и русская община в Пекине (конец XVII – начало XX в.) // Восток (Oriens). 2013а. № 5. С. 54–66.
- Лапин П. А.** «Русская рота» в Пекине: история албазинской диаспоры в Китае (XVII–XX вв.) // Российская диаспора в странах Востока: история и современность: Сб. ст. по материалам I–III Междунар. науч. конф. (Москва, ИВ РАН, 2010–2012). М., 2013б. С. 6–11.
- Мелихов Г. В.** Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 247 с.
- Мясников В. С.** Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1987. 514 с.
- Трухин В. И.** Причины и последствия конфликта казаков Албазинского острога с Нерчинскими воеводами Воейковыми в 1682 году // XIII Дорохинские чтения: Материалы Межрегион. краевед. конф. Благовещенск: Амур. обл. краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2021. С. 2–18.
- Трухин В. И.** Поход отряда Григория Самойлова (Мыльника) 1683 года: люди, события, судьбы // Современные проблемы и перспективы развития музейного дела в Амурской области: Материалы XXXVI Обл. науч.-практ. конф. Благовещенск: Амур. обл. краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2023. С. 1–18.

Список источников

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Китаем.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 774.

- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: В 12 т. СПб., 1846–1872.
- Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1912. Т. 21, вып. 2–3.
- Паршин В. П.** Поездка в Забайкальский край. СПб., 1844. Ч. 2: История города Албазина. 208 с.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 62; 62-1; 214; 1121; 1142; 1171
- РКО – Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы: В 2 т. / Сост Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969. Т. 1. 614 с.; 1972. Т. 2. 836 с.
- Сын Отечества. 1840. Т. 1.
- Тихвинский С. Л.** (отв. ред.). Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Т. 3: Русско-китайские отношения. 1727–1729. 544 с.
- ЦГА КНР – Центральный государственный архив КНР. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений, подлинники документов периода Канси Цяньлун. 1670.
- Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggutu (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖) // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/item/gm71005078/> (дата обращения 12.01.2025).

References

- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the 17th century)]. Khabarovsk, Khabarovsk book Publ., 1984, 272 p. (in Russ.)
- Arhimandrit Petr (P. I. Kamensky).** Zapiska arkhimandrita Petra ob albazintsakh [Archimandrite Peter's note on the Albazians]. *News of the Brotherhood of the Orthodox Church in China*, 1906, no. 23–24, pp. 17–26. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Cities and prisons of Transbaikalia and Amur region in the second half of the 17th – 18th century]. Vladivostok, 1999, 335 p. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** K istorii formirovaniya russkoi pravoslavnoi diaspory v Kitae [On the history of the formation of the Russian Orthodox Diaspora in China]. In: *Konfessii narodov Sibiri v XVII – nachale XX v.: razvitie i vzaimodeistvie* [Confessions of the peoples of Siberia in the 17th – early

- 20th century: development and interaction]. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Irkutsk, Ottisk Publ., 2005, pp. 152–156. (in Russ.)
- Besprozvannykh E. L.** Priamur'e v sisteme russko-kitaiskikh otnoshenii. XVII – seredina XIX v. [Amur region in the system of Russian-Chinese relations. 17th – the middle of the 19th century]. Moscow, Nauka, 1983, 206 p. (in Russ.)
- Brodnikov A. A.** O sobyitiyakh na Tugure v 1684 godu (iz istorii russko-tungusskikh otnoshenii v Nizhnem Priamur'e) [On the events on Tugura in 1684 (from the history of Russian-Tunguska relations in the Lower Amur region)]. In: Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii Sibiri (XVII–XX veka) [Issues of socio-political history of Siberia (17th – 20th centuries)]. Novosibirsk, 1999, pp. 3–17. (in Russ.)
- Gribovsky S.** Uvedomlenie o nachale bytiya rossiyan v Peidzine i o su-shchestvovanii v onom grekorossiiskoi very (Sostavleny pekiskim arkhimandritom Sofroniem Gribovskim. Sluzhil v Pekine s 1794 po 1808 god) [Notification of the beginning of the existence of Russians in Peijin and the existence of the Greek-Russian faith in it (Compiled by the Beijing Archimandrite Sophrony Gribovsky. He served in Beijing from 1794 to 1808)]. In: Veselovsky N. I. (ed.). Materialy dlya istorii Rossiiskoi Dukhovnoi Missii v Pekine [Materials for the history of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing]. St. Petersburg, 1905, iss. 1, pp. 1–45. (in Russ.)
- Krasnoshtanov G. B.** Nikifor Romanov Chernigovsky: dokumental'noe povestvovanie [Nikifor Romanov Chernigov: a documentary narrative]. Irkutsk, Reprotsentr A1 Publ., 2008, 378 p. (in Russ.)
- Kuzminykh A. L.** Izuchenie istorii voennogo plena: institutsional'nyi podkhod [Studying the history of military captivity: an institutional approach]. In: Kul'tura, Nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy [Culture, science, education: problems and prospects]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical (Nizhnevartovsk, February 7–8, 2012). Nizhnevartovsk, 2012, pt. 1, pp. 421–424. (in Russ.)
- Lapin P. A.** “Russkaya rota” v Pekine: istoriya albazinskoi diaspory v Kitae (XVII–XX vv.) [“The Russian company” in Beijing: the history of the Albazin diaspora in China (17th – 20th centuries)]. In: Rossiiskaya diaspora v stranakh Vostoka: istoriya i sovremennost' [The Russian Diaspora in the countries of the East: history and modernity]. Collection of articles based on the materials of the I–III International Scientific Conference (Moscow, IB RAS, 2010–2012). Moscow, 2013, pp. 6–11. (in Russ.)

- Lapin P. A.** Albazintsy i russkaya obshchina v Pekine (konets XVII – nachalo XX v.) [Albazins and the Russian community in Beijing (late 17th – early 20th centuries)]. *Vostok [Oriens]*, 2013, no. 5, pp. 54–66. (in Russ.)
- Lapin P. A.** Shkola russkogo yazyka pri dvortsovoi kantselyarii v tsinskom Kitae (nachalo XVIII – vtoraya polovina XIX v.) [The school of the Russian language at the Palace Chancellery in Qing China (early 18th – second half of the 19th century)]. *Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies*, 2009, no. 3, pp. 103–126. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** Man'chzhury na Severo-Vostoke (XVII v.) [Manchus in the Northeast (17th century)]. Moscow, Nauka, 1974, 247 p. (in Russ.)
- Myasnikov V. S.** Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII v. [The Qing Empire and the Russian State in the 17th century]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1987, 514 p. (in Russ.)
- Trukhin V. I.** Pokhod otryada Grigoriya Samoilova (Mylnika) 1683 goda: lyudi, sobytiya, sud'by [The campaign of Grigory Samoilov's (Mylnik) detachment in 1683: people, events, destinies]. In: *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya muzeinogo dela v Amurskoi oblasti* [Modern problems and prospects of museum business development in the Amur region]. Materials of the XXXVI Regional Scientific and Practical Conference. Blagoveshchensk, 2023, pp. 1–18. (in Russ.)
- Trukhin V. I.** Prichiny i posledstviya konflikta kazakov Albazinskogo ostroga s Nerchinskimi voevodami Voeykovymi v 1682 godu [The causes and consequences of the conflict between the Cossacks of the Albaza prison and the Nerchinsk voivodes of the Voeykovs in 1682]. In: *XIII Dorokhinskie chteniya* [XIII Dorokhinsky readings]. Materials of the Interregional local historian conf. Blagoveshchensk, 2021, pp. 2–18. (in Russ.)
- Vorobyev P. I.** K istorii russko-kitaiskikh otnoshenii v XVII v. [On the history of Russian-Chinese relations in the 17th century]. In: *Trudy IV AN SSSR. Doklady gruppy vostokovedov na sessii AN SSSR 20 marta 1935 g.* [Works of IV USSR Academy of Sciences. Reports of a group of Orientalists at the session of the USSR Academy of Sciences on March 20, 1935]. Moscow, Leningrad, 1936, vol. 17, pp. 167–183. (in Russ.)
- Zabiyako A. P., Cherkasov A. N.** (eds.). Albazinskii ostrog: istoriya, arkhologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [Albazinsky prison: history, archaeology, anthropology of the peoples of the Amur region]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, 348 p. (in Russ.)

List of Sources

- Additions to historical acts, collected and published by the Archeographic Commission: In 12 vols. St. Petersburg, 1846–1872. (in Russ.)
- Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggutū (艾渾, 羅利, 台灣, 蒙古圖) // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/item/gm71005078/> (accessed: 12.01.2025).
- Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. Relations of Russia with China.
- Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. St. Petersburg, 1912, vol. 21, iss. 2–3. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Trip to the Trans-Baikal Territory. St. Petersburg, 1844, pt. 2: The history of the city of Albazin, 208 p. (in Russ.)
- Russian Central State Archive. F. Documents in Russian on the history of Sino-Russian relations.
- Russian State Archive of Ancient Acts. F. 62; 62-1; 214; 1121; 1142; 1171.
- Russian-Chinese relations in the 17th century. Materials and documents: In 2 vols. Comp. by N. F. Demidova, V. S. Myasnikov. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1, 614 p.; 1972, vol. 2, 836 p. (in Russ.)
- Son of the Fatherland. 1840. Vol. 1. (in Russ.)
- The State Archive of the Irkutsk region. F. 774.
- Tikhvinsky S. L.** (ed.). Russian-Chinese relations in the 18th century. Documents and materials. Moscow, 2006, vol. 3: Russian-Chinese relations. 1727–1729, 544 p. (in Russ.)

Именной список албазинских казаков и промышленных людей из отряда Г. Мыльника,
попавших в маньчжурский плен в 1683 г.

Приложение 1

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
Служилые				
1	Байгашин Байкашин Байташников	Афонка Офонька		Албазинский казак, десятник казачий. Пленен маньчжурами. Перешел на службу к маньчжурам. Во время второй обороны Албазина был в стане у маньчжуров
2	Гурылев Васильев	Мишка	Васильев	Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
3	Измайлов	Мишка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
4	Лебедев Иванов	Якимко Екимко Еким	Иванов	Албазинский служилый человек, казак. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г. Остался жив после второй обороны Албазина
5	Нестеров	Дмитрий	Григорьев	Албазинский казак. Пленен маньчжурами. Перешел на службу к маньчжурам. Церковный староста Успенской церкви в Пекине. Был женат на китаянке
6	Самойлов (Мыльник)	Гришка Григорий	Стефанов Степанов сын	Албазинский служилый человек, казачий десятник. Пленен маньчжурами. Перешел на службу к маньчжурам. Участвовал в первой и второй осадах Албазина на стороне маньчжуров

Продолжение прилож. 1

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
7	Седак Селиверстов	Андрюшка	Селиверстов	Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
8	Семенов	Андрюшка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
9	Семенов	Евдокимко		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г.
10	Семенов	Стенька		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
11	Семенов	Терешка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
12	Якут Фокин	Якушко	Фокин	Албазинский служилый человек, толмач. Пленен маньчжурами
Промышленные				
13	Алексеев	Еуфимко		Албазинский промышленный. Бежал с русских судов в Албазинский острог. Пленен маньчжурами после побега
14	Дмитреев	Пашко		Албазинский промышленный. Бежал с русских судов в Албазинский острог. Пленен маньчжурами после побега
15	Енисеец Енисеев	Ивашко	Захаров сын Захарьев сын	Промышленный человек. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г.
16	Киселев	Ивашко		Албазинский промышленный человек. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г.

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
17	Фомин	Максимко		Промышленный человек. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г.
18	Яшкиных	Мишка	Иванов сын	Промышленный человек. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г.
Поп				
19	Леонтиев Ворожейкин	Максим		Поп. Пленен маньчжурами. Перешел на службу к маньчжурам. Привез в Китай чудотворную икону Николая Мирликийского. Обратил кумирню в часовню во имя святителя Николая Чудотворца. Совместно с прибывшими из России священнослужителями освятил первую православную церковь в Китае
20	Сын Максима Леонтиева	Федор	Максимов	Пленен маньчжурами

**1685г. апреля 10. – Список с грамотки якутского казака
Стеньки Козмина своим родным из маньчжурского плена**

(л. 82) Список з грамотки руског(о) писма котор[ая] прислана ис китайского г(о)с(у)д(а)рства с листами.

Г(о)с(у)д(а)рю моему батюшку Козме Гавриловичю да г(о)с(у)д(а)р(ы)не моей матушке Акилине Исаевн[е]. Отторгнутый от ваших отчестных недр за ослушанье свое несмею нареция но по бл(а)гословению вашему и по бл(а)годати Г(о)с(по)дни имянуясь с(ы)нишко ваш Стенка. Пав на лице обшие нашии м(а)т(е)ри земли с рыданьем слезным и со гласом плачевным челом бью и бл(а)гословения прошу. Да г(о)с(у)д(а)рю моему братцу Ивану Козмичю да г(о)с(у)д(а)р(ы)ни моей сестрице Марье Козминишне братишко ваш Стенка пав на лице земли челом бью и бл(а)гословения прошу. Да племяннику моему Алексею Федоровичю великое челобитье и бл(а)гословенье. Да своячине моей Прасковье Григорьевне великое челобитье. Да племяннику моему Федору Михайловичю великое чело битье и бл(а)гословение. Бутьте вы светы мои г(о)с(у)д(а)ри здравы и хранимы вышним Богом. Подай вам Бог многолетное здоровье и во всех путех ваших счастливое пребыванье. А про меня изволите своим бл(а)гоутробием вспомануть и аз в богдойском царстве в полону. По сей грамотке м(е)с(я)ца апреля в 10 де(нь) дал Б(о)г жив. А впредь моя надежа Хр(и)стос и о том вам г(о)с(у)д(а)рям своим ведомость чиню. Были мы на службе на Тугуру реке и Божию прогневанью за н(а)ше велик[ое] (л. 83) согрешенье пришло к Тугорскому зимовью несчетная сила богдойская. И в Тугирском зимовье нас осадили. Сидели в осаде чety ре недели голодом. А иных на рыбных промыслах переимали. Осадою и зимовье взяли. А боле в осаде сидеть нечем се голодны. А се Уцкой прикащик Гарасим Цыпандин пороховой и свинцовой казны не дал. А взяли нас те богдойские люди сорок семь ч(е)л(о)в(е)к и привезли нас в свое ц(а)рство. А н(ы)не богдойской ц(а)рь послал лист к нашим великим г(о)с(у)д(а)рем. А с листом послал восемь ч(е)л(о)в(е)к русских людей полонеников же албазинских казаков. А в листу пишет о миру. А просит у н(а)ших великих г(о)с(у)д(а)рей своих беглых людей которые ево люди збежали в Албазин. А про (л. 84) тив тех своих людей отдает нас всех назад. И н(ы)не мы живем (л. 85) ожидаем Б(о)жие м(и)л(о)сти да и великих г(о)с(у)д(а)рей жалованье. От Степана Козмина жене моей Марье Григорьевне поклон. Да с(ы)ну моему Михайлу Степановичю великое челобитье и бл(а)го-

словение. Живите з Богом. Ожидайте Б(о)жие м(и)л(о)сти да их великих г(о)с(у)д(а)рей жалованья. Нешто их великих г(о)с(у)д(а)рей м(и)л(о)сть над нами сыщетца. А чаем к себе вскоре м(и)л(о)сть их великих г(о)с(у)д(а)рей. А в полону нас в богдойском ц(а)рстве русских людей девяносто ч(е)л(о)в(е)к. По сем здравствуйте о Хр(и)сте Иис(у)се на многие лета. Аминь.

Список XVII века. РГАДА. Ф. Сношения России с Китаем, 1685 г. Д. 1. Л. 82–86.

Текст грамотки передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знаки употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знаки не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Именной список албазинских казаков, находившихся в Верхозейском остроге в 1684 г.

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
1	Афонасьев Офонасьев	Кирилко Кирюшка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
2	Бирюцкой Бирюцкий Биоцкий	Сергушка		Албазинский служилый человек, толмач. Пленен маньчжурами
3	Григорьев	Митька		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
4	Григорьев	Оничка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
5	Гусев	Гришка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
6	Дмитреев	Мишка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
7	Иванов	Давыдко		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
8	Козмин	Исачко		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
9	Конанов	Ивашко		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
10	Куликов	Ларка		Албазинский служилый человек, казак. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г.
11	Мокеев Мокиев	Мирошка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами

Окончание прилож. 3

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
12	Остафьев	Семейка Сенка		Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
13	Сабельников Андреев	Алешка	Андреев	Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами
14	Сафьянчиков Сафьяншик Сафьянщик	Мишка	Степанов	Албазинский служилый человек. Пленен маньчжурами. Отпущен с письмом от китайского императора в 1685 г. Умер в Красноярском остроге после 22.10.1685
15	Тарасов	Ивашко		Албазинский десятник казачий. Пленен маньчжурами

Приложение 4
Именной список якутских казаков, считавшихся погибшими в Тугурском острожке в 1684 г. *

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
Женатые				
1	Андреев	Сенька		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
2	Григорьев	Ивашко		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
3	Суздайцев **	Стенька		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
4	Федоров	Евдокимко		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
Холостые				
5	Антонов	Афонька		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
6	Афонасьевских	Якунка	Федотов	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
7	Багатырев	Ивашко	Федоров	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
8	Бузов	Сенька	Григорьев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
9	Важенин	Петрушка	Михайлов	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
10	Вычегжанин	Петрушка	Остафьев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
11	Галактионовых	Максимко	Дорофеев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
12	Галашев	Васька		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
13	Гундырев	Ярофейко		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
14	Зуевых	Агапитко		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
15	Кузнецовых	Ивашко	Меркурьев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
16	Куртьянов	Мишка	Нифантьев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
17	Лалетовых	Васька	Евсеев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
18	Меркушев	Петрушка	Дмитреев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами

№ п/п	Фамилия / прозвище	Имя	Отчество	Должность, звание, положение после захвата русских судов маньчжурами
19	Муравьев	Нефедка	Емельянов	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
20	Нетесов	Петрушка		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
21	Паларуков	Алешка		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
22	Пермяков	Ивашко		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
23	Пермяков	Микитка		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
24	Рыбников	Алешка	Иванов	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
25	Семенов	Васька		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
26	Сорокин	Ганка	Иванов	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
27	Сырорыбовых	Васька	Кузьмин	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
28	Турахан	Демка		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
29	Угренников	Ивашко	Федоров	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
30	Щепоткин	Ивашко		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
31	Щепоткин	Савка	Семенов	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
32	Юговых	Тихонко		Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами
33	Южак	Софронко	Васильев	Якутский служилый человек. Пленен маньчжурами

* Таблица составлена по: [Бродников, 1999].

** Вероятно, именно Стенька Суздальцев является Стенькой Козминым, отправившим из маньчжурского плена грамотку своим родным, список с которой сохранился в РГАДА в фонде «Сношения России с Китаем» (РГАДА. Ф. 62. 1685. Д. 1. Л. 82-86).

Сопоставление списков албазинцев,
перешедших на службу к маньчжурам после взятия Албазинского острога маньчжурами в 1685 г.,
по данным албазинского воеводы А. Толбузина и албазинских пашенных крестьян

№ п/п	По данным А. Толбузина (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 238–239)	По свидетельству албазинских пашенных крестьян (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 171)	Должность, звание
1	Баков Кирюшка		Промышленный человек
2	Войлошников Ивашко	Семенов Ивашка	Албазинский служилый человек, десятник казачий, выборный приказной человек Албазинского острога
3	Глот Сенка		Промышленный человек
4		Голой Стенка	Албазинский служилый человек
5	Грудинин Никонко		Промышленный человек
6	Гусев Демка (с женою)		Пашенный крестьянин
7		Далная примета Ивашко	Албазинский служилый человек
8		Денисов Федка	Албазинский служилый человек
9	Дмитриев Гришка	Дмитреев Гришка	Пашенный крестьянин
10	Дмитриев Сенька		Пашенный крестьянин
11	Дорофиев Ивашка		Албазинский служилый человек
12	Береза Гришка (с женою)		Албазинский служилый человек

№ п/п	По данным А. Толбузина (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 238–239)	По свидетельству албазинских пашенных крестьян (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 171)	Должность, звание
13	Жук Федька (с женою)		Пашенный крестьянин
14	Захаров Васка (с женою)	Захаров Васка	Нерчинский служилый человек, казачий десятник. Участник посольства И. Милованова в Пекин. Подал челобитную и был переведен в Албазинский острог, пятидесятник
15	Злыгостев Ондрюшка		Промышленный человек
16	Иванов Игнашка	Иванов Игнашко	Промышленный человек, возможно, родственник Григория Самойлова Мыльника
17	Иванов Сенка	Иванов Сенка	Промышленный
18	Иванов Сидорко		Албазинский служилый человек
19	Иванов Стенька		Промышленный человек
20	Иванов Федька (с женою)		Пашенный крестьянин
21	Кабаков Гришка (с женою)		Пашенный крестьянин
22		Кабаков Кирилло	Албазинский служилый человек
23	Калмак Стенька	Колмак Стенка	Промышленный

№ п/п	По данным А. Толбузина (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 238–239)	По свидетельству албазинских пашенных крестьян (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 171)	Должность, звание
24	Колобов Стенька		Албазинский служилый человек
25	Кореной Яранка		Промышленный человек
26	Крюк Федька	Крюк Федка	Албазинский служилый человек, казак
27	Лепехин Федька		Промышленный человек
28	Луша Васка	Клуша Васка	Албазинский служилый человек
29	Мотаков Матюшка		Албазинский служилый человек
30	Нефедов Тимошко		Албазинский служилый человек
31	Осколков Петрушка		Промышленный человек
32	Родионов Васка		Промышленный человек
33	Сапожник Васка		Албазинский служилый человек
34	Семенов Ортюшка	Семенов Артюшка	Албазинский служилый человек, десятник казачий
35	Семенов Макарко (с женою)	Семенов? Макарко (брат Артюшки Семенова)	Албазинский служилый человек
36	Семенов Филька (с женою)	Семенов? Филька (брат Артюшки Семенова)	Пашенный крестьянин
37	Сисоев /Левка (с женою)		Пашенный крестьянин

№ п/п	По данным А. Толбузина (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 238–239)	По свидетельству албазинских пашенных крестьян (РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 171)	Должность, звание
38	Созонов Пашко		Албазинский служилый человек
39	Тимофиев Ивашко		Промышленный
40		(Тороканов) Козмин Богдашка	Албазинский служилый человек, десятник казачий
41	Козмин Федотко	(Тороканов) Козмин Федотко (брат Богдашки Козмина)	Албазинский служилый человек, десятник
42	Тороканов Онисимко (с женою)		Албазинский служилый человек
43	Тропин Петрушка (с женою)		Албазинский служилый человек
44	Фокин Кирюшка (с женою)		Промышленный человек
45	Хмелев Петрушка	Хмелев Петрушка	Албазинской приказной избы подъячий
46	Чюкара Елеска		Албазинский служилый человек
47	Шадриков Васка	Шатриков Васка	Албазинский служилый человек.
48	Шингал Карпушка (с женою)	Шингал Карпунка Семенов	Албазинский служилый человек, десятник казачий
49	Шахирдин Пашко (с женою)	Шихирдин Пашко	Албазинский служилый человек

Приложение 6

Именной список новокрещеных служилых людей, выезжих из даурских и тунгусских родов,
 которым маньчжуры не позволили уйти в Нерчинск после взятия Албазинского острога маньчжурами в 1685 г.

№ п/п	Фамилия / прзвище	Имя	Отчество	Семейное положение	Должность, звание, упоминается в документах
1	Выезжий (Яковлев)	Ивашко	Яковлев	с женою	Албазинский служилый человек, толмач, крещеный ино- родец, был женат на дочери даурского сотника Логчодоя, жившего на Науне
2	Давыдов	Володька	Давыдов	с женою	Албазинский служилый человек, крещеный инородец
3	Ефремов	Елеска		Холостой	Албазинский служилый человек, крещеный инородец
4	Иванов	Ивашко		с женою	Албазинский служилый человек, крещеный инородец
5	Иванов	Лазарька	Иванов	с женою	Албазинский служилый человек, крещеный инородец
6	Ларионов	Курбатко	Ларионов	с женою	Албазинский служилый человек, городской толмач
7	Ортемьев	Федька		с женою	Албазинский служилый человек, крещеный инородец

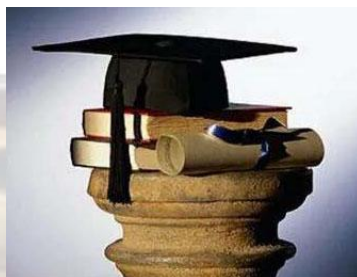
Информация об авторе

Владимир Ильич Трухин, независимый исследователь
 Scopus Author ID 57221946145

Information about the Author

Vladimir I. Trukhin, Independent Researcher
 Scopus Author ID 57221946145

Статья поступила в редакцию 07.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 12.02.2025
The article was submitted on 07.01.2025; approved after reviewing on 12.02.2025; accepted for publication on 12.02.2025

Молодые лица науки

2025 Научный журнал

№ 1 Universum Humanitarium

Научная статья

УДК 904

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-108-122

Sassanid Artifacts in Western Iran

Sarvin Moradi

Tabriz University of Islamic Art

Tabriz, Iran

sarvin.moradi60@gmail.com

Abstract

The western Iranian region was one of the important regions in the Sassanid lands and played a commercial role. The presence of important sites such as Bisotun, Taq-e-Bostan, and Qasr-e-Shirin in this geographical region indicates the importance of this region during the Sassanid period. The good climate and lush lands directed the Sassanids' attention to western Iran. The presence of numerous buildings, from palaces and caravanserais to magnificent rock carvings and bridges, especially during the time of Khosrow Parviz, indicated the importance of this region. The presence of numerous buildings in western Iran, including the provinces of Ilam, Kermanshah, Lorestan, and Kurdistan, clearly demonstrate the grandeur and power of the Sassanid period. An attempt is made to introduce and examine the most important existing buildings from the Sassanid period. Taq-e-Bostan, Khusrow Palace, Taq-e-Shirin, Farhad-e-Tarash Wall, Zij-e-Manijeh Building, Bisotun Bridge, Khusrow Bridge, and Taq-e-Gara are among the most important buildings that will be discussed in this article. The method of collecting materials is library-based and descriptive-analytical. The questions raised here are: 1. What was the use of each building and for what purpose were they built? 2. What was the reason for the Sasanians' attention to the west of the country and what work was done in this region?

Keywords

Sasanian period, West Iran, Bisotun, Taq Bostan, Khosrow Palace, Qasr-e Shirin

For citation

Sarvin Moradi. Sassanid Artifacts in Western Iran. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 108–122. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-108-122

Артефакты эпохи Сасанидов в Западном Иране

Сарвин Моради

Тебризский университет исламского искусства
Тебриз, Иран

sarvin.moradi60@gmail.com

Аннотация

Территория современного западного Ирана была одним из важных регионов на землях Сасанидов. Она играла значительную роль в торговых контактах Сасанидской державы. Наличие в этом географическом регионе таких важных исторических памятников, как Бисотун, Так-э-Бостан и Каср-э-Ширин, подчеркивает значимость этого региона в период правления Сасанидов. Благоприятный климат и плодородные земли привлекли к этим территориям внимание сасанидских правителей. Наличие многочисленных архитектурных сооружений, от дворцов до караван-сараев, а также великолепных наскальных рисунков, мостов (особенно здесь выделяются объекты, относящиеся ко времени Хосрова Парвиза), многочисленных архитектурных памятников на территории западного Ирана, включая провинции Илам, Керманшах, Лурестан и Курдистан, наглядно демонстрирует влияние сасанидских правителей в период их присутствия в данном регионе. Так-и-Бостан, дворец Хусроу, Так-и-Ширин, стена Фархад-и-Тараш, здание Зидж-и-Маниджа, мост Бисотун, мост Хусроу и Так-и-Гара являются одними из наиболее важных архитектурных объектов, которые будут рассмотрены в данной статье. В работе предпринята попытка проследить историю исследования объектов, ответить на вопросы о функциональном назначении каждого строения и целесообразности их сооружения. А также попытаться уточнить, в чем причина такого пристального внимания представителей сасанидской династии к западу страны.

Ключевые слова

Сасанидский период, Западный Иран, Бисотун, Так Бостан, дворец Хосрова, Каср-и-Ширин

Для цитирования

Сарвин Моради. Артефакты эпохи Сасанидов в Западном Иране (на англ. яз.) // *Universum Humanitarium*. 2025. № 1. С. 108–122. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-108-122

Introduction

The Zagros foothills, which stretch from north to southwest, are full of lush and fertile valleys that have been a privileged location for the settlement of various cultures since ancient times. Kermanshah, as such a region located in the western parts, was taken into the attention of the Sassanid kings in the

final years of the 4th century AD (the second half of the Sassanid kingdom), and Fars province was ranked second. During this period, Kermanshah was part of Mai or Media located in the Khurbaran Coast region, and later this region was called Kermanshah, which covers lands from Nahavand to Ctesiphon. There are several reasons for the Sassanid kings to pay attention to the western regions of Iran in the second half of the Sassanid era, including military factors, religious beliefs, good climate, the existence of the vast Khorasan Road (Silk Road), the desire for independence from religious centers, as well as commercial and economic factors [Amiri, 2013, p. 693]. The Zagros foothills have a privileged position for the establishment of various cultures since ancient times. Kermanshah province in western Iran is a semi-mountainous region with most of its mountains parallel to each other and extending from the north-west to the south-east and east. Part of the Zagros mountain range covers a significant part of this province, and the foothills and plateau of the watershed are only seen in parts of the low and wide plains of this mountain range or in wide valleys. Other vital features of this region that bring its admirable advantage to the people include the rich and nutritious forests of oak, walnut and almond, the remains of which can still be seen long and long. The difficult mountains that were relatively used during the time of war and escape, abundant water and also livestock farms were special features of the logic [Afshar Sistani, 1371, p. 95]. During the time of Khosrow Anushirvan, two other cities were also built on the old and very important road. This road reached from the capital, namely Ctesiphon, to the province of “Mah” in ancient times and was very useful for the movement of soldiers, government employees, courtiers and even silk, which began in the time of Khosrow Shad Hormuz and reaches a city called “Bazengan Khosrow” [Bruner, 1393, p. 163]. In the late Sassanid period, especially during the reign of Khosrow II, due to the special prestige and importance of Bistoun, many constructions were carried out there, including the Bistoun Bridge, Khosrow Bridge, the famous Farhad-e-Tarash Bridge, and a dam from this period on the banks of the Gamasiyab River. Archaeological research and excavations have shown that these constructions remained unfinished and were never completed. In fact, the carved stones scattered over a seven-kilometer stretch from Farhad-e-Tarash to Sanqarabad are a telling document and tell the story of the great constructions in Bistoun, and show that these activities had made remarkable progress before they were suddenly stopped by the death of Khosrow II in 628 AD. Probably, at the end of this period, the center of construction activities in the Bistoun plain was in the historical area of Bistoun and Takht-e-Shirin, of which Sarmaj and Hajiabad are branches [Klais and Kalmeyer, 1330, p. 138]. The Sassanid capitals are the first works of the Sas-

sanid period that brought archaeologists to Biston for study, exploration and research. From 1840 to 1967, four capitals were discovered in the historical area of Biston and transferred to Taq-e-Bostan. These capitals have remarkable human and plant motifs, which are attributed to Anahita, Bahram and Khosrow II [Khan Moradi and Mohammadi Ghasrian, 1391, p. 387]. Since the end of the 4th century AD, the Sassanid kings preferred living in the beautiful plains around Kermanshah to residing in the remote valleys of Fars. Bahram IV, who was the viceroy of Kerman for a while and therefore had the title of “Kermanshah”, built the city of Kermanshah and immortalized his mother. Before him, two kings had settled in the area and left two monuments in Taq-e-Bostan. Around the end of the 4th century, Shahpur III had built a small cave next to the spring to rest after hunting. Next to this cave, Ardashir II had depicted the scene of his enthronement on the rock. Later, Khosrow II or Khosrow Parviz built a larger cave on the left side of the old cave to mirror the first cave and make their combination resemble the triple Roman gate [Hertzfeld, 1381, p. 332].

Taq-e Bostan

Taq-e Bostan is the name of a place in the northeast of Kermanshah that has gained world fame due to its valuable reliefs from the Sassanid era. There are two arches in this place, with a total of six reliefs carved in them and on the wall next to them. The larger arch has four reliefs that show the Sassanid king in different positions [Mahmoudi, 2009, p. 115]. The most notable rock carvings from the Sassanid period are in Taq-e Bostan. There, on the wall of the porch dug into the heart of the mountain, an image of the Sassanid king, Khosrow II, being given a robe is engraved. At the bottom of this image, the king is shown riding a horse, and on the side wall of the porch, the king is shown hunting boar and deer [Curtis, 1387, p. 134]. A 4th century rock relief of the coronation of Ardashir II is located on the left side of the Bostan Arch. The coronation scene of Ardashir II (379–383) is carved in stone. In this relief, the king is standing and two gods are seen on either side of him. One of them is Ahura Mazda who is giving the crown and the other is Mithras who holds a bunch of barmaids in his hand and light shines from his head and is also recognized by this symbol. At the feet of the great god and the king, a slain enemy lies on the ground. Although we do not know anything about this king's military operations, it seems that the slain enemy is a Roman. Mithra stands on a large lotus flower [Girshman, 1350, p. 191]. Ahura Mazda wears a long robe with two robes draped over his shoulders, the edges of which are decorated with pearls, he has a long beard and a crown tied with

a ribbon. Mithra holds a sable in his hand. The sable represented the heavenly waters and the source of divine mercy on earth. His robe is long and on it is a jeweled robe. His crown resembles the crown of Ahura Mazda, and under it four strands of hair fall on his shoulders and chest [Sami, 1388, p. 315]. It is difficult to accept that this clumsy scene, whose visual elements lack balance and coherence because all the effort is spent on showing the superiority of the king, was executed by the same sculptor who executed the distinguished role of the warrior and his war horse on the lower part of the same stone body [Faryeh, 1374, p. 76].

To immortalize the events of their reign, Ardashir II and his successors chose the Taq-e Bostan rock, which is located on the old Silk Road, which Herzfeld called the Gate of Asia [Girshman, 1350, p. 190]. On the two lateral walls of the great cave of Taq-e Bostan, the royal hunting grounds are depicted in relief. The left panel shows a scene from a painting of one of the “pardis” or hunting grounds that were guarded and enclosed by a hedge. A boat is moving in the middle of a pond, and the king is standing in the middle of it, hunting boars. Following the king's boat, other rowing boats are moving, in which the rowers are singing songs or singing a melody to coordinate the strokes of the oars, and the hunted animals are returning on elephants. The tower on the right is carved with a scene of a deer hunt. It is very similar to the Susa wall painting [Girshman, 1931, p. 193] and also shows two other boats. In one of them, the king is wearing a crown and holding a bow in his left hand. In the lower part of the painting, the elephants, after the hunt, gather the dead animals with their trunks and place them on their backs [Vandenberg, 1987, p. 103]. In Kangavar, there are a number of inscriptions in the Sassanid Palavi script on some stones used in the construction of the temple attributed to Anahita, which are mainly seen as single letters and sometimes as names of individuals. The most frequently used name is “Pirouz”. According to Kambakhsh Fard, these inscriptions were used instead of the marks of the stonemasons and have a votive function [Kambakhsh Fard, 1995, p. 223–206]. Their history dates back to the 5th century AD [Mohammadi Far, Amin, 2015, p. 254]. Christensen describes the reliefs of the Bostan Arch in his book *Iran in the Sassanid Period* as follows: “On the right wall of the arch, a deer hunt is depicted. The middle part of this relief is enclosed in lines that resemble a fence. The hunters are chasing the deer, and the frightened and fleeing animals jump into the fence through the opening that is installed on the right side of the fence. The king, riding a horse, is depicted in three places on this fence. At the top, the king is standing on horseback, and his horse is ready to jump. A woman is holding an umbrella above his head, which is an ancient symbol of royal splendor. Be-

hind him is a row of women, some standing in respect, and some are busy with the ramming. Two of them hold trumpets, and one plays a tambourine. On a wooden platform, on which a ladder has been placed, sit women, some playing harps, and some clapping their hands. Below those images, the face of the king is seen, who is shooting a bow and chasing fleeing animals on horse-back. In the lower part of that relief, there is another image of the king, who is trotting his horse, and his quiver in his hand, returning from a hunt. On the left side of the aforementioned fence, donkeys are seen carrying a killed deer. The relief on the left wall, which is made with extraordinary precision, shows a boar hunt. Here, almost the entire relief is enclosed in lines in the form of a frame, with only a narrow margin on the right, where a large crowd of people and animals has crowded. The hunting ground is a place of reeds and swamps, where fish and ducks abound. On the right side, five rows of elephants are seen, on each of which two elephant handlers, one in front and one behind, are busy hunting boars, and the boars are dragging themselves through the reeds. At the top we see a boat, in which many women are sitting, singing and clapping their hands. At the front and back of the boats, women are rowing. In the middle of the painting, a pair of falcons are seen, whose rowers are also women, and this pair of falcons is shown twice, telling the story of two hunting occasions. Right in the middle of the picture, the king, carved to a height above life size, is standing in the first boat, and he is shooting a bow; a woman, standing on his left, is offering him an arrow; another woman, on his right, is busy playing the harp. Another boat, located in the back, is filled with harpists. The king has killed two large boars with arrows. The same two boats are seen on the right side of the picture. Here the king, who has a halo around his head, is holding a slack bow in his hand. It is clear that the hunt has ended. In the lower part of this painting, elephants are busy collecting the prey, holding the bodies of the animals by the trunks on their backs [Christensen, 1399, p. 610–613].

Taq-e Bostan

Zij Manijeh

Zij Manijeh is a building from the Sassanid era with a special and unique architecture. This building is located at the beginning of the Shahrin Castle Plain. This building was built in the Pataq Pass, on the Khorasan trade route. Pataq Pass has a strategic and extremely sensitive location and has great military value. The building in question is located 15 kilometers from the city of Sarpol Zahab or Helvan, which was one of the most important cities of the Sassanid Empire during the Sassanid era. Helvan was the capital of Shadfiroz province. This city was one of the most important centers of Christianity and Judaism in Iran during the Sassanid era. The Zij Manijeh building has been introduced as a caravanserai due to its location on the Khorasan highway. Due to the lack of archaeological excavations in connection with the building in question, it is not possible to definitively consider its use [Gholami, 2019, p. 24].

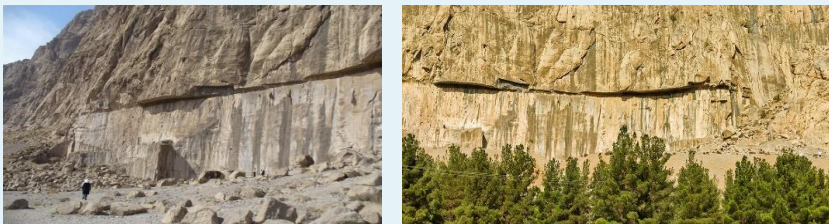
Zij Manijeh

The Zij of Manijeh is a relatively intact building, with a rectangular plan and an east-west orientation. The dimensions of the building are about 57.5×35 meters, the total area of the building is 1995 meters, and it is located at an altitude of 550 meters above sea level. The building consists of a number of rooms and corridors throughout. In the central part of the building, there is a hall measuring $6,4 \times 80$ m, surrounded by a corridor. On each side of the central hall, a doorway measuring 1.20 meters wide and 1.70 meters long has been created, through which one can access the peripheral corridor. Each of these doorways has a keyhole arch made of unhewn stones. 44 examples of these keyhole arches have also been observed in the hall of Khosrow's mansion in Qasr Shirin. The roof of the building is covered with a vaulted ceiling. The materials used to build it are rubble stone and plaster mortar. This type of mortar was used in most Sassanid buildings [Jalili, Golzari 1346, p. 83].

The entrance to the building is on the western side. On the eastern side, there are remains of a canal, the end of which is not known, probably this canal was responsible for supplying water. The small Marab River, which originates from the Marab Mirage, passes right through the middle of the village. It is likely that the water of this river supplied the water needed by the aforementioned building and the village [Gholami, 1398, p. 24].

Farhad-e-Tarash

Farhad-e-Tarash or Faratash is located in the Bisotun area, west of the Great Inscription of Darius the Achaemenid, and about 500 meters east of the western end of the old Hamedan-Kermanshah road. This architectural phenomenon is a wall carved into the heart of Bisotun Mountain, 200 meters long and 30 meters wide, which can only be compared to the Darius Inscription in Bisotun in terms of grandeur. The presence of a carving of Khosrow II of Sassanid on a column in the Taq-e-Bostan mirage, which is attributed to the Farhad-e-Tarash site, suggests that this site dates back to the period of Khosrow II of Sassanid. The clothes and the carving of the crown of the Sassanid emperor on the aforementioned column identify him as Khosrow II. Also, the presence of the image of the goddess of water, Anahita, on another pillar in the Taq-Bostan mirage proves that the water supply and water fountain facilities of the Farhad Tarash site were formed in connection with the tradition of the ritual of worship and the sanctity of water in the Mazdaworship religion of ancient Iran, and in this regard, it can be compared and identified with the Anahita Temple of Neyshabur in Kazerun, Sarab Taq-Bast. A prominent image of Anahita can be seen in the Taq-Bostan mirage. The porches carved in front of the Taq-Bostan mirage and carved in them serve the function of a desk, a royal residence, a monument, and a prayer for Anahita. It is very likely that the Sassanid sculptors and architects intended to create a porch and a similar porch to the Taq-Bostan mirage in the carved but unfinished facade of Farhad Tarash, so that, like it, the image would be reflected in the water [Mansouri and Ajarloo, 2008, p. 49].

Farhad-e-Tarash

Taq Shirin

Chahar Qapu (Chahardor) is one of the fire temples of the Sassanid period in the border city of Qasr Shirin. This four-arched structure is a type of fire temple that has a circumambulation corridor, whose portico has now collapsed, but its traces remain on the body of the four-arched structure. This building consists of a square room measuring 25×25 m, whose dome has collapsed, but the piers can be seen in the four corners of the building. Its materials are mostly rubble and mortar (sand and lime mortar). To the north of this fire temple are the ruins of Khosrow Parviz's palace [Sarafraz, Firouzmandi, 1375, p. 403]. This building is located 40 kilometers east of the city of Avan, a part of Islam province, and 7 kilometers from the village of Chehel Zari, Zarneh district, in a gorge called Tangeh Kushk, near the Avan-Sumar road, which the local people call Taq Shirin. The mentioned building is a type of stone vaults and has a square plan that is built facing southeast. This building consists of a semi-underground chamber 320 cm long and 290 cm wide, and on the lower level of the northern wall there is a lake with a cover without a perimeter (flat) measuring $125 \times 130 \times 80$ cm. The construction site of the building was selected on the natural slope of the foothills, then the sloping surface was cut and part of half of the building was built inside the cut. Only the stepped roof and the two sides of the doorway have an external view. The building's construction materials are all hewn stones that are placed on top of each other in a dry-stacked and ridge-like manner. After the walls are built, the arch begins with a precise and calculated geometric and architectural movement at a height of 110 cm, and the building's cover is created in the form of a barrel vault or a 220-meter-high vault [Pirani, 2006, p. 31].

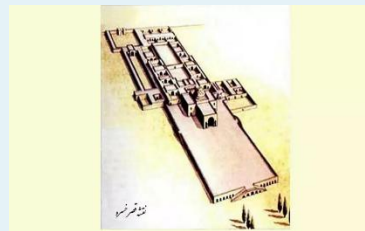

Tag Shirin

Khosrow's Mansion in Shirin Palace

One of the most famous Sassanid buildings in western Iran is a building in Shirin Palace, which is called "Khosrow's Mansion" or the Palace of

Khosrow Parviz [Tahmasbi, 1392, p. 164]. This building is located to the north of the “Shirin Four-Four-Stone” fire pit. The corridors that were built instead of the foundation for the throne room can still be seen [Vandenberg, 1387, p. 99]. The entire complex is very large and is about 372 meters long and 190 meters wide. In the eastern part, a courtyard is seen with a length of 285 meters, a width of 98 meters, and a height of about 8 meters. On the first floor, there is a porch and behind it a large room and then a colonnaded courtyard. Rutter imagined this room as domed, but he did not provide evidence for this. Next to the porch there was a series of courtyards with rooms and porches, some of which had service functions. In the southwest of the complex there is also an entrance and a large, square courtyard that continues into a very long courtyard. In general, due to the doubts that exist about the plan and the supposed reconstructions of the eastern part of the complex, as well as the date of construction of the artifact, we cannot examine it properly and make a statement about it [Tahmasbi, 2013, p. 164]. Khosrow Parviz Palace had a large garden around which there were chambers for keeping animals, in fact it was in the form of a wild garden. The palace itself was built on a mastaba that had a moonlit courtyard and a large veranda on the eastern side. Behind this veranda, there was the main hall that was connected to this veranda, the hall was square and had a dome. In the western part of this hall, a small courtyard was built, with four columned porches on all four sides, and a smaller porch on the west side, and numerous arches on the other two sides [Sarfaraz, 1375, p. 404]. In terms of its general design, it is similar to the “Havsh-e-Kuri” in Iraq and is different from other buildings of the Sassanid period. Like Firuzabad, it consists of private and public sections. The arch of the main porch, like what is seen in the Damghan Palace, Sarvestan, and Kish Palace, is not built on the wall but on the adjacent columns. The palace in question is attributed to the period of Khosrau II [Mohammadifar and Amini, 1394, p. 90].

Khosrow's Mansion in Shirin Palace

Bisotun Bridge

Bisotun Bridge, known as Safavid Bridge, is located in the east of Bisotun city and on the Dinurab River. This bridge was founded in the Sassanid period, but like other Sassanid works in Bisotun, it has been abandoned. In 2001, Yousef Moradi excavated this bridge. He identified 6 construction periods on this bridge. He believes that the bridge piers were built during the Sassanid period, and probably during the time of Khosrow II. Based on the visible parts, Bisotun Bridge is 145 meters long and has six spans. The inner part of the piers is made of rubble stone and a large volume of limestone, and their surfaces are arranged with cut stones of various sizes. The walls, abutments, and arches of the bridge are built with square bricks of various sizes and in red and yellow colors in different shades [Moradi, 1401, p. 110].

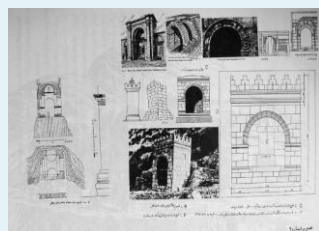
Bisotun Bridge

Khosrow Bridge

Khosrow Bridge is a Sassanid period monument located two kilometers southwest of Bisotun city and 170 meters from Kermanshah-Hamedan road, built on the Gaumasi River. According to the evidence, it remained unfinished for some reason, like other Sassanid monuments in Bisotun. Fladen was the first to mention Khosrow Bridge and attribute it to the Sassanid period [Khan Moradi, 2011, p. 113]. This bridge is 152.8 m long, has 10 piers and 9 spans. Great order was observed in the construction of the piers, and each of them is 2.7 meters wide and 3.14 meters long. Also, each of the bridge spans is 8.8 meters wide. The piers of the bridge are made of hewn and polished stones measuring 80 by 80 centimeters and have carving marks. Considering the observation of the dense mass of stones between the piers, it seems that they were built on a paved platform. These bases are hexagonal and each has three sections [Cheramchian, Mafi, 2011, p. 85].

Khosrow Bridge

Taq-e-Gara

Taq-e-Gara

At the neck of the Pataq, at a point with an excellent view, there is a stone arch called Taq-e-Gara. Its height from the ground level to the highest point of the complex is 11.7 meters, from the floor to the bottom of the ceiling is 29.5 meters, the height of the entrance to the arch from the ground level is 1.20 meters, the depth is 10.3 meters, and the niches on each side are 1.80 m. At the end of the arch, there is a rectangular stone slab that seems to have been prepared for carving an inscription or pattern [Azarang et al., 2009, p. 440]. Taq-e-Gara is a small building from the Sassanid period that was built in the form of an iwan with cubic stone slabs. The slabs were placed on top of each other without mortar. The upper part of the building is a crescent-shaped arch. It is likely that this building was a resting place during hunting days, or a memorial or altar or a resting place on the way used by the king [Vandenberg, 1348, p. 102]. The only horseshoe arch in Sasanian architecture known from a long time ago is located in the Taq-e-Gara, which stands alone near the highest point of the Zagros Gate, located at its western entrance to Iran. The date of construction of this small building, which is a barrel-vaulted porch without side rooms, is still in doubt. The monumental building, apart from its large dimensions, is built of carefully hewn stones laid on top of each other without mortar. The Greek stucco on the column base,

the stucco on the upper cornice and the decorative border of the pediment designed in the Greco-Roman style, are all considered as evidence for dating the building to earlier centuries, to the point that some even consider it to be Parthian [Pope and Ackerman, 2008, p. 654].

Discussion and Conclusion

The western part of Iran is one of the important regions in the Sassanid territory. Many reasons, including good climate, fertile lands, and the presence of high mountains, and most importantly, the existence of the Silk Road, which was a connection between the East and Mesopotamia, caused the Sassanid rulers to pay attention to this region. The existence of numerous and magnificent buildings as well as rock carvings in various regions of the west of the country, especially in Kermanshah province, is evidence of this claim. This region was chosen as the second largest Sassanid capital after Bishapur in the fourth century AD, and the glory and authority of the Sassanid state was manifested in palaces, bridges, fire temples, and rock carvings in various regions of western Iran. Taq-e-Bostan, one of the most important buildings left from the Sassanid period, has well shown a symbol of the glory and authority of the kingdom. The existence of numerous magnificent buildings such as Taq-e-Bostan, Khosrow Palace, Farhad-e-Tarash, the Zij-e-Manijeh building, and the Khosrow and Bisotun bridges, which were discussed in this article, have fully demonstrated the greatness of the kingdom of an era and the power and ability of Sasanian architects and artists. There are many buildings that have not yet been fully explored or their information has not yet been made public, which are scattered throughout Kermanshah province and the vast Bisotun plain. Although numerous books and articles have not been written about the remains of the Sasanian period, there are still many places, especially in western Iran, about which information is incomplete and insufficient. It is hoped that the day will come when researchers and archaeologists will make all the newly discovered information available to lovers of Sasanian culture and art.

References

- Abdolhossein Azarang et al.** Encyclopedia of the Islamic World. Tehran, Center for the Great Islamic Encyclopedia, 2009, vol. 5.
- Ajarloo, Seyed Amir Mansouri, Bahram.** Review and Identification of the Farhad Tarash Column in Bisotun: A Sassanid Example of Landscape Architecture. *Bagh Nazar*, 2008, pp. 49–68.

- Amiri Glareh.** The Reasons for Drawing Attention to Western Iran. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2013, vol. 3, no. 5, pp. 693–702.
- Brunner Cristofer.** Geographical and Administrative Divisions: Settlements and Economy. In: *History of Iran*. Compiled by Ehsan Yarshater. Translated by Hassan Anousheh. Tehran, Amir Kabir, 2014.
- Farazmandi Bahman, Ali Akbar Sarafraz.** Achaemenid, Parthian, Sassanid. Tehran, Marlik Publications, 1996.
- Fard Seifollah Kambakhsh.** The Temple of Anahita Kangavar. Tehran, Cultural Heritage Organization, 1995.
- Fariyeh R. W.** The Arts of Iran. Translated by Parviz Marzban. Tehran, Farzan Research and Publications Institute, 1995.
- Ghasrian Mojgan Khan Moradi, Sirvan Mohammadi.** Archaeology of the Bisotun Plain. In: *Eighty Years of Iranian Archaeology*, by Yousef Hassanzadeh, Simamiri. Tehran, Pazineh Publishing House, 2012, pp. 378–403.
- Gholami Saba.** A Proposal on the Use of the Bay of Zij Manizeh. *Scientific Journal of Research in Civil Engineering, Architecture and Urban Planning*, 2019, pp. 15–24.
- Girshman Roman.** Iranian Art in the Parthian and Sassanid Periods. 2nd ed. Translated by Bahram Fareh Vashi. Tehran, Scientific and Cultural Publications, 1971. Available in 1991.
- Hertzfeld Ernst.** Iran in the Ancient East. Translated by Homayoun Sanatizadeh. Kerman, Institute of Humanities and Cultural Studies, Shahid Bahonar University of Kerman, [2002], 1879–1948.
- Kallmeier Wolfram, Klais Peter.** Explorations and Researches of 1963–1967. Translated by Faramarz Najd Sami'i. Tehran, Cultural Heritage and Tourism Organization.
- Moradi Yousef.** Archaeological Excavations Around the Bisotun Bridge: Stonemasonry Workshops and Brick and Lime Production. *Parseh Archaeological Studies*, 1401, pp. 105–136.
- Moradi, Mojgan Khan.** Evidence of Sasanian Bridge-Building Activities on the Bisotun Plain. *Payam Barsthaneshanas*, 2011, pp. 107–126.
- Pirani Bayan.** Taq Shirin, Farhad, and Other Honorary Archeology. In: *Abstracts of the Iranian Archaeology Conference, Western Region*, by Azam Tohidlo, Mohsen Zaidi. Tehran, Tehran University Press, 2006, pp. 31–34.
- Sami Ali.** Sassanid Civilizatio. Tehran, Samt, 2009, vol. 2. (in Pers.)
- Sen Arthur Christian.** Iran in the Sassanid Era. Translated by Rashid Yasemi. Tehran, Contemporary Voice, 1936 (2010).

Tahmasbi Ehsan. A Comparative Study of the Architecture of Sassanid Palaces and Aristocratic Houses. *Iranian Archaeological Research*, 2013, pp. 153–168.

Vandenberg Louis. Archaeology of Ancient Iran. Translated by Isa Behnam. Tehran, Tehran University Press, 1969.

Information about the Author

Sarvin Moradi, Archaeometry Student

Информация об авторе

Сарвин Моради, студент археометрии

*Статья поступила в редакцию 13.02.2025;
одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 11.04.2025
The article was submitted on 13.02.2025;
approved after reviewing on 11.04.2025; accepted for publication on 11.04.2025*

Научная статья

УДК 903.233

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-123-134

Сложносоставные луки развитого Средневековья из скальных захоронений Монголии

Даниил Игоревич Пронин

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

d.pronin@g.nsu.ru

Аннотация

Рассмотрены сложносоставные луки кочевников Центральной Азии из скальных захоронений Монголии XI–XIV вв. Представлены описания пяти экземпляров луков с сохранившейся кибитью. Собранные материалы позволяют выявить некоторые тенденции в эволюции сложносоставных луков рассматриваемого региона. Помимо прочего установлено, что на протяжении рассматриваемого периода внутренняя сторона плеч лука начинает все чаще снабжаться роговыми накладками, которые лучше, чем дерево, работали на сжатие. Кроме того, роговые плечевые накладки выполняли роль демпфирующей пружины, которая позволяла луку более эффективно возвращать первоначальную форму после выстрела. Определенные изменения произошли и в оформлении кибити. Если плечи более ранних луков имели преимущественно уплощенное поперечное сечение, то теперь оно изменяется на более округлое, в некоторых случаях D-образное. Такие луки можно было длительное время хранить в налучье в боевом положении (с натянутой тетивой) и более эффективно использовать при стрельбе тяжелыми стрелами с широким массивным пером. Костяные накладки на концы лука в XIII–XIV вв. используются все реже, а переходные зоны становятся более выраженными. Кроме того, в Монгольскую эпоху появляются ранние варианты упоров под тетиву. Определенные перемены происходят и в оформлении оружия. Так, например, центрально-азиатские мастера перестают оклеивать берестой или кожей внутреннюю сторону кибити лука. Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода складывается особая разновидность сложносоставного лука, которая со временем станет доминирующей в саадачных наборах народов Монголии, Маньчжурии, Саяно-Алтая и Байкальского региона.

© Пронин Д. И., 2025

Ключевые слова

Монголия, скальные захоронения, луки XI–XIV вв.

Для цитирования

Пронин Д. И. Сложносоставные луки развитого Средневековья из скальных захоронений Монголии // *Universum Humanitarium*. 2025. № 1. С. 123–134. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-123-134

Composite Bows of the High Middle Ages from Rock Burials in Mongolia

Daniil I. Pronin

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
d.pronin@g.nsu.ru

Abstract

The article examines composite bows of Central Asian nomads from the rock burials of Mongolia in the 11th – 14th centuries. Descriptions of five bow specimens with preserved kibiti are presented. The collected materials allow us to identify some trends in the evolution of composite bows of the region in question. Among other things, it was found that during the period in question, the inner side of the bow limbs began to be increasingly equipped with horn pads, which worked better than wood in compression. In addition, the horn shoulder pads served as a damping spring, which allowed the bow to more effectively return to its original shape after firing. Certain changes occurred in the design of the kibiti. If the limbs of earlier bows had a predominantly flattened cross-section, now it changes to a more rounded one, in some cases D-shaped. Such bows could be stored in a bow case in a combat position (with a stretched bowstring) for a long time, and were more effectively used when shooting heavy arrows with a wide, massive feather. Bone overlays on the ends of the bow are used less and less in the 13th – 14th centuries, and the transition zones become more pronounced. In addition, early versions of bowstring rests appear in the Mongolian era. Certain changes also occur in the design of weapons. For example, Central Asian craftsmen stop pasting birch bark or leather on the inside of the bow kibiti. Thus, during the period under consideration, a special type of composite bow is formed, which, over time, will become dominant in the sadachny sets of the peoples of Mongolia, Manchuria, Sayan-Altai and the Baikal region.

Keywords

Mongolia, rock burials, bows of 11th – 14th centuries

For citation

Pronin D. I. Composite Bows of the High Middle Ages from Rock Burials in Mongolia. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 123–134. (in Russ.) DOI 1025205/2499-9997-2025-1-123-134

Введение

Важнейшим элементом комплекса вооружения монгольских воинов XIII–XIV вв. являлись мощные сложносоставные луки. Активное использование этого оружия оказывало значительное влияние на тактику ведения боя воинов Чингисхана и его приемников [Бобров, Сальников, 2015; Бобров, 2016].

К сожалению, в силу объективных причин от большинства подобных луков, происходящих из археологических памятников, до нашего времени доходят только костяные накладки. С учетом данного факта особое значение имеют находки из скальных погребений, в которых сложились условия, способствующие сохранению органических деталей оружия.

В конце XX – первой четверти XXI в. монгольскими археологами были обнаружены и изучены несколько хорошо сохранившихся сложносоставных луков, происходящих из скальных погребений. Данные образцы представляют исключительный интерес для оружейников и военных историков. К сожалению, в отечественных научных исследованиях указанные находки практически не учитываются, что затрудняет всестороннее изучение традиционного метательного оружия кочевников Центральной Азии монгольского времени.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот информации о луках, происходящих из скальных захоронений Монголии, а также выделение конструктивных элементов, характерных для сложносоставных луков кочевников рассматриваемого региона периода развития Средневековья.

Материалы и обсуждение

Один из самых ранних луков рассматриваемой серии был найден в скальном захоронении на горе Чонот Уул (рис. 1, 1). Лук имеет хорошую сохранность. Его кибыть доступна для всестороннего изучения. Не сохранилась только тетива.

Общая длина выполненной из ивы кибыти 133 см. Плечи лука деформированы, предположительно из-за того, что он был помещен в погребение с натянутой тетивой. Внутренняя сторона плеч усилена роговыми накладками, внешняя сторона оклеена сухожилиями – длина плеч около 30 см, ширина 2,9 см, толщина 1,7 см. Длина прямой рукояти лука 16,8 см, ширина 2,1 см, толщина 3,1 см. Участок кибыти между

верхним плечом и рукоятью обмотан сухожилиями. Рога лука длинные – 25 и 28 см соответственно. На концах рогов фиксируется деревянный вкладыш, выполненный из более твердого дерева. Монгольские исследователи отмечают наличие костяных накладок на лук, но не указывают особенности их конструкции и местоположения. На основании состава и особенностей инвентарного набора данное скальное погребение по C^{14} датировано 1020–1210 гг. [Монголын хадны оршуулгын дурсгал, 2022, с. 100].

Рис. 1. Луки из скальных погребений:
1 – лук из Чонот-уул; 2 – лук из Цагаан Хад
(1, 2 –по: [Монголын хадны оршуулгын дурсгал, 2022])

Fig. 1. Bows from rock burials:
1 – bow from Chonot-uul; 2 – bow from Tsagaan Khad
(1, 2 – according to: [Mongolyn khadny orshuulgyn dursgal, 2022])

Совершенно уникальной сохранности лук был найден в скальном захоронении на горе Цагаан-Хад (рис. 1, 2). Само захоронение было обнаружено в 2010 г. местными жителями Б. Шовдором и Г. Батмунчем. Среди прочих предметов особый интерес вызывает полностью сохранившийся сложносоставной рефлексивный лук, который был помещен справа от погребенного. Это единственная находка лука, сохранившегося в натянутом положении.

Длина лука 141,4 см, ширина плеч 5 см, а их длина 27 см. Кибить имеет асимметричную форму из-за долгого нахождения в натянутом положении и условий хранения. Деревянная основа лука, предположительно, изготовлена из вяза и состоит из нескольких частей. Рукоять имеет бочкообразную форму длиной 12 см. Овальная в поперечном сечении, она постепенно уплощается к плечам. Сами плечи, по всей видимости, имели D-образное сечение, плоской стороной к стрелку. На внутренней стороне плеч находится тонкая, около 0,5 см, роговая пластинка белого цвета, работавшая на сжатие. На внешней стороне наклеены сухожилия, покрытые берестой. На одном из плеч, в месте наибольшего искривления, находится обмотка из тонких кожаных полос. Вероятно, это следы ремонта лука. Указанная обмотка закрепляла с внутренней стороны небольшую роговую пластину, которая служила для усиления этого ослабленного участка кибити. Рога лука имеют прямоугольное сечение длиной 29 см. Исключительный интерес представляют небольшие подставки из кожи, которые защищали древесину рогов от механических повреждений вследствие ударов тетивы. Это один из самых ранних известных примеров использования на луке подставок под тетиву. Такие подставки («кобылки») станут исключительно популярны на луках населения Центральной и континентальной Восточной Азии в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. Сама тетива сделана из сильно скрученных шелковых нитей диаметром 2,9 мм.

По результатам комплексного изучения оружия (в том числе с использованием естественнонаучных методов) лук из Цагаан-Хад датирован 1260–1390 гг.

Схожий по конструкции лук был обнаружен в 1998 г. в скальном захоронении в пещере Ич-Баян (рис. 2, 1). Погребение было грабленным, но часть инвентаря, в том числе и лук, сохранилась [Erdenebat, 2009, S. 382–384].

Длина лука 136 см, ширина асимметричных плеч 4 см. Рукоять бочкообразной формы имеет овальное сечение, обтянута берестой и в верхней части снабжена обмоткой из тонкой веревки. Длина рукояти 11 см,

толщина 2,2 см. Плечи имеют уплощенно-овальное сечение. Они обтянуты берестой только с внешней стороны. В двух местах имеется обмотка из узких кожаных полос, по всей видимости, это следы ремонта кибити. Длина плеча ок. 35–40 см, толщина 2 см. Плечи состоят из деревянной основы, которая с внутренней стороны оклеена роговыми пластинами темного цвета, а с внешней – сухожилиями. Как и в рассмотренных выше случаях, роговые накладки не покрыты берестой. Сохранившийся конец (рог) лука имеет длину 28 см, максимальная ширина 2,6 см, на концах 0,7 см. Он имеет дугообразную форму и прямоугольное сечение. Костяные накладки отсутствуют, что отличает эти луки от более ранних аналогов [Erdenebat, 2009, S. 382–384].

Рис. 2. Луки из скальных погребений:

1 – лук из Ич-Баян; 2 – лук из Хагтын; 3– лук из Елын Хиц

(1 – по: [Erdenebat, 2009]; 2, 3 –

по: [Монголын хадны оршуулгын дурсгал, 2022])

Fig. 2. Bows from rock burials:

1 – bow from Ich-Bayan; 2 – bow from Khagтын; 3 – bow from Elyn Khits

(1 – after: [Erdenebat, 2009]; 2, 3 –

after: [Mongolyn hadny orshuulgyn dursгал, 2022])

Еще один лук был найден в скальном захоронении Хагтын (рис. 2, 2). У этого экземпляра сохранилась не только кибить, но и тетива.

Общая длина лука 121 см. Длина бочкообразной рукояти 12 см, ширина 3,5 см, толщина 2,5 см. Длина плеча около 30 см, ширина 4,5 см, толщина до 2 см. На внутренней стороне плеч фиксируются роговые накладки из рога коровы, по внешней стороне наклеены сухожилия. Рога лука длинные, около 20 см, имеют небольшой изгиб, на концах фиксируются вкладыши, имеющие 2 см в длину при толщине 0,2 см. Тетива сделана из тонких перекрученных сухожилий. На двух концах сделаны петли диаметром 8 см, завязанные тонким ремешком. На основании радиоуглеродного анализа лук датирован монгольскими учеными 1264–1300 гг. [Амартүвшин, Батдалай, 2020, с. 110–127].

Последний сложносоставной лук рассматриваемой серии был обнаружен в скальном захоронении Елын Хиц (рис. 2, 3).

Лук выделяется относительно небольшими размерами, его общая длина составляет 93,5 см. Рукоять имеет бочкообразную форму, в середине она узкая и толстая, к плечам расширяется и уплощается. Длина рукояти 12 см, толщина в центральной части 3 см, ширина 3,2 см. Наличие органической обмотки из бересты и (или) кожи не позволяет достоверно определить возможность присутствия костяной накладки на тыльной стороне рукояти. Плечи у этого лука широкие – 4 см, длина 33 см при толщине 1,6 см. На внутренней части плеча находится роговая пластина, дополнительно закрепленная сухожильной обмоткой. Внешняя (дальняя от стрелка) сторона плеч, оклеена сухожилиями. Рога лука имеют несколько изогнутую форму, угол между плечом и рогом составляет практически 90°. Длина рогов около 25 см. Между плечами и рогами лука находятся выраженные переходные зоны. На основании радиоуглеродного анализа рассматриваемый лук датирован 1295–1411 гг. [Цэлхагарав и др., 2020, с. 170–184].

Особенностью всех описанных луков является наличие роговых накладок, приклеенных на тыльную (обращенную к стрелку) сторону плеч лука (см. таблицу). Накладки, изготовленные из рогов полорогих животных, выполняли целый комплекс функций. Во-первых, данный материал работает на сжатие в разы лучше, чем дерево, что повышает КПД выстрела. Во-вторых, рог является природным демпфирующим материалом, что позволяет луку возвращаться в изначальную форму. Сами плечи стали более толстые и имеют D-образное сечение, что позволяет более эффективно использовать тяжелые стрелы.

Сравнительные характеристики сложносоставных луков
Comparative characteristics of compound bows

№ п/п	Памятник	Длина, см				Роговые плечевые накладки	Датировка
		лука между концами	рукояти	концов лука	плеч		
1	Чонот-уул	133	16,8	25 и 28	30	да	1020–1210 гг.
2	Цагаан Хад	141,4	12	29	27	да	1260–1390 гг.
3	Ич-Баян	136	11	28	35–40	да	XII–XIV вв. (?)
4	Хагтын	121	12	20	30	да	1264–1300 гг.
5	Елын Хиц	93,5	12	25	33	да	1295–1411 гг.

Вероятно, вследствие наличия роговых накладок внутренняя сторона луков перестает оклеиваться берестой и кожей. Данная деталь становится характерной чертой сложносоставных луков Монголии, Южной Сибири и Дальнего Востока XIII–XIX вв.

Стоит уделить внимание и изменению конструкции и оформления рогов лука.

Во-первых, развивается переходная зона от плеча к концу лука. У всех описанных луков, кроме лука из Чонот Уул, переходные зоны между плечом и рогом имеют в поперечном сечении выраженную треугольную форму. Такое сечение повышает жесткость на изгиб и кручение, из-за чего теряют актуальность костяные накладки, выполнявшие аналогичную функцию.

Во-вторых, на луке из Цагаан Хад впервые фиксируются упоры под тетиву, расположенные на внутренней стороне переходных зон кибити. В данном случае упор выполнен из кожи. Он служил для защиты кибити лука от ударов тетивы.

В целом материалы из Монголии хорошо коррелируют с материалами археологических находок с территории Южной Сибири [Горбунов, 2006; Худяков, 1997]. Кроме того, они существенно дополняют их, так как детали из дерева, сухожилий, кожи обычно плохо сохраняются в условиях закрытых археологических комплексов.

В последующие столетия луки рассматриваемого образца, снабженные роговыми плечевыми накладками, сухожильной оклейкой внешней стороны, утолщенными плечами, развитыми переходными зонами, подставками-«кобылками» и минимальным количеством костяных накладок, станут основной разновидностью луков населения Монголии, Южной Сибири, Маньчжурии и Китая [Бобров, Худяков, 2008, с. 79–95].

Выводы

Сложносоставные луки из скальных захоронений Монголии существенным образом расширяют наше представление о метательном оружии кочевников Центральной Азии периода развитого Средневековья. Они фиксируют новый этап в развитии сложносоставных луков населения региона. При этом они хорошо согласуются с уже известными материалами, происходящими из археологических памятников Монголии, Южной Сибири и сопредельных территорий, а также изобразительными источниками XI–XIV вв.

Магистральным направлением эволюции луков в данный период становится резкий рост популярности луков с роговыми накладками, приклеенными с внутренней стороны утолщенных плеч кибити. С внешней стороны, деревянная основа кибити оклеивалась сухожилиями и покрывалась берестой или кожей. Такие луки можно было длительное время хранить в налуче в боевом положении (с натянутой тетивой). Изменились также концы и переходные зоны лука, которые стали более легкими, что увеличивало КПД выстрела.

Конструкция обновленного лука оказалась исключительно удачной, что обусловило его доминирующее положение в саадачном наборе народов Монголии, Маньчжурии, Саяно-Алтая и Байкальского региона вплоть до этнографического времени.

Список литературы

- Бобров Л. А.** Тактический прием «хоровод» в военном искусстве кочевников Великой степи XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 73–83.
- Бобров Л. А., Сальников А. В.** Тактический прием «тулгاما» в военном искусстве монголов XIII в. // Былые годы. 2015. № 4. С. 786–797.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.** Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. 782 с.
- Горбунов В. В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул: АлтГУ, 2006. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). 233 с.
- Худяков Ю. С.** Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья / Отв. ред. В. Е. Медведев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 159 с.
- Erdenebat U.** Altmongolisches Grabbrauchtum: Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei. Dissertation, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, Bonn, 2009. 262 S.
- Амартүвшин Ч., Батдалай Б.** Хагтын хадны оршуулга // Нүүдэлчдийн өв судлал. 2020. Т. 21-2, Fasc-11. УБ, С. 110–127. (на монг. яз.)
- Монголын хадны оршуулгын дурсгал. XIII Боть. Улаанбаатар, 2022. 297 с. (на монг. яз.)
- Цэлхагарав Ц., Бемманн Я., Төрбат Ц.** Ёлын хэцийн хадны оршуулга // Археологийн судлал Боть XXXIX, дэвтэр 1–17. Улаанбаатар, 2020. С. 170–184. (на монг. яз.)

References

- Bobrov L. A.** Takticheskii priem “khorovod” v voennom iskusstve kochevnikov Velikoi stepi XIII–XVI vv. [The tactical device “round dance” in the military art of the nomads of the Great Steppe of the 13th – 16th centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states], 2016, no. 8, pp. 73–83. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Times (15th – the first half of the 18th century)]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2008, 782 p. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Salnikov A. V.** Takticheskii priem “tulgama” v voennom iskusstve mongolov XIII v. [Tactical method of “tulgama” in the military art of the Mongols of the 13th century]. *Bylye gody* [The old days], 2015, no. 4, pp. 786–797. (in Russ.)
- Gorbunov V. V.** Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Military affairs of the Altai population in the 3rd – 14th centuries]. Barnaul, AltSU Press, 2006, 233 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo Srednevekov'ya [Armament of the nomads of Southern Siberia and Central Asia in the era of the advanced Middle Ages]. Ed. by V. E. Medvedev. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1997, 159 p. (in Russ.)
- Erdenebat U.** Altmongolisches Grabbrauchtum: Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei. Dissertation, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. Bonn, 2009, 262 S.
- Amartyvshin Ch., Batdalaj B.** Hagtyн hadny orshuulga. *Nyydelchdiyn ov sudlal*, 2020, vol. 21-2, Fasc-11. UB, pp. 110–127. (in Mong.)
- Mongolyn hadny orshuulgyn dursgal. XIII Bot'. Ulaanbaatar, 2022, 297 p. (in Mong.)
- Tselkhagarav Ts., Bemmann Y., Torbat Ts.** Yolyn hadny orshuulga. In: *Arkheologiiin sudlal Bot XXXIX*, devter 1–17. Ulaanbaatar, 2020, pp. 170–184. (in Mong.)

Информация об авторе

Даниил Игоревич Пронин, бакалавр

Information about the Author

Daniil I. Pronin, Bachelor

*Статья поступила в редакцию 14.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025
The article was submitted on 14.02.2025;
approved after reviewing on 12.03.2025; accepted for publication on 12.03.2025*

Научная статья

УДК 902.01

DOI 1025205/2499-9997-2025-1-135-157

Мечи в комплексе длинноклинкового оружия воинов Ямато III–VII веков

Дмитрий Валерьевич Макашев

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

d.makashev@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4709-797X>

Аннотация

В III–VII вв. Японские острова являлись ареной ожесточенной борьбы государства Ямато с окружающими его племенами эмиши и кумасо. В ходе боевых действий воины Ямато использовали различные виды наступательного оружия, в том числе и мечи. В рамках данной статьи впервые в отечественной историографии классифицированы известные японские мечи III–VII вв. на основании их основных морфологических характеристик: сечения клинка, его формы, наличия гарды или ее аналога, а также особенностей оформления оружия. В общей сложности были изучены 287 экземпляров мечей, происходящих с территорий провинций Вакаяма, Исигава, Миэ, Миядзаки, Нара, Сага, Сайтама, Фукуока, Хёго, Яманаси и др. Выделены 2 отдела, 4 типа и 9 подтипов. В качестве сравнительного материала привлекались данные по длинным кинжалам того же исторического периода, конструкция и оформление которых близки или аналогичны конструкции и оформлению мечей. Установлено, что наиболее распространенной разновидностью мечей являются образцы с линзовидным в сечении прямым клинком без гарды либо ее аналога. Судя по изобразительным материалам, а также лаконичному оформлению эфесов и ножен, большинство рассматриваемых мечей входили в состав комплекса вооружения простых воинов. В исторической перспективе мечи были вытеснены из широкого военного обихода воинов Ямато прямыми однолезвийными палашами, которые, в свою очередь, со временем эволюционировали в знаменитые японские сабли развитого Средневековья.

Ключевые слова

Япония, раннее Средневековье, Ямато, Кофун, длинноклинковое оружие, мечи

Для цитирования

Макашев Д. В. Мечи в комплексе длинноклинкового оружия воинов Ямато III–VII веков // *Universum Humanitarium*. 2025. № 1. С. 135–157. DOI 1025205/2499-9997-2025-1-135-157

Swords as Part of the Complex of Long-Bladed Weapons of Yamato Warriors 3rd – 7th Centuries

Dmitry V. Makashev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

d.makashev@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4709-797X>

Abstract

In the 3rd – 7th centuries the Japanese islands were the scene of a fight between the Yamato state and the surrounding Emishi and Kumaso tribes. In the battles, Yamato warriors used different types of offensive weapons – including double-edged swords. In this article, for the first time in the Russian historiography, the known Japanese swords of the 3rd – 7th centuries were classified on the basis of their basic morphological characteristics – the cross-section of the blade, its shape, the presence of a guard or its analogue, as well as the features of the design of the weapon. During the work 287 swords were studied originating in the provinces of Wakayama, Ishikawa, Mie, Miyazaki, Nara, Saga, Saitama, Fukuoka, Hyogo, Yamanashi and others. We identified 2 departments, 4 types and 9 subtypes. As a comparative material, we used long daggers of the same historical period, the construction and decoration of which are close or similar to the construction of swords. It was found that the most widespread type of swords are specimens with a lenticular straight blade without a guard or its analogue. Judging by the visual materials, as well as the laconic design of hilt and scabbard, most of the swords were part of the armament of simple warriors. In perspective, swords were replaced from the wide military use of Yamato warriors by straight single-bladed backswords, which, in turn, evolved over time into the famous Japanese sabers of the developed Middle Ages.

Keywords

Japan, early Medieval, Yamato, Kofun, long-blade weapon, swords

For citation

Makashev D. V. Swords as Part of the Complex of Long-Bladed Weapons of Yamato Warriors 3rd – 7th Centuries. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 135–157. (in Russ.) DOI 1025205/2499-9997-2025-1-135-157

Введение

Комплекс вооружения воинов Ямато III–VII вв. отличается значительным разнообразием. Получив первоначальный импульс с континента, мастера Японских островов приложили значительные усилия для совершенствования оружия и доспехов. Благодаря археологическим исследованиям XX – первой четверти XXI вв. японским ученым и их иностранным коллегам удалось подробно изучить многие аспекты, связанные с вооружением и военным делом воинов Ямато периодов поздней Древности и раннего Средневековья. К сожалению, в силу различных причин данные материалы пока еще слабо используются современными российскими оружейниками. К числу недостаточно изученных вопросов относятся мечи воинов Японских островов периода существования государства Ямато.

В данной работе под термином «меч» подразумевается особая разновидность длинноклинкового оружия с прямым двулезвийным клинком (длинной более 50 см)¹.

Несмотря на то, что японские мечи изучены значительно хуже палашей и сабель, они неоднократно привлекали внимание археологов и оружейников. Среди исследовательской литературы в первую очередь необходимо отметить коллективную монографию «Мечи – изучение древнего общества через оружие» Вакаса Тоору, Дэнда Икуо, Исигава Хидэиси и др. [2022]. Основным источником для нас стали сводные таблицы находок из 14 провинций, опубликованные на сайте Конференции по древней истории и культуре², члены которой, приложили руку к написанию вышеупомянутой монографии. Мы также обращались к музейным коллекциям, в которых хранятся интересующие нас в рамках исследования образцы оружия. К сожалению, не все мечи дошли до нас в неповрежденном виде. По этой причине в качестве сравнительного материала в настоящей работе привлекались также длинные кинжалы (с длиной клинка ок. 30–49 см) из музейных коллекций, которые по своей конструкции и оформлению близки или идентичны рассматриваемым мечам.

¹ Стоит отметить, что в японском оружейном иероглифе 劒 (в японском чтении *цуруги*, в китайском чтении *кэн*) используется для обозначения клинкового оружия с двумя лезвиями вне зависимости от его длины. Таким образом, под данным термином подразумевались как собственно мечи, так и кинжалы с прямым двулезвийным клинком.

² URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html/>.

Цель статьи – собрать, систематизировать и классифицировать мечи III–VII вв., происходящих с территории Японских островов, выявить особенности их конструкции и оформления.

Ранее данная тема еще не становилась объектом научного исследования отечественных археологов и оружейников. Вместе с тем изучаемые материалы могут быть востребованы как в рамках изучения вооружения Японских островов поздней Древности и раннего Средневековья, так и в качестве сравнительных материалов в рамках исследований, посвященных длинноклинковому оружию Южной Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии III–VII вв. По данной причине было принято решение отказаться от традиционных японских принципов классификации мечей и рассмотреть их в рамках отечественной научной оружейниковской традиции [Худяков, 1980; Бобров, Худяков, 2008; Бобров и др., 2020].

Материалы и обсуждение

Мечи являются первым видом длинноклинкового оружия, появившегося на территории Японии. Бронзовые и железные мечи были привезены в III в. до н.э. – III в. н.э. переселенцами с материка. Однако первые просуществовали относительно недолго – до III в. н.э., в то время как вторые были так или иначе в ходу вплоть до VI–VII вв. и даже позднее [Вакаса Тоору и др., 2022, с. 15].

Древнейшие железные мечи были обнаружены на севере о.Кюсю и относятся к I в. до н.э. – I в. н.э. Первые мечи были привозные, но к III в. можно говорить о начале их местного производства. К VI–VII вв. они практически исчезают из погребений. На смену им в качестве погребального инвентаря приходят палаши и наконечники стрел, что может свидетельствовать об изменениях в военном деле населения государства Ямато [Там же, с. 24–27].

Судя по археологическим материалам, мечи занимали важное место в комплексе вооружения воинов Ямато. По результатам исследований в 14 провинциях западной и центральной Японии, установлено, что вплоть до VI в., двулезвийные мечи и кинжалы встречались в погребальном инвентаре гораздо чаще, чем их однолезвийные аналоги [Там же, с. 103].

В погребальном ритуале населения Японии III–VII вв. существовала традиция «сгибать» мечи. Вместе с мечами этому процессу подвергались и палаши, хотя «согнутых палашей» было обнаружено меньше, чем «согнутых мечей». Наибольшее распространение этот обычай имел на се-

верной части Кюсю. На западе и в центре Хонсю захоронений с «согнутыми мечами» значительно меньше. На территорию Японии обычай деформировать мечи перед тем, как класть их в захоронение, пришел из Кореи, где был распространен с I по VII в. Всего было обнаружено 39 «согнутых мечей», которые можно датировать периодом Кофун [Вакаса Тоору и др., 2022, с. 89].

На протяжении рассматриваемого периода роль мечей в комплексе вооружения воинов Ямато постепенно сокращалась. В VI–VII вв. они исчезают из погребений. Тем не менее было бы ошибкой говорить о полном исчезновении мечей в Японии после VII в. Из элемента снаряжения воина они становятся объектом культового поклонения в связи с распространением буддизма на территории Японии [Носов, 2010; Roach, 2010].

Элементы мечей из органических материалов (эфесы, ножны)

Меч воинов Ямато состоял из клинка с хвостовиком (череном) и эфеса. Важнейшим элементом последнего являлась рукоять, часто дополненная более или менее массивным навершием и, в редких случаях, гардой или ее аналогом. Меч носился на поясе в ножнах, изготовленных из органических материалов. К сожалению, на большинстве мечей органические детали не сохранились. Известные данные по ним рассмотрены в рамках настоящего раздела.

Судя по материалам из археологических памятников, ранние варианты рукоятей мечей воинов Ямато изготавливались из оленьих рогов, ближе к III в. н. э. их начали выполнять из цельного куска дерева. При этом рог продолжали использовать для изготовления более мелких элементов оружия вплоть до V–VI вв.

Навершия рукоятей обычно представляли собой цилиндр или своеобразный «клюв», расположенный перпендикулярно к полосе клинка. Подобное навершие играло роль нижнего упора для кисти руки. Упор не позволял мечу выскользнуть из кисти воина в момент нанесения рубящего удара.

Металлическая гарда зафиксирована лишь у одного меча рассматриваемой серии. Однако в некоторых случаях использовалась рукоять особой L-образной формы, снабженная специальным выступом в той части рукояти, которая примыкала к «пяте» клинка. Данный выступ выполнял роль верхнего упора для руки (что было важно, в том числе, при нанесении колющих ударов), а в некоторых случаях, возможно, мог

прикрыть кисть воина от оружия противника. Подобный элемент в настоящей работе именуется «полугардой».

Примером подобных эфесов могут служить экспонаты из Музея Санкокан при Университете Тэнри³ (рис. 1). В одном случае деревянный эфес сохранил не только навершие, но и прикрывающий руку выступ – «полугарду» (рис. 1, 1). В плоскости рукояти видны два отверстия, через которые с помощью заклепок она закреплялась на хвостовике меча. Вероятно, рукоять была оплетена чем-то вроде шнура или обернута куском ткани. Справа на рисунке видны два навершия – одно брускообразное (рис. 1, 2), второе более округлое – «клювовидное» (рис. 1, 3).

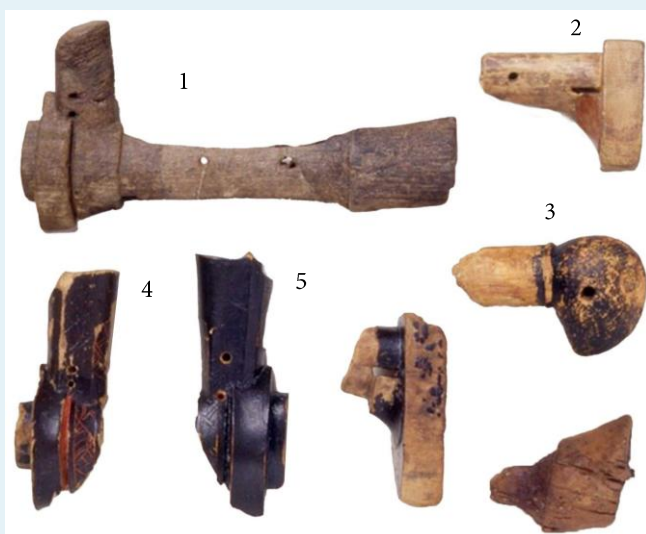

Рис. 1. Детали эфесов мечей, V–VI вв., префектура Нара. Музей Санкокан, Университет Тэнри, г. Тэнри

Fig. 1. Detail of sword hilt, 5th – 6th centuries, Nara Prefecture. Sankokan Museum, Tenri University, Tenri City

Для украшения и защиты рукояти от влаги ее поверхность могла покрываться лаком и гравировкой. В некоторых случаях черная поверхность рукояти расписана красной краской (рис. 1, 4, 5; 2).

³ Деревянные эфесы мечей. V–VI вв. Музей Санкокан, Университет Тэнри. URL: <https://www.sankokan.jp/selection/antiquities/mokuseitosogu.html/>.

Рис. 2. Современная реконструкция
эфесов японских мечей III–VII вв.

Fig. 2. Modern reconstruction
of the hilt of Japanese swords of the 3rd – 7th centuries

В комплект меча также входили ножны, которые представляли собой деревянную трубку или футляр удлиненно-прямоугольной формы, устье и наконечник ножен могли быть выполнены как из дерева, так и из оленьего рога [Вакаса Тоору и др., 2022, с. 154].

Систематизация и классификация мечей

В общей сложности, были изучены 287 экз. мечей и их фрагментов, происходящих с территорий провинций Вакаяма, Исикава, Миэ, Миядзаки, Нара, Сага, Сайтама, Фукуока, Хёго, Яманами и др.

Для классификации и системного описания мечей их базовые признаки были разбиты на несколько основных уровней: класс, отдел, тип, подтип, вариант. Критерием для выделения класса является материал, из которого изготовлен клинок. Отдел определяется сечением клинка, а тип – формой клинка. Подтип выделяется на основании наличия или отсутствия гарды либо ее аналога, а также особенностей исполнения эфеса. Вариант же определяется наличием дополнительных, в том числе декоративных, элементов.

Мы также рассмотрим несколько конструктивно идентичных мечам кинжалов. Как уже отмечалось, в японском языке существовал единый термин, обозначающий оружие с прямым двулезвийным клинком. При этом мечи, вероятно, не отделялись от длинных кинжалов-тесаков.

По этой причине длинные кинжалы (клинки которых лишь немного уступают по длине клинкам мечей) привлекаются нами в качестве сравнительных материалов, но не учитываются в основной классификационной схеме.

Класс 1. Железные.

Отдел 1. Мечи с ромбическим в сечении клинком.

Тип 1. Мечи с прямым ромбическим в сечении клинком и прямым хвостовиком.

Подтип 1. Мечи с прямым ромбическим в сечении клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью.

Вариант 1. Мечи с прямым ромбическим в сечении клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен тремя мечами из провинций Миядзаки и Фукуи. Общая длина мечей 66,1–70,9 см, в том числе длина клинка 51,34–58,2 см. По мнению японских исследователей, мечи этой серии можно датировать IV–V вв.⁴

Вариант 2. Мечи с прямым ромбическим в сечении клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью с использованием оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен одним мечом из провинции Фукуока. Длина меча 62 см, в том числе клинок длиной 57,1 см. Хвостовик имеет сужающуюся форму. L-образная рукоять выполнена из рога оленя. Японскими археологами меч был датирован IV–V вв.⁵

Медианные длины для подтипа 1: общая – 67,8 см, клинок – 56,75 см, хвостовика – 12,9 см.

Подтип 2. Мечи с прямым ромбическим в сечении клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога.

Вариант 1. Мечи с прямым ромбическим в сечении клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Включает в себя 82 экз. из Вакаяма, Миэ, Миядзаки, Нара, Окаяма, Сага, Тоттори, Фукуи, Фукуока, Хёго и Хиросима.

⁴ Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии, опубликованные на сайте Конференции по древней истории и культуре. URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html/> (дата обращения 14.11.2023).

⁵ Там же.

Данный вариант японских мечей можно рассмотреть на примере так называемого «меча из кургана Инарияма»⁶, представленного в Музее погребального комплекса Сакитама в префектуре Сайтама (рис. 3, 1). Общая длина 73,5 см, в том числе клинок 58 см и хвостовик 15,5 см.

Острые клинка сколото. Меч сильно пострадал от коррозии, в связи с чем ребра жесткости видны плохо. Хвостовик меча также поврежден, и невозможно точно сказать, имелись в нем отверстия для заклепок или нет. Японскими исследователями был проведен химический анализ металла, использовавшегося для изготовления меча. В результате анализа установлено, что железо для меча добыто в Китае, в регионе Цзяннань [Масудзава Фумитакаэ, 2006].

На обеих сторонах клинка имеются надписи китайскими иероглифами, при этом имена, записанные этими иероглифами, – японские, что позволяет говорить о том, что меч был изготовлен в Японии из импортного китайского железа. Надписи можно перевести примерно следующим образом: «Написано в седьмом лунном месяце года синь-хай Уо Вакё Оми⁷. Мой предок Опо Пико и его сын Такари Цукуниэ, и его сын Тэйё Кари Вакё, и его сын Такапати Вакё, и его сын Тасаки Вакё, и его сын Пандэпи, и его сын, Катсапая, и я, Уо Вакё Оми, из поколения в поколения до сего дня служили вождями мечников⁸. Когда двор великого царя Вака Такиру был в Сики⁹, я изготовил этот меч, написав о заслугах моего рода на службе»¹⁰ [Murayama, Miller, 1979]. Основываясь на упоминании года синь-хай (т. е. год железной свиньи по китайскому 60-летнему календарю), исследователи предполагают в качестве даты изготовления меча либо 471 г., либо 531 г. Вместе с этим, по мнению Джоана Р. Пигготта, упоминаемый в надписях царь Вака Такиру может быть тождественен императору Юряку, упоминаемому в «Нихон Сёки» [Piggott, 1997]. Согласно «Нихон Сёки», император Юряку правил с 456 по 479 г. В связи с этим мы полагаем, что датировка меча 471 г. является более предпочтительной.

⁶ Меч из кургана Инарияма. Музей погребального комплекса Сакитама. URL: <https://sakitama-muse.spec.ed.jp/%E9%87%91%E9%8C%AF%E9%8A%98%E9%89%84%E5%89%A3/> (дата обращения 14.11.2023).

⁷ Вероятно, имя владельца меча.

⁸ Вероятно, подразумевается, что члены рода владельца меча были военачальниками.

⁹ Регион на территории современной провинции Нара.

¹⁰ Древн. яп.: 辛亥年七月中記乎獲居臣上祖名意富比埵其兒多加利足尼其兒名弓已加利獲居其兒名多加披次獲居其兒名多沙鬼獲居其兒名半弓比其兒名加差披余其兒名乎獲居臣世々爲杖刀人首奉事來至今獲加多支鹵大王寺在斯鬼宮時吾左治天下令作此百練利刀記吾奉事根原也

Рис. 3. Мечи и кинжалы III–VII вв. из коллекций японских музеев: 1 – меч из кургана Инарияма, V в., префектура Сайтама, Музей погребального комплекса Сакитама, г. Гёда; 2 – кинжал J-574, V–VI вв., префектура Кумамото, Токийский национальный музей, г. Токио; 3 – кинжал J-575, V–VI вв., префектура Кумамото, Токийский национальный музей, г. Токио; 4 – кинжал J-577, V–VI вв., префектура Кумамото, Токийский национальный музей, г. Токио; 5 – кинжал J-578, V–VI вв., префектура Кумамото, Токийский национальный музей, г. Токио; 6 – меч J-20338, IV в., префектура Яманаси, Токийский национальный музей, г. Токио (фото из открытого доступа, без масштаба)

Fig. 3. Swords and daggers of the 3rd – 7th centuries from the collections of Japanese museums: 1 – sword from the Inariyama burial mound, 5th century, Saitama Prefecture, Sakitama Museum of Burial Complex, Gyoda city; 2 – dagger J-574, 5th – 6th centuries, Kumamoto Prefecture, Tokyo National Museum, Tokyo; 3 – dagger J-575, 5th – 6th centuries, Kumamoto Prefecture, Tokyo National Museum, Tokyo city; 4 – dagger J-577, 5th – 6th centuries, Kumamoto Prefecture, Tokyo National Museum, Tokyo; 5 – dagger J-578, 5th – 6th centuries, Kumamoto Prefecture, Tokyo National Museum, Tokyo; 6 – sword J-20338, 6th century, Yamanashi Prefecture, Tokyo National Museum, Tokyo 6 (public domain photo, not to scale)

Общая длина мечей варианта 50–93,2 см; в том числе длина клинка 50–81,4 см. На некоторых мечах сохранились следы использовавшегося при оформлении текстиля (нити и шнуры), лака и кожи. Большинство мечей этой серии датированы японскими археологами IV–V вв.¹¹

Вариант 2. Мечи с прямым ромбическим в сечении клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога с использованием оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен девятью мечами из префектур Миэ, Миядзаки, Нара, Сага, Фукуи и Хёго. Общая длина мечей 62,4–79,1 см; в том числе клинок 50,5–63,1 см. На трех мечах зафиксированы следы использования текстиля (шнуров и нитей) при оформлении оружия. Четыре меча японскими археологами датируются V–VI вв., три – IV–V вв., для одного меча исследователи дают более широкую датировку – IV–VI вв.¹²

Мечам подтипа 2 свойственны следующие медианные значения длин: общая – 71,5 см, клинка – 58,4 см, хвостовика – 14,35 см.

Помимо мечей, при описании подтипа 2 стоит упомянуть конструктивно схожие с ними кинжалы, представленные в экспозиции Токийского национального музея под номерами J-574 (рис. 3, 2), J-577 (рис. 3, 4) и J-578 (рис. 3, 5).

Общая длина кинжала J-574 составляет 44,7 см, длина клинка – около 36,5 см, хвостовика – около 8 см. Ребра жесткости на клинке выражены слабо, что, вероятно, связано с общим повреждением клинка коррозией. Хвостовик имеет два отверстия для крепления заклепок, отверстия смещены ближе к нижнему краю хвостовика. По мнению японских оружейников, кинжал относится к V–VI вв.¹³

Длина кинжала J-577 – 59,2 см, в том числе клинок – порядка 44 см, хвостовик – около 14,7 см. Острие кинжала сколото, изначально экземпляр мог быть длиннее на несколько сантиметров. Ребро жесткости на клинке хорошо выражено только с одной стороны, с другой же из-за коррозии оно практически незаметно. Хвостовик имеет два отверстия для заклепок. Кинжал также датируется V–VI вв.¹⁴

Кинжал J-578 обладает следующими характеристиками: общая длина – 52,6 см, в том числе клинок – около 38,4 см, хвостовик – около

¹¹ Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии... URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html> (дата обращения 14.11.2023).

¹² Там же.

¹³ Кинжал из коллекции THM, № J-574. URL: https://colbase.nich.go.jp/ collection_items/tnm/J-574?locale=ja (дата обращения 14.11.2023).

¹⁴ Кинжал из коллекции THM, № J-577. URL: https://colbase.nich.go.jp/ collection_items/tnm/J-577?locale=ja (дата обращения 14.11.2023).

14,2 см. Кинжал обладает хорошо выраженными ребрами жесткости по всей длине клинка. В хвостовике имеются два отверстия, через которые заклепками фиксировалась рукоять. Как и рассмотренные нами выше кинжалы, экспонат под номером J-578 японскими археологами датирован V–VI вв.¹⁵

Минимальная длина для мечей, отнесенных нами к типу 1, составляет 50 см, максимальная – 93,2 см; минимальная длина клинка – 50 см, максимальная – 81,4 см, минимальная длина хвостовика – 1,2 см, максимальная – 18,1 см. Медианные длины мечей типа 1: общая – 70,9 см, клинка – 58,2 см, хвостовика – 14,3 см. Историческим периодом, охватывающим III–IV вв., японскими археологами датируются девять мечей, III–V вв. – один меч, III–VI вв. – три меча, IV–V вв. – 62 меча, IV–VI вв. – один меч, V–VI вв. – 18 мечей.

Тип 2. Мечи с волнистым ромбическим в сечении клинком и прямым хвостовиком.

Подтип 1. Мечи с волнистым ромбическим в сечении клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью.

Вариант 1. Мечи с волнистым ромбическим клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен двумя мечами из префектур Миэ и Миядзаки. Общая длина мечей варианта 69,7–82,8 см; в том числе клинок 54,2–67,4 см. У обоих мечей сохранились деревянные элементы ножен, часть рукояти из дерева сохранилась только у меча из Миядзаки. Кроме того, на мече из Миэ японскими археологами были выявлены следы использования лака при декорировании. По мнению японских исследователей, оба меча относятся к IV–V вв.¹⁶

Подтип 2. Мечи с волнистым ромбическим клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога.

Вариант 1. Мечи с волнистым ромбическим клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен

Представлен четырьмя мечами – по одному из провинций Исикава, Нара, Сага и Миядзаки. Общая длина мечей 71,5–84,6 см; в том числе клинок 56,8–69 см. У одного меча сохранились следы использования текстиля (нитей) при оформлении оружия. Медианные длины мечей

¹⁵ Кинжал из коллекции THM, № J-578. URL: https://colbase.nich.go.jp/collection_items/tnm/J-578?locale=ja (дата обращения 14.11.2023).

¹⁶ Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии... URL: <https://kodaikibunkyo.jp/touken-date.html> (дата обращения 14.11.2023).

типа 2: общая длина оружия – 75,45 см, клинка – 61,25 см, хвостовика – 15,4 см. Все мечи японские археологи датируют IV–V вв.¹⁷

Отдел 2. Мечи с линзовидным в сечении клинком.

Вид 1. Мечи с линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком.

Тип 3. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком.

Подтип 1. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью.

Вариант 1. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен 14-ю мечами из провинций Исикава, Миядзаки, Нара, Сайтама, Симанэ, Фукуи и Хёго. Общая длина мечей варианта 64,4–90,0 см; в том числе клинок 50,6–80,2 см. У одного экземпляра сохранились следы использования текстиля в оформлении оружия. У четырех мечей также зафиксированы следы использования лака при декорировании деревянной рукояти и / или ножен. Большинство мечей этой серии японские археологи относят к историческому промежутку, охватывающему IV–V вв., один экземпляр датируется III–IV вв., для одного образца точная датировка не установлена¹⁸

Вариант 2. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком, прямым хвостовиком и L-образной рукоятью с использованием оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен тремя мечами, по одному из провинций Миядзаки, Нара и Фукуока. Для мечей серии характерна следующая длина: 63,3–79,5 см; в том числе клинок 50,7–64,5 см. У всех мечей сохранились деревянные элементы рукояти и ножен. На одном экземпляре сохранились следы использования шнуров при оформлении оружия. Археологами один меч датируется IV–V вв., один – V–VI, для одного исследователи дают более широкую датировку – III–VI вв.¹⁹

Для мечей пятого подтипа характерны следующие размеры: общая медианная длина – 73,8 см; медианная длина клинка – 57,4 см; медианная длина хвостовика – 12,9 см. Большая часть мечей японскими археологами датируется IV–V вв.

¹⁷ Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии... URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html> (дата обращения 14.11.2023).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Подтип 2. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком, прямым хвостовиком и металлической гардой.

Вариант 1. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком с обоймицей, прямым хвостовиком и металлической гардой без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен одним мечом из провинции Симанэ. Длина меча 87,5 см, в том числе клинок 75,5 см, хвостовик 12 см. Форма плечиков клинка не установлена. Хвостовик прямой формы, с одним отверстием. Оригинальным элементом оружия является наличие металлических гарды и обоймицы. Вероятно, этот меч представляет собой эксперимент японского мастера, решившего использовать металлические гарду и обоймицу, которые были характерны для однолезвийных палашей. Японскими исследователями меч был отнесен к «позднему Кофун», т. е. к V–VI вв.²⁰

Подтип 3. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога.

Вариант 1. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога, без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Данную разновидность оружия можно рассмотреть на примере меча из Токийского национального музея под номером J-20338. (рис. 3, б) Длина меча 72,6 см, в том числе клинок 59,1 см и хвостовик 13,5 см. Оружие сильно пострадало от коррозии, острие клинка сколото. Плечики клинка прямоугольной формы. Хвостовик меча прямой, без отверстий, в связи с чем можно предположить, что этот меч обладал всадной рукоятью. Японскими исследователями меч датирован IV в.²¹

Помимо меча из Токийского национального музея, имеется информация о 137 экземплярах оружия, обнаруженных в ходе археологических раскопок, которые мы можем отнести к этому варианту. Общая длина мечей серии 51,5 (хвостовик меча не сохранился – 115 см; в том числе клинок 50–97,5 см. У 84 мечей сохранились деревянные части ножен, у 66 – деревянные части рукояти. У двух мечей из провинции Исикава, датированных IV–V вв., при этом сохранились металлические элементы набора ножен, которые практически не встречаются вместе с другими мечами. Мечи были обнаружены в провинциях Исикава, Миэ, Миядзаки, Нара, Окаяма, Сага, Симанэ, Тоттори, Фукуи, Фукуока, Хёго

²⁰ Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии... URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html> (дата обращения 14.11.2023).

²¹ Меч из коллекции ТНМ, № J-20338. URL: <https://webarchives.tnm.jp/imgsearch/show/C0089473> (дата обращения 14.11.2023).

и Хиросима. Большая часть мечей относится японскими археологами к IV–V вв.²²

Вариант 2. Мечи с прямым линзовидным в сечении клинком, прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога, с использованием оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен 23 мечами из провинций Исикава, Миядзаки, Нара, Окаяма, Фукуока, Хёго и Хиросима. Размеры мечей данной серии 57–90,4 см, в том числе клинок 50–70,3 см. Вместе с большинством мечей сохранились также деревянные части ножен. У некоторых сохранились деревянные элементы рукояти, при этом на одном мече из префектуры Миядзаки в оформлении рукояти использовалась кора. На трех мечах зафиксированы следы использования шнуров и нитей; у одного меча из префектуры Хиросима сохранились следы использования лака и кожи при декорировании оружия. Практически все мечи японские археологи относят к IV–V вв. (три меча нуждаются в уточнении датировки), два датированы V–VI вв.²³

Длины мечей подтипа 7: медианная общая – 65,95 см; медианная клинка – 57 см; медианная хвостовика – 13,7 см. Абсолютное большинство (121 экземпляр) мечей подтипа датируются IV–V вв.

Минимальная длина рассмотренных выше мечей, относящихся к типу 1 отдела 2, составляет 51,5 см, максимальная – 115 см, медианная – 70,2 см; минимальная длина клинка – 50 см, максимальная – 97,5 см, медианная – 57 см; минимальная длина хвостовика – 2 см, максимальная – 20, медианная – 13,5 см. Больше всего мечей относятся к IV–V вв. (134 экз.), далее следуют мечи V–VI вв. (22 экз.), и, наконец, оружие III–IV вв. (15 экз.).

Тип 4. Мечи с волнистым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком.

Подтип 1 Мечи с волнистым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком и L-образной рукоятью.

Вариант 1. Мечи с волнистым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком и L-образной рукоятью без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен одним гигантским мечом из провинции Нара. Длина меча составляет 254 см вместе с эфесом, в том числе клинок 216 см, хвостовик 21 см. Ширина клинка 6 см. Подобные размеры меча свидетель-

²² Меч из коллекции THM, № J-20338. URL: <https://webarchives.tnm.jp/imgsearch/show/C0089473> (дата обращения 14.11.2023).

²³ Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии... URL: <https://kodaikibunkyo.jp/touken-date.html> (дата обращения 14.11.2023).

ствуют, что он представлял собой не боевое оружие, а ритуальный предмет. Изгибы клинка формируют 5 секций, расположенных под небольшим углом относительно друг друга. Острие клинка, вероятно, было закругленным (рис. 4).

Общая длина эфеса меча составляла порядка 38 см. L-образная рукоять с массивным орнаментированным навершием, по мнению японских археологов, выполнена из единого куска дерева. Эфес был покрыт черным лаком. Рукоять, по мнению исследователей, была обернута тканью или оплетена шнуром.

По мнению исследователей, ножны меча могли иметь длину до 248 см. Ножны состояли из трех частей – воронковидного орнаментированного, гладкой средней части и наконечника ножен. Наконечник

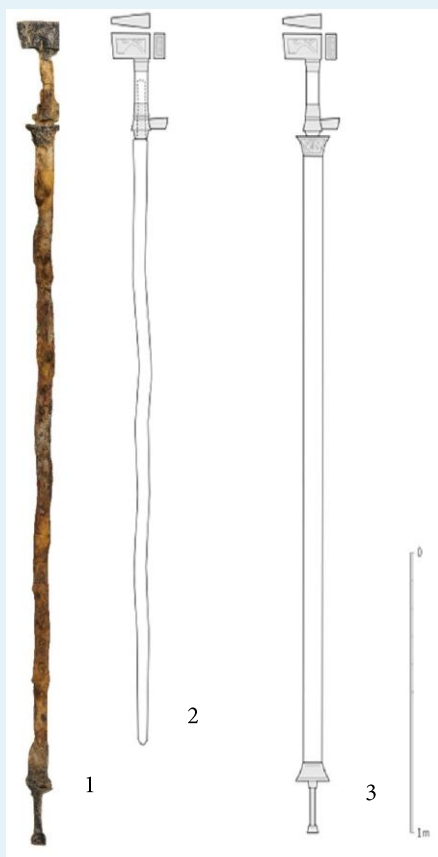

Рис. 4. Гигантский меч с волнистым клинком из префектуры Нара, VI в., Университет Касихара, г. Нара: 1 – общий вид, ножны расположены под клинком; 2, 3 – реконструкция внешнего вида

Fig. 4. Giant sword with wavy blade from Nara Prefecture, 6th century, Kashihara University, Nara City: 1 – general view, the scabbard is located under the blade; 2, 3 – reconstruction of the appearance

при этом, скорее всего, имел дополнительную деталь в виде небольшого уступа. Японские исследователи датируют меч второй половиной IV в.²⁴

Вариант 2. Мечи с волнистым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком и L-образной рукоятью с использованием оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен одним мечом из префектуры Миядзаки. Длина меча 66,8 см, в том числе клинок 55,5 см и хвостовик 11,3 см. Сохранились части деревянных ножен и рукояти. Японскими археологами меч не был датирован, однако, учитывая, что практически все другие мечи типа 2 датируются IV–V вв., с высокой долей вероятности рассмотренный выше меч также можно отнести к этому хронологическому промежутку.

Подтип 2. Мечи с волнистым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога.

Вариант 1. Мечи с волнистым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога, без использования оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен четырьмя мечами из провинций Вакаяма, Миядзаки и Хёго. Общая длина мечей варианта 68,5–85 см, в том числе клинок 57,5–63,2 см. У двух мечей сохранились деревянные элементы ножен и рукояти, у одного также зафиксированы следы использования текстиля в оформлении оружия. Три меча датируются японскими археологами IV–V вв., один – V–VI вв.²⁵

Вариант 2. Мечи с волнистым линзовидным в сечении клинком и прямым хвостовиком без гарды либо ее аналога, с использованием оленьего рога в оформлении эфеса и / или ножен.

Представлен одним мечом из провинции Миядзаки. Общая длина меча 67,9 см, в том числе клинок 57 см и хвостовик 10,9 см. Японскими археологами меч был отнесен к хронологическому промежутку IV–V вв.²⁶

Для подтипа 9 характерны следующие значения длины: медианная общая – 71,9 см; медианная клинка – 59,9 см; медианная хвостовика – 10,9 см. Большая часть мечей датируется IV–V вв. Длины мечей типа 2: общая минимальная – 66,8 см, максимальная – 237 см, медианная – 71,9 см; длина клинка минимальная 55,5 см, максимальная – 216 см, ме-

²⁴ Гигантский меч из провинции Нара. URL: <https://www.city.nara.lg.jp/site/press-release/201144.html> (дата обращения 14.11.2023).

²⁵ Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии... URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html> (дата обращения 14.11.2023).

²⁶ Там же.

дианная – 59,9 см; длина хвостовика минимальная – 9 см, максимальная – 21,8 см, медианная – 11 см.

Выводы

В общей сложности проанализированы 287 экземпляров мечей (и их фрагментов), применявшихся воинами Ямато в III–VII вв. По результатам систематизации материалов выделен один класс мечей (железные), 2 отдела, 4 типа и 9 подтипов, дополненных 15 вариантами.

Преобладающей разновидностью мечей воинов Ямато рассматриваемого периода являлись мечи с прямым клинком линзовидного сечения. Несколько реже применялись мечи с прямым клинком ромбического сечения. Самой редкой разновидностью оружия были мечи с волнистым клинком. Однако единственный дошедший до нас гигантский ритуальный меч длиной более 2 м имеет именно волнистый клинок.

Известные материалы позволяют проследить некоторые особенности эволюции японских мечей III–VII вв. Для III–IV вв. характерны в первую очередь мечи с линзовидным в сечении прямым клинком (15 экз.), далее следуют мечи с ромбическим в сечении прямым клинком (10 экз.).

Наибольшее количество мечей приходится на исторический промежуток IV–V вв.: самые распространенные мечи с линзовидным в сечении прямым клинком (134 экз.), затем следуют мечи с ромбическим сечением прямого клинка (62 экз.), мечей с волнистым клинком ромбического и линзовидного сечения (6 и 5 экз. соответственно).

В конце изучаемого периода мечи с прямым линзовидным в сечении клинком сохраняют лидирующие позиции (22 экз.), однако почти столько же найдено мечей с ромбическим в сечении прямым клинком – 18 экз.; мечи с волнистым клинком представлены для этого исторического периода лишь одним мечом с линзовидным сечением клинка.

Таким образом, в интересующих нас хронологических рамках преобладающей разновидностью мечей были образцы с прямым линзовидным в сечении клинком. Их аналоги с ромбическим в сечении клинком уверенно занимали второе место, в то время как оружие с волнистой формой клинка встречалось крайне редко, что является дополнительным аргументом в пользу гипотезы о его ритуальном значении.

Основным противником государства Ямато в рассматриваемый нами период выступали племена эмиси на северо-востоке и кумасо на юге. До нас не дошло информации об особенностях защитного вооружения

воинов этих племен, что затрудняет уточнение функциональных особенностей применения изучаемого оружия японскими мечниками. Однако характерная форма клинка и остроугольное острие позволяют предположить, что мечи могли использоваться в качестве рубящего и колющего оружия, в том числе и в столкновениях с противником, одетым в доспех.

Стоит отметить, что на глиняных статуях ханива, изображающих знатных воинов, мечи не встречаются. Все элитные японские латники оснащены однолезвийными палашами. Это позволяет предположить, что на протяжении III–VIII вв. мечи применялись в основном не представителями военной аристократии Ямато, а менее зажиточными и знатными категориями воинов. В пользу этого свидетельствует весьма скромное и лаконичное декоративное оформление эфесов и ножен большинства мечей рассматриваемой серии.

Список литературы

Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., Каирмагамбетов А. М., Исмаилов Д.

Три сабли монгольского времени с территории Казахстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 245–256.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Носов К. С. Самураи: эволюция вооружения. М.: Эксмо, 2010. 368 с.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Вакаса Тоору, Дэнда Икуо, Исикава Хидэиси, Като Харухико, Ким Вудай, Ли Янгхо, Мацумото Юрико, Накано Кадзухира, Нииро Идзуми, Оота Хироюки, Отани Кодзи, Отани Тоору, Сайто Дайсукэ, Сугияма Кадзунори, Такано Ёко, Такисэ Ёсиюки, Танака Айко, Танака Синсаку, Тоёсима Наохиро, Тэраи Макото, Хихара Эри, Юси Аруга. «То:кэн – буки кара ёмитоку кодай сякай» [Мечи – изучение древнего общества через оружие]. Хабасуто, 2022. 260 с. (на яп. яз.)

Масудзава Фумитакэ. Икс сэн га изданау кодай но сэкай. Сатйима кэн, Кумамото кэн сюцудо кингиндзо:ган мэй то:кэн га цутаэта дзидай. Древний мир через призму рентгеновских лучей. Датировка мечей инкрустированных золотом и серебром из префектур Сайтама

- и Гумма. // Журнал Японского общества радиологических технологий. 2006. Т. 12, № 2. С. 16–19. (на яп. яз.)
- Murayama S., Miller R. A.** The Inariyama Tumulus Sword Inscription // Journal of Japanese Studies. 1979. No. 5 (2). P. 421–422.
- Piggott J. R.** The Emergence of Japanese Kingship. Stanford, Stanford Uni. Press, 1997. 436 p.
- Roach C. M.** Japanese swords: cultural icons of a nation. Published by Tuttle Publishing, an imprint of Periplus Editions (HK) Ltd., 2010. 178 p.

Список источников

- Гигантский меч из провинции Нара. URL: <https://www.city.nara.lg.jp/site/press-release/201144.html>
- Меч из кургана Инарияма. Музей погребального комплекса Сакитама. URL: <https://sakitama-muse.spec.ed.jp/%E9%87%91%E9%8C%AF%E9%8A%98%E9%89%84%E5%89%A3>
- Данные о результатах археологических раскопок в 14 провинциях Японии, опубликованные на сайте Конференции по древней истории и культуре. URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html>
- Мечи из префектуры Вакаяма. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_07wakayama-2.html
- Мечи из провинции Исихикава. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_02ishikawa-2.html
- Мечи из префектуры Миэ. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_04mie-2.html
- Мечи из префектуры Миядзаки. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_14miyazaki-2.html
- Мечи из префектуры Нара. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_06nara-2.html
- Мечи из префектуры Окаяма. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_10okayama-2.html
- Мечи из префектуры Сага. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_13saga-2.html
- Мечи из префектуры Сайтама. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_01saitama-2.html
- Мечи из провинции Симанэ. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_09shimane-2.html
- Мечи из префектуры Тоттори. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_08tottori-2.html

- Мечи из префектуры Фукуи. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_03fukui-2.html
- Мечи из префектуры Фукуока. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_12fukuoka-2.html
- Мечи из префектуры Хёго. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_05hyogo-2.html
- Мечи из префектуры Хиросима. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_11hiroshima-2.html

References

- Bobrov L. A., Kushkumbaev A. K., Kairmagambetov A. M., Ismailov D.** Three sabres of Mongolian time from the territory of Kazakhstan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 245–256. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.** Armament and tactics of nomads of Central Asia and Southern Siberia in the late Middle Ages and New Time (15th – first half of the 18th century). St. Petersburg, SPbSU Press, 2008, 770 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Armament of the Yenisei Kyrgyz of the 6th – 12th centuries. Novosibirsk, Nauka, 1980, 176 p. (in Russ.)
- Masuzawa F.** X sen ga edanau kodai no sekai. Satima ken, Kumamoto ken shutsudo kinginzo:gan mei to:ken ga tsutaeta jidai. The ancient world through the prism of X-rays. Dating of swords inlaid with gold and silver from Saitama and Gumma prefectures. *Journal of the Japanese Society of Radiological Technology*, 2006, vol. 12, no. 2, pp. 16–19.
- Murayama S., Miller R. A.** The Inariyama Tumulus Sword Inscription. *Journal of Japanese Studies*, 1979, vol. 5 (2), pp. 421–422. (in Jap.)
- Nosov K. S.** Samurai: Evolution of Armament. Moscow, Eksmo, 2010, 368 p. (in Russ.)
- Piggott J. R.** The Emergence of Japanese Kingship. Stanford Uni. Press, 1997, 436 p.
- Roach C. M.** Japanese swords: cultural icons of a nation. Published by Tuttle Publishing, an imprint of Periplus Editions (HK) Ltd., 2010, 178 p.
- Wakasa Tooru, Danda Ikuo, Ishikawa Hideishi, Kato Haruhiko, Kim Wudai, Lee Youngho, Matsumoto Yuriko, Nakano Kazuhira, Niiro Izumi, Oota Hiroyuki, Otani Koji, Otani Tooru, Saito Daisuke, Sugiyama Kazunori, Takano Yoko, Takise Yoshiyuki, Tanaka Aiko, Tanaka Shinsaku, Toyoshima Naohiro, Terai Makoto, Hihara Eri, Yushi Aruga.** To:ken – buki kara yomitoku kodai shakai [Swords –

A study of ancient society through weapons]. Habasuto, 2022, 260 p. (in Jap.)

List of Sources

- Giant sword from Nara Province. URL: <https://www.city.nara.lg.jp/site/press-release/201144.html>
- Sword from the Inariyama burial mound. Sakitama burial complex museum. URL: <https://sakitama-muse.spec.ed.jp/%E9%87%91%E9%8C%AF%E9%8A%98%E9%89%84%E5%89%A3>
- Data on the results of archaeological excavations in 14 provinces of Japan, published on the website of the Conference on Ancient History and Culture. URL: <https://kodairekibunkyo.jp/touken-date.html>
- Swords from Wakayama Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_07wakayama-2.html
- Swords from Ishikawa Province. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_02ishikawa-2.html
- Swords from Mie Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_04mie-2.html
- Swords from Miyazaki Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_14miyazaki-2.html
- Swords from Nara Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_06nara-2.html
- Swords from Okayama Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_10okayama-2.html
- Swords from Saga Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_13saga-2.html
- Swords from Saitama Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_01saitama-2.html
- Swords from Shimane Province. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_09shimane-2.html
- Swords from Tottori Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_08tottori-2.html
- Swords from Fukui Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_03fukui-2.html
- Swords from Fukuoka Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_12fukuoka-2.html
- Swords from Hyogo Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_05hyogo-2.html

Макашев Д. В. Мечи в комплексе оружия воинов Ямато III–VII веков

Swords from Hiroshima Prefecture. URL: https://kodairekibunkyo.jp/touken-date/swords_11hiroshima-2.html

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Макашев, студент магистратуры

Information about the Author

Dmitry V. Makashev, Master's Degree Student

*Статья поступила в редакцию 09.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025
The article was submitted on 09.02.2025;
approved after reviewing on 12.03.2025; accepted for publication on 12.03.2025*

UNIVERSUM HUMANITARIUM

ISSN 2499-9997

